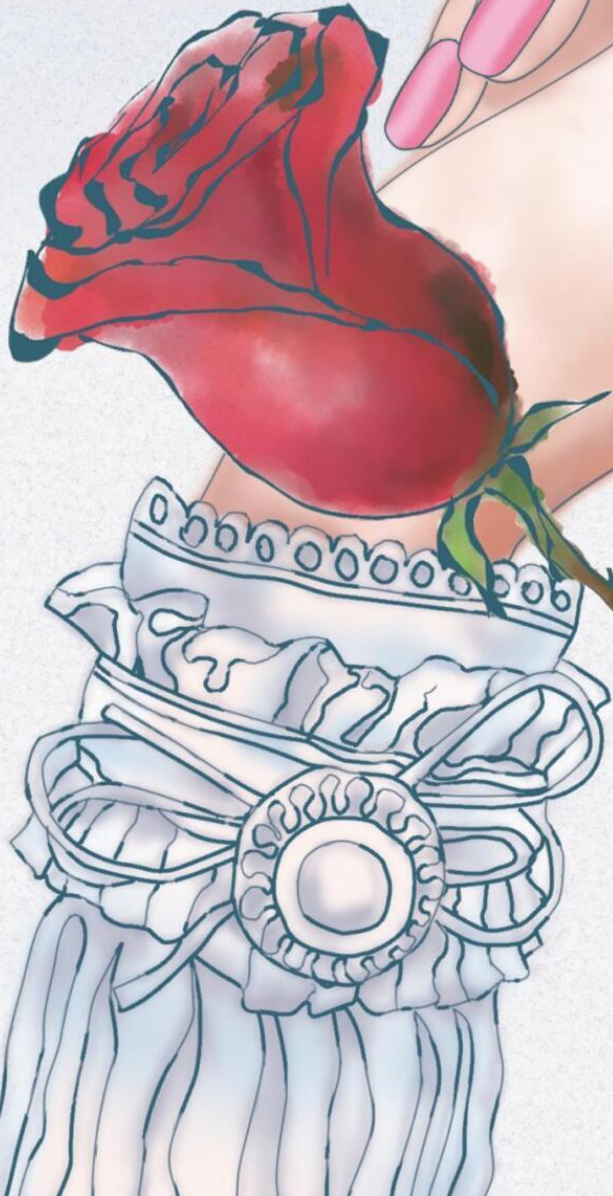

Алексей Коротяев

Прости.
Забудь.
Прощай.

Алексей Коротяев

Прости. Забудь. Прощай

«Автор»

2024

Коротяев А.

Прости. Забудь. Прощай / А. Коротяев — «Автор», 2024

Сценарии человеческих судеб чрезвычайно запутаны. Эта книга о настоящей любви и непредсказуемости жизни, которая на взгляд автора является её самым привлекательным качеством. В книге много неожиданного, радостного и грустного, но даже в самой безнадежной ситуации автор оставляет своим героям шанс, потому что, если есть вера и надежда, то невозможное становится... маловероятным, а это уже намного лучше! Спасибо читателям за участие в жизни моих строчек.

© Коротяев А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Аленький цветочек	5
Последнее пари актрисы	13

Алексей Коротяев

Прости. Забудь. Прощай

Аленький цветочек

Солнечный луч проколол дырку в портьере и, расширившись, приземлился на маленький кусочек стола у кровати. Следом за ним множество таких же светящихся конусов пробралось в комнату. Отражаясь от хрустальной вазы с хризантемами, они серебристыми искрами забегали по Ларисинуму лицу. Девушка уже давно не спала. Она просто лежала и вспоминала...

Боль в ногах заставляла ненавидеть себя еще больше. Под плотный кокон бинтов звуки голоса доносились гулко и раздражающе искаженно.

– Чтобы операция закончилась успешно, вы должны бороться, Лариса.

– Что у меня с лицом? Я хочу умыться и почистить зубы в конце концов.

Когда снимут повязки?

– Мы можем это сделать, но лучше... не сейчас.

– Я настаиваю!

На нее смотрело уродливое существо из комнаты кривых зеркал.

Асимметричность губ и бровей делала лицо похожим на портрет работы Пикас-со. Красный валик вместо левого уха и полное отсутствие перегородки носа...

Это не я! Это кто-то другой! О Боже! Это не я-аааааааа!

Лара медленно приходила в себя. Лицо горело. Оставалась еще маленькая надежда на то, что вследствие высокой температуры все это ей просто

приснилось. Она коснулась пальцами лица, натолкнулась на бинты и страшно закричала.

– Локтевая... Лучевая... Так... Берцовая кость срастается тоже хорошо...

Вы будете полноценно ходить, Ларочка, без помощи палочки. Даже бегать.

Лицу же потребуется множественная пластика.

Лариса не отвечала, отвернувшись к стене. Ей было все равно, что

говорил этот мужчина. Происходящее совершенно перестало ее интересовать.

То, что она увидела в зеркале, смотрело теперь на нее из памяти и страшно кривлялось.

В дверь осторожно постучали.

– Разрешите? Вы мне не поможете?

Молодой стройный мужчина, гибко изогнувшись, как прыгун в прыжке над планкой, осторожно проскользнул в дверь, не дожидаясь ответа. Быстро ее закрыв, он прислонил ухо к матовому стеклу и стал прислушиваться к тому, что происходило в коридоре.

– Я? Помочь? Чем? – удивленно спросила Лара.

1

Не поворачиваясь, мужчина ответил:

– Сестру доставили сюда сегодня ночью. Состояние тяжелое. Никого не пускают. Я пробрался, естественно.

Усмехнулся:

– Я везде пройду. Доктор – мужик хороший, но очень строгий. Так что...

Можно я у вас пережду, пока там все успокоится?

– Переждите.

Гость наконец развернулся и посмотрел на Ларису.

– Не страшно? – спросила она, заметив, как изменилось выражение его лица. – Я и страшнее видел. Ой! Простите, пожалуйста. Ради Бога! Не то имел в виду.

– Где же, если не секрет? Я вот лично даже не подозревала, что рот может быть на щеке.

– Под бинтами не видно.

– Спасибо, но поверьте на слово. Ну, так где же? – допытывалась она. – В Кунсткамере?

Мужчина посерьезнел.

– Работа у меня... мужская. Вот там и видел.

– Горячие точки? Военный?

– И да, и... нет. А что произошло с вами? Если, конечно...

– Я не такая засекреченная, как некоторые. Две курицы спешили рано утром на работу в собственных авто и не поделили перекресток. Одна, та, которая хотела проскочить на красный, ушла на своих двоих. По крайней мере, мне так сказали. Вторая – перед вами. Теперь, пока я не заговорю, определить, мужчина перед вами или женщина, почти невозможно.

– Я сразу определил, – спокойно сказал незванный гость.

Через прорези бинтов она посмотрела внимательней на стоящего у дверей человека. Высокий, лет 40-ка мужчина. Совершенно седой. Бездонные голубые глаза смотрят спокойно, открыто и доброжелательно. Лицо волевое, красивое. Атлетическая фигура... Уверенность в каждом жесте.

– Геннадий.

– Аленький Цветочек. Не подумайте, что Настенька...

Неожиданно для себя она протянула мужчине руку. Он подошел и осторожно пожал утонувшие в его ладони узкие пальцы.

– Рука у вас... Цветочек действительно как лепесток. Легкая и нежная.

Сказав это, засобирался:

– Похоже, доктор ушел из отделения. Не слышу голосов. Спасибо, что приютили и не выдали.

- Не говорите глупостей.
- Выздоровливайте.
- Посмотрите, из чего ее достали, доктор. Сорок минут разрезали металл вокруг, так сильно сжало.
- Вижу. Множественные переломы. От некоторых лицевых мышечных тканей остались лохмотья. Полностью мимику лица восстановить не удастся.
- Это не самая страшная проблема, доктор.
- ?
- Она не хочет жить.
- Не ново... Так бы сразу и говорили: ваш, Сергей Иванович, профиль.
- Мне поэтому и посоветовали обратиться именно к вам. Мы уже все пробовали. Если не поможете, моя дочь...
- Скажу сразу: не могу гарантировать 100 процентов успеха. Методи-ка хоть и успешно применяется уже несколько лет, но предусмотреть реакцию каждого индивидуума, простите, невозможно. Восстановительный период тоже будет нелегким.
- Я понимаю и согласен на все ваши условия.
- День опять начался с отставленной в сторону тарелки. Над нетронутыми фруктами резвились мошки.
- Уберите. Я не буду.
- Санитарка, которая мыла полы в палате, сказала в сердцах:
- Уморишь ведь себя. Нельзя так!
- Лариса вздохнула и с притворным ужасом спросила:
- Насмерть???
- Дверь открылась, и вошел главный врач.
- Как вы себя чувствуете?
- Хуже, чем баклажан, но лучше, чем кабачок. Хотя больше похожа на брюссельскую капусту. Зачем вы спрашиваете? Знаете, что отсюда я уже не выйду. Попробуете силой кормить или через какие-то трубочки – выброшусь из окна. Вы каждый раз вздрагиваете, снимая бинты, а хотите, чтобы я поверила, что выгляжу сногшибательно. Вообще-то, правда ваша. Редко кто, увидев, устоит на ногах! Скажете: живут люди еще и с худшими уродствами? Скажете ведь!!! А разве может быть что-то хуже, чем 27-летняя женщина, у которой вместо лица кусок мяса, встретившийся на скорости 80 км/ч с лобовым стеклом!!! Может? Может? Может?!!!
- Ниночка! Укол быстро! Я помогу.
- Пелена спадала с глаз. Сознание медленно выныривало на поверхность. Сначала появилась способность различать предметы, а через несколько секунд – и звуки. Так просыпаются с заложенными ушами в полутемном само-лете, летящем много часов высоко над облаками.
- У входной двери, прислушиваясь к звукам снаружи, опять стоял вчерашний посетитель.
- Все прячетесь?
- А! Цветочек! Здравствуйте! Извините, я думал, вы спите. Позиция у вас уж больно стратегическая. И видно все отсюда и слышно хорошо.
- Как сестра?
- До сих пор в интенсивной терапии. Поэтому и не пускает доктор. Ин-фекции боится. Строго здесь. Не то, что в обычных госпиталях.
- Я ничего в этом не понимаю. Меня привез отец.
- Мужчина, казалось, слушал только то, что происходило по другую сторону дверей.
- Нет. Еще там...
- А что произошло с вашей сестрой?

– Автомобильная катастрофа. Какая-то блондинка врезалась в нее на перекрестке. Обе машины в стружку! Мне сказали, что это лучшая клиника лицевой хирургии и реабилитации в стране. Сестра у меня тоже одна... Я тут опять с вами посижу несколько минут. Не прогоните?

Прошло уже не меньше часа, а беседа все продолжалась.

– Я ведь еще с института мечтала о серьезном восхождении, – говорила Лариса. – Готовилась, тренировалась. Вы так интересно рассказываете, Геннадий! Как будто побывала с вашей группой на Памире! Самой-то уже не

придется, никогда...

– Правильно! Я бы лично вас с собой не взял.

– Это еще почему? – искренне удивилась Лариса.

– Потому что идешь только с теми, на кого можешь положиться. Кто, заболев, старается помочь здоровым. Кто не оставит друга, даже если сам еле-еле ползет! Знаю, вам плохо. Но вы живы, значит, полпути до вершины уже пройдено! Вот она, рядом... А вы: «Оставьте меня здесь... я больше не могу...»

Лариса улыбнулась:

– Вот уж действительно нарисовали портрет. Я бы и сама с такой не пошла. Давайте по яблочку?

Каждый раз, проходя к сестре, которую перевели из интенсивной к стабильным, Геннадий навещал Ларису. Он оказался настолько необычным человеком, что девушка не сводила с него глаз и могла слушать часами, если бы... они у них были. С ее головы сняли бинты, и девушка сразу привела свои отросшие светлые кудри в порядок. Нижнюю часть лица закрывала теперь только марлевая повязка.

Появление Геннадия пробудило не только интерес к жизни, но и принесло неиспытанное ранее волнение. Она томилась ожиданием его прихода и грустила, когда он задерживался. Ощущения были новые, но инстинктивно и безошибочно узнаваемые любой женской душой. Признаки казались такими же бесспорными, как тяга к соленым огурчикам через месяц после свадьбы.

Девушка и без всяких признаков понимала, что влюбилась в этого человека без памяти.

– Ты, правда, Аленький Цветочек... Добрая, нежная...

Они сидели рядом, взявшись за руки.

Лариса осторожно дотронулась ладонью до его губ.

– Молчи...

Потом бережно, еле касаясь, провела по его волосам и лицу... Он взял ее тонкие, почти детские дрожащие пальцы и нежно поцеловал. Лариса со счастливой улыбкой закрыла глаза и прижала его голову к своей груди.

– Сергей Иванович! Я готова к серии лицевых операций, о которых Вы говорили, – заявила Лариса, как только главврач переступил порог палаты.

– Не так это просто теперь, Ларочка, – сказал доктор, устраиваясь на стуле рядом с ней. – Вы изнурили себя голодовкой и совершенно не подготовлены к предстоящим испытаниям: как физическим, так и эмоциональным. Но если действительно серьезно решили, то...

Лариса схватила его за руку:

– Очень серьезно, очень!

– Значит, будем работать вместе!

– Гена! Почему у тебя нет жены?

– Это сложно, Лара! Я уже говорил, что...

Геннадий помолчал.

– Что у меня... мужская работа.

– Да, я помню. Точки горячие и еще что-то.

– Вот из-за этого «еще что-то» я не могу иметь семью. Я не принадлежу себе. Не имею права даже говорить на эту тему.

– Значит, ты... никогда не...?

– Не женюсь, ты хотела спросить? Я на правительственной работе. В любой момент могу понадобиться. Понять такое невоенному человеку трудно.

– Ты можешь уйти из моей жизни, возможно, навсегда, и хочешь, чтобы я это поняла??? – Ларин голос дрожал и срывался. – Я поеду за тобой куда угодно! Геннадий молчал. Подошел к ней, маленькой, хрупкой, развернул лицом к себе и нежно обнял. Он держал это истерзанное операциями, неистово плачущее тельце в своих крепких руках и долго гладил по спине и волосам, пока девушка не притихла.

Потом он пропал на несколько дней и, когда появился однажды утром, сказал:

– Меня вызывают. Это надолго. Я пришел попрощаться.

– Я не спала всю ночь. Думала. Ты не хочешь взять меня с собой потому, что я безобразная? Прости, прости! Я такая дура! Такая дура! – она прижимала его руки к губам и целовала. – Я хочу сказать, что люблю тебя и благо-дарна судьбе за нашу встречу. Я знаю, что такое любить. Меня теперь можно... в горы. Ты научил...

– Прости меня, Лара!

– Прощаю... Что я говорю! Это ты прости, что мучаю тебя!!!

– Разве ты виноват?

Они долго стояли, обнявшись, пока не прозвенел звонок сотового.

– Я спускаюсь, – сказал Геннадий в телефон.

Помедлил. Взял Ларису за руки.

– Машина уже ждет, мне пора.

Он поцеловал девушку в соленые глаза и, не оглядываясь, вышел.

Из окна она увидела, как Геннадий быстрыми шагами пересек площадь перед корпусом и сел в ожидающий его внизу черный джип. Транспорт-ным средствам, кроме больничных, въезд на территорию был строго запрещен, и машина одиноко стояла у тротуара с включенными фарами... Минуту. Две...

Потом резко взяла с места и выехала за ворота...

Главврач сидел напротив Ларисиного отца в своем уютном кабинете и щедро разливал коньяк в широкие бокалы.

– Через три дня можете забирать дочку домой, – говорил он светящему-ся от счастья родителю. – Она вне опасности.

– Сергей Иванович! Расскажите мне о вашем методе. Откуда возникла такая необычная идея?

– Извольте. Еще в самом начале своей карьеры, студентом, я проходил практику в роддоме. Для женщины потерять ребенка – это огромная психическая травма, а уж возможность рожать... Лежала у нас одна с асфиксией плода и таким букетом заболеваний, что у Мухинской «Колхозницы» было больше шансов забеременеть и родить, чем у нее. Мы не могли помочь бедной женщине, и она угасала прямо на глазах. Ее никто не навещал. Счастье других ро-жениц и звуки кричащих младенцев только усугубляли болезненное состояние и, как следствие, кровотечения... Один из моих сокурсников сильно жалел эту молодую женщину. Каждое утро он стал оставлять на ее окне букет цветов, со-рванных тут же, в саду. При возможности заводил с ней беседу, угощал конфетами. Через три дня женщина попросила у соседок по палате зеркальце, а через неделю стала выходить на улицу. Она ждала встреч сильнее, чем морфинист заветного укола. Полюбила. Поправилась. А приятеля моего вскоре перевели в хирургическое отделение. Что уж там дальше с ней стало – не ведаю.

Для женщины потерять привлекательность – это хуже, чем потерять жизнь. Потому что быть привлекательной и есть жизнь для нее. Не имея возможности поделиться своей красотой

с мужчиной, традиционно доминировать и восхищать ею, женщина угасает. После тяжелых травм, уродующих внешность моих пациенток, многие из них рано или поздно впадают в тяжелейшую депрессию. Для некоторых она заканчивается или прыжком с моста, или... внезапно появившимся интересом к фармакологии. Преимущественно – к количественному аспекту сильнодействующих лекарственных средств.

Еще коньячку? Нет? Я выпью. А! Тогда вы тоже? Видите, я умею уговаривать! У нас в городе есть свой драматический театр. Довольно скверный, но...

Вот это но и натолкнуло на идею...

– Один из актеров труппы в отличие от остальных играл великолепно.

Глядя на него, я каждый раз забывал, что нахожусь в провинциальном театре.

Не уверен, заметили ли это другие. А это, собственно, и... неважно для моего рассказа. Больше себе не наливаю. Красивый, молодой, талантливый. Роман-тические роли он проживал на сцене так, что невозможно было не поверить в его искренность.

– Первый раз, когда я поговорил с Геннадием и предложил ему работу, он со смехом отверг ее. Второй разговор произошел уже в моем кабинете. Из-за плохих сборов количество спектаклей было сокращено вдвое. Не надо быть Эйнштейном, чтобы догадаться, что и зарплата соответственно. Я услышал об этом и позвонил... Но окончательно сомневаться он перестал только после того, как я провел его по палатам. Увидел потухшие глаза женщин, ожидающих казни жизнью по выходу из больницы, и согласился. Так Геннадий стал частью моего медицинского штата.

– Ко мне попадают в основном по рекомендации, вы и сами знаете. И еще те пациентки, за которых безуспешно брались психиатры со своими зомби-рующими пилюлями. Безнадежные случаи, в общем. Как ваш. Простите, конечно. В любой операции самый опасный и сложный период начинается после нее.

Большинство пострадавших не хотят никого видеть, хотя нередко и наоборот.

В этой критической ситуации необходимо пробудить и вызвать в них интерес к жизни. Только такой гениальный артист, как Гена, мог убедить полностью потерявшую веру в себя и будущее женщину, что он безумно влюблен именно в ее душу, и помятая, изуродованная оболочка не играет роли. Мы требовали и подробно изучали информацию на каждую прибывающую. Предпочтения, хобби, отвращения, вкусы, жизненная философия – все, что могло помочь найти ключ к сердцу этой женщины. Геннадий талантливо и с упоением играет тех, кем ему всегда хотелось быть – героев, таинственных, остроумных и великодушных.

Кстати, не только такой положительный тип нравится женщинам. Был случай, когда целый месяц Гене пришлось хрипло петь под гитару блатные песни и избивать себя криминального авторитета. Легендой для исчезновения стала его «поимка» и водворение в тюрьму на долгие годы... Придя в себя, женщины сразу торопятся уехать.

– Да! История! Спасибо еще раз, доктор! То, что давал слово о неразглашении, помню. Жизнь дочери для меня важнее всего.

Гость замешкался, уходя.

– Последний вопрос. Неужели не нашлось ни одной женщины, которая бы не поверила, что Геннадий в нее влюблен?

Доктор улыбнулся и сказал:

– Как может женщина не верить в любовь!? Вы знаете хоть одну, которая думает, что недостойна ее? Все женское существо с самого рождения готовится к любовному трепету. Оно тянется к любви, как дитя к матери. Наш странный мир целиком покоится на хрупких женских плечах, я бы сказал, а не на трех слонах, как многие думают... Хотя вижу, что вы не совсем согласны... с последним, – улыбнулся доктор. – Если бы не женщины, мы, мужчины, уже давно перебили бы друг друга. Вот так, батенька! Подождите минуточку, я вас провожу. Он набрал номер телефона и сказал, наговаривая на автоответчик:

– Геннадий. Отдохни еще пару дней. В среду утром, пожалуйста, ко мне.
Прибывает новая пациентка. Очень тяжелый случай, коллега!

Последнее пари актрисы

Скорая помощь приехала быстро – минут через тридцать-сорок. Врач с двумя помощниками энергично вошел в дверь, открытую просто одетой, но очень красивой молодой женщиной.

– Куда идти?

Дама, жестом пригласив следовать за собой, повела их через прихожую, загроможденную массивными кожаными креслами и старомодной, с мно-жеством крючков, дубовой вешалкой. Затем они прошли в просторную гостиную.

Из нее – в маленькую, очень опрятную, почти без мебели комнату и, наконец, в коридор, заканчивающийся полуоткрытыми двустворчатыми дверями.

– Она здесь.

Пропустив всех вперед, женщина осталась стоять на пороге, прижав ладони к груди и глядя в полумрак полными тревоги глазами.

Больная лежала на широкой кровати, обложенная подушками. В комнате пахло лекарствами и старыми вещами. Высокий потолок почти терялся в невероятной высоте. Тяжелые шторы на окнах плотно задвинуты. Слабый источник света, находящийся на столе, тускло освещал коробку из-под обуви, полную разных пузырьков и коробочек. Доктор подошел к кровати и поставил свою

сумку на стоящий у изголовья стул. Женщина часто и тяжело дышала. Глаза закрыты. Лицо синюшной бледности, усиливаемой лампочкой искусственного света из единственного горящего рожка старомодного торшера, блестело капельками пота. Доктор взял женщину за левое запястье. Она тут же отдернула руку и открыла глаза.

– Что вы тут делаете?! Я никого не звала!

– Ваша дочь позвонила, – спокойно объяснил он.

– У меня уже давно нет дочери, – произнесла больная хрипло. – Ухо-дите! Ирина! Я же просила, – недовольно сказала она.

Мужчины в халатах подошли ближе.

– Давайте мы хотя бы проверим ...

– Нет!

Врач нахмурился.

– Возвращаемся в машину, – приказал он своим спутникам и, взяв со стула сумку, направился к стоящей у двери молодой женщине.

– Сами видите: больная отказывается от помощи. Значит, она в ней не нуждается. Выведите нас из этого лабиринта.

Внезапно пациентка застонала и попросила:

– Пойдите! Мне действительно очень плохо сейчас. Невероятно болит сердце, вот здесь... и жжет плечо. Простите великодушно!

10

Врач тут же вернулся, доставая на ходу стетоскоп. Поставив сумку на прежнее место, он склонился над больной и привычно, словно передвигая дам-ки по шашечному полю, внимательно прослушал сердце и легкие.

– Что вы принимаете? Сколько прошло времени...

– Ириша, ответь, – прошептала пациентка.

– Вот нитроглицерин! Немедленно под язык! Если через 5 минут не поможет, я сделаю укол.

– Вам нужен свежий воздух, – сказал доктор заканчивая осмотр, – а

здесь совершенно нечем дышать!

Он подошел к окну и одним движением раздвинул шторы, впуская поток дневного света. Тот, словно обрадовавшись возможности побывать там, куда ему ранее никогда не разрешали заходить, с любопытством мгновенно

заполнил всю комнату.

Провозившись несколько минут с рамами, доктор недовольно заворчал:

– Господи! Ведь лето на дворе, а окна ещё заклеены.

Убедившись в нежелании рам подчиниться и полной бесперспективности дальнейших попыток, он достал из кармана ключ, разорвал им бумагу на

огромной форточке и открыл её, толкнув наружу. Коктейль звуков жизни огромного города ворвался в помещение.

– Вот так-то лучше.

Поворачиваясь к пациентке, врач хотел добавить что-то нравоучительное, но всмотревшись в лицо пациентки и незамеченные прежде в полумраке

фотографии, глядевшие на него теперь со всех стен, промолчал...

– Постойте! Вы... Не узнал без этих портретов.

– Я и сама себя иногда с трудом узнаю, – видимо, не первый раз отвечая так, усмехнулась женщина. – Мне уже явно лучше. Вы хороший доктор.

– Я ничего для вас ещё не сделал.

– Мне действительно лучше. Резкая боль ушла, а к тупой я привыкла.

Простите, что отняла так много времени.

Она посмотрела с укором на Ирину.

– Могли бы помочь кому-то, кто нуждался в этом больше.

– Не думаю, – отозвался врач. – Вы на грани инфаркта. Считаю, что безопасней будет госпитализироваться.

Ирина сразу подбежала к постели.

– Нина Георгиевна! Вот видите! Не я одна так думаю. Давно ведь прошу, а вы не слушаетесь.

– Я говорила прежде, повторю ещё раз. В последний, – сказала она отчужденно и твердо. – Я никуда отсюда не поеду. Ни сегодня, ни завтра! По соб-11

ственной воле, по крайней мере! Только в бесчувственной форме, готовой для морга или с разумом капусты. . Последнее, что я хочу видеть – это дорогие моему сердцу вещи, родные стены и потолок этой комнаты, а не больничную палату. В конце концов я имею Jus vitae ac necis (Право распоряжаться жизнью и смертью)

– Id facere laus est, quod decet, non quod licet. Похвально делать то, что подобает а не позволяет», — тут же отозвался доктор. — Дело ваше. Не могу настаивать. Подпишите здесь, что вы отказываетесь от госпитализации, и я по-лечу дальше спасать человечество. Может, все же решитесь?

– Вы добрый! Загляните как-нибудь на огонек после службы. Я уже всё сказала.

Она поставила подпись и закрыла глаза, показывая, что разговоры окончены.

Ирина открыла дверь.

– Михаил! Как же я вам рада! Ей опять было плохо ночью. Сейчас храбрится.

Молодой человек уверенно прошел по тёмному коридору. Вошел в комнату. – Нина Георгиевна!

– Мишенька! Лучик света! Что привело вас сюда в этот чудесный суб-ботний вечер? Хотя подождите... Поругались, да? А она хорошенькая?

– Как Вы себя чувствуете?

– Замечательно. Вы же здесь!

– Я серьёзно.

– И я тоже.

Актриса с нескрываемым удовольствием разглядывала подошедшего к ней мужчину.

– Ну зачем вам это надо, Мишель? Право, не понимаю. Вместо того, чтобы успешно кружить головы множеству достойных молодых и красивых женщин... Там где много света, шампанского и прелестных ножек... Вы проводите

столько вечеров здесь и лишаете себя...

– Мне уйти? К... ножкам? – с мнимой угрозой в голосе предложил

гость. – Если вы уйдете, вот тогда у меня действительно случится инфаркт!

Глупость сказала. Пощадите. Конечно я хочу видеть вас как можно чаще. Просто

боюсь отрывать такого замечательного молодого человека от радости общения

с людьми его возраста. Одну жизнь я, кажется, уже загубила, – совершенно

серьезно, с грустью сообщила актриса. – Она была моей самой молодой и пре-данной

поклонницей. Когда много лет назад случился первый инсульт, Ирочка

осталась единственной из тех кто поначалу вызвался ухаживать за мной и... не

12

сбежал. Ни на шаг не отходила. Я была совершенно беспомощна и ничего не

могла делать. Это женщина редкостных добродетелей. И какая красивая, Вы

заметили? Михаил быстро перевёл разговор:

– Давайте, я послушаю ваше сердце.

– Нет! Лучше я ваше! Расскажите, наконец о себе. Вам обо мне известно достаточно

много. О некоторых местах даже (О Господи!) больше, чем я

бы того желала. Мне же о вас ровным счётом ничего. Я умею слушать. Правда.

– Не так уж много интересного в моей жизни. Работал в художественной мастерской в

Загорске. Отец оставил нас, когда мама тяжело заболела. Она

умерла внезапно, ночью, несколько лет спустя. Захотелось тогда всех спасти, чтобы не

уходили люди вот так рано. Решил под старость лет стать врачом и

в 32 года приехал в Москву поступать в мед. Поступил, закончил. На жизнь и

учёбу зарабатывал, выполняя заказы за не очень трудолюбивых художников. Я

недурно рисую. Работы хватало. Теперь вот набираюсь опыта на вызовах и в

травме. Скоро куплю себе в центре комнату и будет совсем хорошо. Всё!

– Вы не рассказали о даме сердца.

– Оно слишком большое, чтобы вместить только одну, – отшутился

Михаил. – Слава Богу! Я уже начала беспокоиться...

– С детства обожаю искусство. Театр, кино... Мне интересно вас слушать, – продолжил

Миша. —Я вижу в вас...

– Стоп! Умоляю! Не говорите, что я напоминаю вам бабушку.

Михаил искренне рассмеялся.

– Ну, может быть, только красотой. Чудесного друга. Вот кого! И безумно интересную

собеседницу.

– Ладно. Это я ещё могу принять, заулыбалась Нина Георгиевна. —

Готовьте глаза и уши. Не запросите пощады? Предупреждаю – её не будет!

Ирочка! Принеси нам, пожалуйста, альбом. Мой любимый. Спасибо, дорогая!

Она начала бережно переверачивать страницы и рассказывать:

– Театральные роли... Женя Евстигнеев... А это киношные. Здесь мы

с Тихоновым снимались... А на съемках этого фильма (там внизу подписано, видите?) за мной ухаживал Бондарчук. Смешной случай тогда произошёл...

Ириша украдкой вытирала слезу, радуясь появившемуся интересу к жизни у её самой, самой, самой любимой и лучшей актрисы на свете. И не было ревности к этому мужчине, которого её любимица ждала, как цветок солнца. Необычный он. Ирина личная жизнь, увы, не удалась. Да и когда? Даже учёбу в Строгановке пришлось оставить. Ведь она ухаживала за дорогой ей Ниной Георгиевной уже 11 лет. Наверно поэтому и не сложилось, но ни о чем, даже на мгновение, Ира не жалела.

13

Во время просмотра альбома разгорелись нешуточные страсти.

– Да, именно! Почему полное равнодушие к судьбе такой великой актрисы?! Может быть, кому-то и все равно, а мне нет, – горячился Михаил.

Нина Георгиевна спокойно выслушала и сказала:

– Миша! Мне не нужна их жалость. Жалость тех, кому по сути безразлично, существовала я когда-либо или нет. Вы бы приняли помощь от таких людей? Миша молчал, насупившись.

– Вот и я тоже думаю. Давайте к этой пустой теме больше не возвращаться. Опять принесли торт, Мишенька? Будем пить чай!

Однажды, поздно ночью, в трубке зазвучал взволнованный голос Ири-ны:

– Умоляю! Я знаю, что вы приедете быстрее скорой. Ей плохо. Очень плохо. Актриса лежала в постели, слегка наклонившись на левую сторону.

– Я пыталась её усадить, но она все время падает, – расплакалась

Ирина. Михаил проверил зрачки.

– Нина Георгиевна! Вы меня слышите?

Слегка кивнула. Он взял её за пальцы.

– Сожмите мои руки так крепко, как только можете.

В ответ, правая кисть ощутимо сдавила Мишину ладонь. Левая... даже не шевельнулась...

– Я сделала всё как вы велели, – взволнованно докладывала Ирина.

– Сразу раздавила аспирин в порошок и дала ей с водой проглотить.

– Вы умница, – похвалил Михаил и, взяв телефон в руки добавил: — сейчас буду звонить в свою больницу и договариваться о транспортировке. Актриса затрясла головой.

– О нет! Никуда не поеду, – еле слышно, одними губами сказала она.

– Вы забыли. Я ещё жива.

Нина Георгиевна восстанавливалась после инсульта на удивление быстро. Пальцы на левой руке уже шевелились, и она старалась садиться в постели без посторонней помощи.

– Доктор! Смотрите, что я могу.

– Подождите! Я вам подушку подложу.

– Не подушка мне нужна, Мишенька, а надгробный камень.

– Вы знаете, что я не люблю такие ваши шуточки, – с преувеличенной строгостью сказал Михаил.

14

– Любите, любите! Вот и Иришка тоже ко мне пристает последнее время. «Давайте говорит, Нина Георгиевна, вставим вам керамику». А зачем? Чтобы у меня были самые красивые зубы на кладбище?

Все рассмеялись.

– Ну, вижу, дело пошло на поправку, – похвалил Михаил.

– Нина Георгиевна!

– Да, Ириша.

– Я давно хотела вас спросить... Не сердитесь на меня, ладно? Ваша дочь... Вы не желаете... Впрочем, чтобы я позвонила ей и пригласила приехать...

– Считай, что я не слышала этого вопроса.

– Но вы же мучаетесь....

– Дорогая моя Ириша! Я давно простила её. За всё. Не в этом дело. Ты эту... женщину не знаешь. Видишь во всех доброе... Я ещё не остыну, а она уже метры квадратные да статуэтки считать начнет. Кстати. Ту, которую подарила мне Уланова, оставь себе и никогда не продавай. Ценная вещица. А Наталье позвонишь, если захочешь, только когда я уже буду на ладан дышать. Актриса задумалась...

– Вообще-то хорошо, что ты спросила...

И совсем другим тоном добавила:

– Ирочка! Возьми ручку и бумагу. Вон там, в столе. О Господи! Кому я это говорю. Ты лучше меня всё тут знаешь. Сейчас, я продиктую вам, голубушка, кое-что. Вы записывайте, не спорьте и не перебивайте. Сделайте в точности как я скажу.

И актриса начала тихо диктовать, не обращая внимания на протестующие жесты и возгласы, прерывавшие иногда её монотонную речь. Закончив, она потребовала:

– А теперь дай мне ручку.

Спросила число. Поставила и размашисто расписалась.

– Мой последний автограф, – грустно сказала она и добавила с иро-нией – Самый дорогой... Во всех отношениях. Прочитай вслух.

Ирина начала читать, громко возмущившись в нескольких местах, но актриса с любовью смотрела на неё и только улыбалась.

– Боюсь... Я не смогу... так, – сказала Ирина.

– Хорошо, – произнесла наконец Нина Георгиевна, дождаввшись, когда её доверенная успокоится. – Мы заключим пари. Если я ошибаюсь в своей дочери и она прольёт хоть одну слезу у моей постели, – поступишь по-совести. Так, как подскажет сердце. Значит, ты выиграла, и я не научилась разбираться в людях. Если же нет... То победа останется за мной. Согласна? А то... буду являться тебе каждую ночь и включать свет. Пари?

15

– Пари, – улыбнулась Ирина, вытирая выступившие слёзы.

Через неделю у актрисы случился ещё один удар, и она лежала в постели совершенно без движения, не реагируя на звуки и прикосновения. Михаил приходил теперь каждый день обрабатывать страшные раны, которые появились на

её спине. Как доктор он знал, что улучшения не будет и ничто не может защитить обезвоженные ткани от безжалостного разрушения, но... он должен был что-то делать для ставшего таким дорогим и близким ему человека. Хоть что-нибудь!

– Наталья Станиславовна! Не бросайте трубку. Ваша мама при смерти.

Если приедете завтра, то, возможно ещё сумеете её застать и попрощаться. Да, адрес тот же. Она дома. У нас ничего не изменилось. Всё как и 11 лет тому назад.

Дочь приехала с мужем в тот же вечер. Ирина открыла, поздоровалась и, извинившись, ушла. Зайдя в квартиру, супруги брезгливо принюхались и первым делом начали придирчиво осматривать состояние стен и сантехники. Муж недовольно морщился:

– До чего всё запущено. Стекло в ванной треснуто. Лепнина вон в центре осыпалась. Остатки сбивать придется. Я на такую высоту не полезу.

– Тебя никто и не заставляет. Найдем кого-нибудь.

Зайдя наконец в последнюю, дальнюю, комнату Наталья Станиславовна с неприязнью посмотрела на лежащую без движения и дышащую, словно забыла, как это делается, мать.

– Ну вот и всё, – произнесла дочь, победоносно оглядывая обстановка вокруг и удобно устраиваясь на стуле, с которого только что поднялась, уступая ей место, бледная Ирина.

– Всё! Дождалась!

Тут она заметила лежащий на тумбочке, прижатый настольной лампой, лист бумаги с аккуратно написанными строчками и знакомой размашистой закорючкой в самом низу.

– Это ещё что?

Её глаза цепко и быстро пробежали по тексту. Брови несколько раз поднялись и опустились.

– Хм... Даже так? Вот сука!

Дочь полезла в сумочку и достала пачку «Мальборо». Держа её как солонку, она вытряхнула оттуда одну сигарету и, щелкнув зажигалкой, жадно затянулась.

К ней в ужасе подбежала Ирина.

– Наталья Станиславовна! Что вы делаете! Тут нельзя курить, – изумленно запричитала она. —Вы...

Насмешливо глядя возмущенной Ирине в глаза, она картинно, как фокусник на сцене, взяла документ и подожгла его снизу язычком пламени от зажигалки. Оно почти мгновенно охватило весь лист. Наталья Станиславовна

16

подула на слегка прихваченные жаром от прогоревшей бумаги подушечки пальцев, демонстративно отряхнула ладони и громко крикнула вглубь квартиры:

– Витя!

Муж бесформенной глыбой возник в дверном проёме.

– Возьми эту приживалку за вешалку, – сказала она, стряхивая пепел с сигареты на пол, – и выпроводи отсюда с вещичками на лестницу.

– Вовремя успела, ой, вовремя, – говорила она себе, довольно улыбаясь, пока муж грубо выталкивал сопротивляющуюся Ирину из комнаты.

– Ирке, «серой шейке» придурочной, квартиру со всей обстановкой, а докторишке дачку отписала, значит! При живой дочери!!!

В дверь настойчиво зазвонили.

– Если это Айболит, то заходить не разрешай. Скажи через дверь, что мы теперь сами о маме заботимся.

Ириша сидела с Михаилом на лавочке в парке и рассказывала:

– В квартиру меня больше не пустили, даже попрощаться... Так на ступеньках и сидела. Соседи несколько раз предлагали подремать у них до утра, но я и слышать не хотела – чувствовала, что уйдет она скоро. Боялась пропустить, когда забирать приедут. Умерла наша Ниночка ещё до рассвета. Не ошиблась я... Санитаров дождалась, тронула её ладошкой, перекрестила... Эх! Великие актрисы рождаются раз в столетие, а такие души, бескорыстные и светлые, того реже.

Михаил сидел серый. Не было сил даже плакать.

– Хоронят её послезавтра в полдень. Мэр выделил достойное место.

Опомнились! Вот адрес... И ещё... Нина Георгиевна для вас видеокассету оставила. «Лично в руки». Там в самом начале завещание записано. Вы о нем ничего не знаете, Миша. Неважно уже. Это она придумала для подстраховки, чтобы

не сказали, что силой принудили. Всё предусмотрела! Ей уже позже мысль пришла на дом нотариуса вызвать. С ним официальное завещание, как положено, и составила. По закону и при свидетелях. А на кассете... Она вам что-то долго

наговаривала. Меня выйти попросила. Сказала, личное. Кассета у её адвоката.

Вот визитка. Он велел сразу после похорон зайти. Побоялась я за вас... Не стала звонить. Думаю, приедет... Горячий ведь, дров наломает... На ночь глядя все равно ничего не изменишь, а утро оно всегда мудренее.

Помолчали. Прощаясь, Ирина сказала:

– А пари своё она выиграла. Она всегда их выигрывала. Но это последнее... Так надеялась проиграть...

17

собрание, или таежный инцидент

Этот несерьезный, но повлекший серьезные последствия для некоторых товарищей «лингвистически некорректный» инцидент действительно имел

место произойти на одной из строек БАМа, в начале постперестроечного периода. Ну, может, не совсем именно так, но...

Заместитель таежного леспромхоза Виктор Григорьевич Синельников, устало придя с работы домой, как всегда делился своими проблемами с молодой женой Элиной. Предприятию исполнялось 15 лет и помимо желанных

сторон события – таких, как премии, банкет и раздача наград – ожидалось и не совсем приятные в лице высоких представителей центрального руководства.

– Подумать только, – говорил зам с полным ртом, потрясая вилкой. –

Аж из самой столицы притащится начальство! Прохоров вызвал меня сегодня и говорит: «Григорич! Я дам указания по устройству людей, а ты уж обеспечи выступающих. Минимум две штуки. Приезжие шишки хотят услышать глас народа, простых, так сказать, рабочих. Выполняй!» Слова не дал вставить!

Элина ласково обняла мужа.

– Так назначь кого-нибудь, пусть выступят.

Виктор раздраженно отстранился.

– Ты понимаешь, что говоришь? Ты хоть когда-нибудь на одном собрании была? Там, если в сказанном предложении два слова не матерных попадутся, считай, повезло! Да у нас народ без мата не встает и не ложится! Реверансы

друг перед другом класть не приучены. Работяги они. Не артисты! Ну, как это приедем интеллигентам объяснить! Ведь не поймут! Уши-то у них не то, что наши. Что делать, ума не приложу! Да и выступать со сцены народ не очень рвется. Я уже пробовал сегодня кое-кого уговорить. Все только посылают.

– А ты бутылку пообещай, – подсказала с улыбкой Элина.

– Эх, душа моя! Если пройдет слух, что за выступление бутылка полагается, то сцену оцепить придется – столько желающих набегит. Вот как с их «французским» быть?

– Сам напиши речи. На бумажках. Читать-то они умеют.

– А что! Дельно говоришь, жена! Чтецов только надо побезопасней выбрать. Виктор прижал к себе Элину и первый раз за сутки улыбнулся.

На следующий день после обеда в кабинете зама уже сидели вы-званные посыльным кандидаты в ораторы, и Синельников проводил с ними разъяснительно-вербовочную работу:

– Откажетесь выступать – лишу премии! А согласитесь, то лично от меня получите по кон-вер-тику плюс день к отпуску. Не обижу. Ну, чего вы бои-18 тесь? И всего-то делов – прочитаете по бумажке, что я там напишу. Народ по-шлепает вам ладошками. Потом добро пожаловать к банкету, на который вы, как выступающие, естественно, приглашены.

Старый рабочий Потапов и воспитательница детского сада Мария Сергеевна, не сказавшие пока ни одного слова, переглянулись, вздохнули и кивнули. Согласные, значит.

– Ну и отлично, – потер руки Виктор Григорьевич. Сейчас по рабочим местам, а вечером, после работы, ко мне на репетицию.

Выбору выступающих предшествовал серьезный разговор с Прохоровым.

– Согласен с кандидатурой Потапова, Виктор. Старожил, уважают его опять же. Мужик он и так не очень многословный, а тут совсем оробеет, со сцены-то. .

Думаю, за пределы бумажки не выйдет. Главное, проследи, чтобы не принял для храбрости перед выступлением. Прикрепи пару активистов, и пусть даже в туалет его водят. Второй должна быть женщина. У нас, как ты знаешь, демократия. Ну, так вот. Есть там на твоём участке одна воспиталочка в детсадишке, Мария Смирнова.

Она к нам всего год назад на заработки приехала. Значит, многому набраться еще не успела, – заключил Прохоров. – Профессия у нее мирная, с детками все время.

Так что ты, Григорич, дерзай. Не подведи! Проинструктируй их там, как следует.

– Неплохо! Правда, неплохо! Вы, главное, от текста не отклоняйтесь, – говорил Синельников азартно, переводя глаза с одного докладчика на другого. – Ну, если уж совсем невтерпеж станет, то врежьте слово так в промежуток между фра-зами, – добавил он, глядя исключительно на Потапова. – Полегчает! Ясна задача?

– Понятно теперь, почему Вы, Виктор Григорьевич, когда выступаете, так много такаете, – лукаво заметила Мария Сергеевна.

– Не обо мне речь, Смирнова, – подчеркнуто сурово и явно не ожидая такой острой ремарки от скромной воспитательницы, остановил ее зам. – Не обо мне! Теперь домой, отдыхать. С начальством все уже обговорено, и завтра у вас выходной, чтобы... значит, подготовились, как следует. В клубе смешай-тесь с народом. На сцену вас вызовут.

В юбилейный вечер усталый люд, заходя внутрь незатейливо, но нарядно украшенного хвойными ветками актового зала, одобрительно кивал и крутил

головами по сторонам. Воздух в нем был холодным, как в кладовке для хранения овощей и заготовок. Помещение из-за редкого использования обогрелось, только чтобы совсем не замерзло да не полопались трубы. Следующей в цепи

стояла школа, и все сэкономленное тепло шло детям. На сцене был установлен

длинный стол, покрытый пунцовой скатертью. За ним пока никто не сидел. Областные представители, привыкшие к местным условиям и порядкам, терпеливо, сохраняя субординацию, ждали команды от главного. Они негромко переговаривались друг с другом, сидя на синих от холода стульях за сценой. В стороне от них, в том, что было когда-то потертым кожаным креслом, грустил один из москвичей.

19

Главный столичный представитель – толстый дядька в унтах и длинной шубе, выговаривал багровым от напряжения директору и его заму свои претензии:

– Что у вас за бардак! Кого вы к нам вчера прислали? Мы в номере, отдыхаем с дороги. Согреться... пытаемся... Вваливается какой-то полупьяный битюк и говорит:

– Тут вам начальство... бл... обогреватель поставить приказало, чтобы

вы свои, – толстенький засопел сердито, – жэ не поморозили.

Завхоз, стоявший рядом, пожал плечами:

– Все верно, я послал. Холодина-то ведь какая. А что, не нужно было?

Зал уже набился битком, когда на сцене включили наконец весь свет

и «лучшие представители народа» вышли из-за кулис длинной цепочкой. Возглавляемые своим суровым предводителем, они следовали друг за другом, за-кутанные и по старшинству, как жены бая Абдуллы в «Белом солнце пустыни».

Зал разразился аплодисментами. Нечасто весь народ собирался вместе, но уж коли случалось, то радовался такой возможности дружно, возбужденно и весело. Этому в большой степени способствовало и осязаемое количество спирт-ного, принятого по привычке после работы, локоть верных товарищей, а также

присутствие чужих, принарядившихся к празднику женщин.

Первым выступил директор. Поблагодарил собравшихся, представил гостей, рассказал про только ему известные успехи, достигнутые за эти годы.

Их, очевидно, было негусто – свернулся коротенько. Хлопали поэтому дружно.

За ним торжественно пригласили главного гостя. Он, немного подобрев, поздравил всех с юбилеем, сыпал цифрами и неизвестными именами, но тоже

быстро закруглился, после того как услышал, что кто-то из зала крикнул:

– Хорош! А премии сколько дадут?

Тут по плану должно было выступать районное начальство, но секретарша напутала и вызвала Потапова. Когда он с интонацией пишущей машинки

прочитал последнее слово с ходившей в его руках ходуном бумажки, директор и зам облегченно перевели дух и захлопали громче всех. Зал поддержал. Свой ведь! Да и трудно вот так выступать. Понимали. Не каждый сможет!

Логически продолжая ошибку, позвали на сцену Смирнову. На ее речи

Синельников собирался уже отдохнуть, или, как говорят на БАМе, расслабить ре-зинку на трусах. Раскинулся на стуле. Давай, мол, Мария! Мечи нам всю правду.

Мария Сергеевна не заставила себя долго ждать и взлетела на сцену в распахнутой шубке, надетой на нарядное платье цвета ягод калины. Точно на середине она остановилась и откинула воротник назад, открывая алые плечики. Это сделало ее похожей на раскрывающуюся в вазе розу. Затем она медленно обвела зал глазами, облизала мгновенно пересохшие от волнения губы и, шумно набрав воздух в легкие, хрипло крикнула «так, так, так!» прямо в сигаретный туман. Повернув голову в сторону президиума, Мария Сергеевна с благодарностью посмотрела

20

на зама. Брови у того от удивления поползли вверх, но он сдержанно и одобрительно кивнул на всякий случай. Зал заинтересовался происходящим, заулыбался и захлопал. Он первым понял, что эта докладчица не чета предыдущим.

Глубоко вздохнув и выдохнув еще раз, она вдруг наморщила лоб и

быстро начала шевелить губами, как бы стараясь что-то вспомнить, затем лихорадочно зашарила по карманам шубы... скорее просто не замечая, чем не обращая внимания на нарастающий смех. Выудив из одежды что-то похожее на квитанцию, она явно обрадовалась и попыталась ее прочитать, прищуривая глаза и двигая листок то ближе, то дальше от глаз.

– По-лу... Не вижу ни... , – начала она незатейливо про себя.

Как бы не так, про себя! Зал услышал, оживился и захлопал еще громче с криками:

– Машка! Не робей!

Она и не собиралась, а только повернулась к Синельникову и на весь зал шепотом спросила доверительно:

– Слышь, Григорич! Не та бумажка-то! У тебя еще одной нет?

Теперь уже любому было понятно, что докладчица приняла для куражу, да видно, не рассчитала.

– Мария, а ты в... поищи, – выкрикнул кто-то из зала, и он утонул в хохоте. Народ разогревался!

Лица у президиума застыли, как на старомодной черно-белой семейной фотографии. Особой белизной выделялись два из них.

Но первый акт еще даже не начинался. Так, разминочка, не более.

Представительница народа, услышав последнюю реплику, отверну-лась от агонизирующего президиума, прищурилась и медленно стала приближаться к краю сцены.

– Вы че, – начала она тихо, постепенно набирая обороты и громкость с каждым словом. – Приперлись! Сидят тут... Козлы и лизы! Рожи пьяные! Твой сынок – кретин, Винокуров, не ржи. И ты, и жена твоя! Че-то вас не позвали в-в-выступать, – ехидно и с вызовом прокричала она в зал, взгромождая ладони по обе стороны бедер. – А не хотите слушать, я уйду, – заявила Мария и притворилась, что направляется к ступенькам.

Отпускать такую артистку со сцены народ не желал и дружно зашумел, возражая.

– Ладно. Тогда я коротенько и своими словами, – объявила докладчица более миролюбиво.

От этого заявления Синельников поперхнулся, оттянул галстук вниз и расстегнул непослушными пальцами верхнюю пуговицу рубашки. Он уже представлял огромный гвоздь, забиваемый в крышку гроба его карьеры. Даже точно знал, кто будет молотком.

21

Ораторша тем временем, приободренная вниманием зала, продолжила:

– 15 лет. И ни... для себя не построили, б...! Ни...! – последнюю фразу она произнесла трагически, по слогам, кивая на каждом головой.

– Вот так, – добавила Мария, заканчивая свою непродолжительную речь, потонувшую в аплодисментах.

– Теть Маш! А у тебя без бумажки лучше получается, – похвалил ее из зала детский голосок, когда все успокоились.

–А то, – ответила девушка, перекрывая хохот, и бросила короткий взгляд на застывший президиум.

Внезапно озорные искорки появились в ее глазах, и она, крикнув распевно:

– Но мы-то есть! Значит, все еще б–у–у–дет! – дивно раскинула руки и пошла лебедушкой прямо к главному начальнику.

Было в этом что-то захватывающе жуткое. Как если бы вы случайно оказались свидетелем отчаяния человека, стоящего на краю высокого моста и готового прыгнуть вниз. Но народ сердцем понял. Сейчас он жил и чувствовал, как единый организм, и Маша была его частью, его кровиночкой. Захлопали, да как!!! Девушка подплыла к президиуму и церемонно, по-русски поклонившись до пола, протянула свою розовую ладошку надутому начальнику. И тут случилось неожиданное. Толстяк резко и брезгливо оттолкнул ее руку и заголосил:

– Не трогайте меня... вы!

Зал, как один, включая Винокурова и его рыжую жену, вскочил в него-довании на ноги, готовый защитить, прийти на помощь. Раскрасневшаяся, посе-ррезневшая Мария повернулась к людям, успокаивая порыв жестом поднятой

раскрытой ладони. Распрямив гордо плечи, как к исполнению государственного гимна для победителей на Олимпийских играх, она вдруг звонким, красивым

голосом затянула «Коробейников». Народ уже давно распирало изнутри, и он в тот же миг присоединился единым аккордом. И... полезли местные Иваны да Марьи на сцену, пританцовывая и припевая. Начальство тем временем тихонечко вывели с заднего хода.

Народное гулянье в чем-то сродни бунту. Пока не отгорит, лучше не трогать. Само пройдет, как простуда. Но береженого все же Бог бережет!

Рано утром делегация, сократив свой официальный визит, уезжала.

Толстый, садясь со своим помощником в машину, качал головой, раздраженно повторяя:—Ужас! Ну что за люди здесь живут! Что за люди!

Когда машина отъехала, Синельников в сердцах рубанул рукой морозный воздух и крикнул вслед:

– Что за люди? Да разве вам когда-нибудь понять! Люди как люди!

Наши, русские... Твою мать!

22

кРАЖА

У Марии Сергеевны украли лук. Из огорода. Факт может показаться не-значительным городскому жителю, но для сельского! Чтоб понятней было – это

как если бы у вас увели старую, но на ходу машину, прямо из-под окон, только что помытую, с запаской и ключами. Обидно? А-а-а! То-то же! Ну, так вот! Люди узнали о краже рано утром, потому что голос у Марии Сергеевны – обычный, деревенский.

Это значит, что когда она кричит вслед своему мужу, уходящему на работу, скажем: « Степа! Да у тебя вся жопа в опилках!» – то слышит все село. Ну, а сейчас. .

Мария Сергеевна сидела на лавке около дома и качалась взад-вперед со скрещенными на груди руками, как неутешная вдова. Пронзительное «украли» уже отзвучало в ушах сограждан, и теперь ее голос гудел в субнизком

«сейсмическом» регистре. Потерпевшая выдавала только один звук у-у-у, но такой мощности, что он вызывал дребезжание ложки в стакане на подоконнике и семибалльную головную боль у мужа, не говоря уже о преждевременной и безвозвратной гибели миллионов нервных клеток. Контуженный многолетней семейной жизнью муж, морщась, стоял рядом с женой и только повторял:

– Ладно, Маш. Ну ладно!

И так несколько минут.

В конце концов Степан устало сказал:

– Хватит жаловаться, мать!

– Я не жалюсь, а переживаю!

– Так это одно и то же! Не вижу разницы!

– Не видишь?

– Нет!

– Одно и то же? Да?

Степан насторожился, услышав перемену тона голоса жены к повышению.

– А кто его поливал, растил, пропальвал, – заголосила она. – Кто заботился, чтобы. . – тут Марья Сергеевна замолчала и как-то нехорошо посмотрела на мужа.

Повисла пауза. Но это не был момент отдыха или долгожданного пере-мирия. Скорее секунда перед выстрелом снайпера. Ощущение оказалось вер-ным. Супружница начала при-вставать, мрачно надвигаясь на Степана. Рука ее

медленно потянулась к лежащему на колоде у лавки топору.

– Разницы. . говоришь. . сейчас узнаешь! Точную, – выдавила Мария Сергеевна, чеканя слова и повышая голос до крика. . – Между обкакаться и обосраться! !

Степан быстро отступил на шаг назад. Он не испугался, нет! Понимал, что не ударит. Только посмотрел на жену убийственно и демонстративно от-вернулся. Обиделся!

Тут к ним подошел бывший участковый Фролов. Его нескладное, более чем двухметровое тело приблизилось к Степану и протянуло ему ладонь размером с ки-23 тайскую ракетку для настольного тенниса. Поздоровались. Сергеевне кивнул. Один глаз у Фролова был стеклянным, другой слезился, и поэтому между собой сельчане звали его «маяком». Сверкающее око узнавалось издали, и это было удобно народу.

Раньше. Раньше – это когда гоняли за самогон и такого рода научные занятия.

Сейчас участковый уже отдыхал на пенсии, и его, конечно, больше не боялись, но уважали – это точно! Без Б/У, как его немедленно перекрестили после ухода на заслуженный отдых и за вторую женитьбу, не обходилось ни одно веселье или печальное событие на селе. Власть в глубинке всегда была, есть и будет властью!

Переизбытка работы, в бытность участковым, у Фролова не было.

Убийства и тяжелые увечья случались редко. Дружеские потасовки в самом злачном заведении села – «Чайной», обычно в результате братания паленой водки с пивом, разводились местными силами без осложнений. Ну, воровали по чуть-чуть друг у друга. Жены били пьяных до непонимания мужей. И все.

Для раскрытия преступления в деревне много делать не нужно, а просто ждать, пока кто-то проболтается или настучит из зависти.

– Слышал, обидели тебя, Сергеевна!

– Не обидели, а убили веру в человека. На-по-вал!

– А чего за топор держишься?

– А... это?

Сергеевна махнула свободной рукой, а другой, вогнав сверкающую сталь глубоко в колоду, пояснила, покосившись на Степана:

– Учебное пособие.

Место преступления выглядело по-сельски обыденно и без больших сюрпризов: пустые разворошенные луковичные грядки и свежая, хорошо заметная тропинка к широкой дыре в заборе. Ни оброненных паспортов, ни других удостоверяющих личность документов на земле не валялось. С отсутствием таких нужных улик исчезали и шансы на быстрый успех в нахождении пропажи.

– Подозреваешь кого, Сергеевна?

– Да я б сама дала, если нужно, – по-бабьи запричитала она. – Если б по-человечески попросили, объяснили, что нужда!

– Да, – пробурчал в сторону Степан. – Ты б дала... топориком.

– Ну, тогда бывайте. Пока. А чего у вас собаки-то нет?

– Да и не было отродясь. Зачем нам? – Сергеевна хмыкнула. – У нас Степка вместо. Шуму только от нее!

– Подумай, если лучок любишь.

Сергеевна задумалась.

На экстренно созванный совет был приглашен постоялец, проживающий у них уже год, мужчина образованный, положительный, к словам которого

стоило прислушаться. Сосед, дед Алексей, притащился сам с целью одолжить что-то у Степана и теперь, вовлеченный нечаянно, мялся вокруг, надеясь на

24

угощение. Степан участия в сходке не принимал, на жену внимания не обращал и игнорировал происходящее, как бывший алкоголик пьянку.

Дед Алексей весело посмотрел на Степана, угрюмо сидящего у окна.

– Соседка! Че! Поругались что ли?

– Да сам видишь! Изображение есть, а звука нет, – ответила Мария Сергеевна, поглядывая на мужа, молча вставшего со стула и гордо проплывающего мимо благородного собрания в сторону двери.

– Тааак! Ладно! Одного бойца потеряли. Будем думать с теми, что имеем. Ну? Заводить мне собаку или нет?

Дед Алексей, торопясь внести свою лепту и стать причастным к событию, а значит, и к последующему за ним обеду, высказался:

– Да ну этих собак! И что от них хорошего? Никакого умного поведения не просматривается. Скажем, пукнешь на людях секретно, а она уже тут как тут – возле тебя крутится, воздух нюхает. Одни неудобства! – закончил старик.

– Ну, а если бы она у твоей бабки заначки отыскивала? – спросил с улыбкой постоялец.

Дед сразу оживился.

– А что, есть такие? Какой породы?

Тут сын Колька со школы пришел. С фингалом.

– С кем подрался? – Мария Сергеевна ждала.

– С Федоровым. Он меня обезьяной обозвал.

– Если бы ты был обезьяной, то лучше бы учился в школе, – отрезала мать. – Быстро мыть руки и за стол! И позови отца. Давайте обедать, – обратилась она уже мягче к своим советникам.

– А с собакой мы... повременим, пожалуй. Жили без нее и еще проживем.

Из открывшейся двери подъехавшего сельского автобуса спустилась по ступенькам усталая женщина с огромной хозяйственной сумкой на тележке.

Переведя дух, она потащила ее за собой по пыльной дороге. Сумка икала разболтанными колесами и сопротивлялась, как могла.

У дома встретился дед Алексей.

– Откуда, Сергеевна?

– Да вот!

Она усмехнулась.

– На рынок ездила. Лук свой покупать.

Когда дед отошел, женщина сказала сама себе:

– А, может, действительно нужда была. Тогда пусть. Я не в обиде.

Потом она затащила поклажу на крыльцо и, отворив дверь, миролюбиво крикнула внутрь:

– Стеееп! Хорош дуться! Я тебе тут кое-что привезла. Беееленькая!

25

софия

Молодая охотница внезапно остановилась. Она почувствовала: сейчас что-то произойдет. В ту же секунду сзади обрушился страшный удар, швырнувший ее лицом глубоко в снег. Ружье слетело с плеча и утонуло в сугробе.

Женщина быстро перевернулась на спину, смахнула рукавицей снежную крошку, забившую глаза и... прямо перед собой увидела оскаленную волчью пасть.

*

Обледенелые верхушки елей сверкали звездами не хуже кремлевских.

Лежащие на ветках пласты слежавшегося в причудливые формы снега напоминали старые елочные игрушки из папье-маше, серебристые и серые. С высоты

земля выглядела манящей, пушистой и мягкой, как взбитый крем на поверхности свадебного торта. Авиаторы знают, как обманчива эта кажущаяся мягкость.

Случись что непредвиденное, спасти сможет только лишь искусство и талант пилота. Плохие на Севере, к счастью, не летают.

Самолет приземлился неожиданно и жестко. Как же я была рада тому, что мы катим по твердой земле и утомительная воздушная часть путешествия

наконец-то закончена. Моя доченька, так и не почувствовав посадки, спала, утомленная качкой, у меня на руках. Открыли дверь, впустив в салон волну непривычно холодного воздуха, от которого малышка закашлялась и проснулась.

Подвели и закрепили обледенелый трап. Даже ступить на него было страшно, но сильные мужские руки уже уверенно и осторожно принимали нас с верхней

ступеньки. Я только успевала повторять: «Спасибо, благодарю, спасибо».

– Да не за что! С прибытием!

Работник аэропорта, одетый в тулуп, валенки и огромную кроличью шапку, донес чемодан до ожидавшей меня «нивы» и попрощался, помахав мох-натой рукавицей. До работы мужа и моего нового места жительства еще долго

нужно было добираться на машине, но после болтанки перелета хотелось думать, что самое тяжелое осталось позади.

Так началась моя жизнь в небольшом таежном поселке, расположенном в 100 километрах от Тынды. Казалось, что невозможно привыкнуть к тяжелому климату, редкому солнцу, без которого я очень страдала, затяжным дождям летом и жестоко низкой температуре зимних долгих месяцев. А вот дочка

совершенно не замечала холода и каждый раз отвечала на мой призыв идти домой обычным детским: «Ма... Еще чуть-чуть» – как будто речь шла о купании в теплом море. Она – гибрид сугроба и человечка, возвращаясь с улицы, переступала порог, смешно переваливаясь и звеня при этом свисающими с головы до ног сосульками.

26

Я училась нелегкому женскому труду в еще более нелегких условиях.

Когда я жила дома, то хозяйством занималась мама, и принцесса, как она меня шутя называла, в свои 20 лет о многих вещах не имела ни малейшего представления. Но мама была далеко, а муж – рядом, и о нем надо было заботиться.

К концу второго года пребывания в Сибири я, похоже, начала осваиваться и, благодаря мудрости и терпению супруга, стала смотреть на свою судьбу позитивнее. Солнце мне заменяла растущая дочь, а тепло – любовь мужа.

Однажды со мной из-за неопытности случилась беда. Разгоряченная, в одном халате, я выбежала за непослушной загулявшей дочкой на улицу и, подняв ее на руки, почувствовала, что в пояснице что-то хрустнуло. Опустила

ее осторожно на землю, а... разогнуться не могу.

Местная фельдшерица, вызванная на дом, потому что мне становилось хуже, и я уже была не в состоянии без помощи подниматься с дивана, только качала головой. Подумав некоторое время, сказала:

– Если не поможет укол, то скорее всего придется везти в Тынду. Есть здесь, правда, одна женщина, старуха. Человек она... сложный и людей сторонится, но может вылечить, если согласится. А может и дверью хлопнуть без всяких объяснений. Я расскажу, как до нее добраться.

Муж Николай без промедления собрался и отправился к знахарке. К счастью, избушку нашел сразу. Пройдя через калитку и взойдя по ступенькам на крыльцо, он мощно и нетерпеливо постучал кулаком по бревенчатому косяку.

Дверь открыла маленькая, худенькая женщина и кивком головы спросила: «Что нужно?» Николай объяснил все, как есть: жена, мол, просто погибает и, если знахарка не поможет, может и умереть. Та, выслушав, усмехнулась:

– От этого не умирают. Ладно, пусть приходит!

Муж завозражал, говоря, что я даже ходить не могу, на что старуха строго ответила:

– Хоть на санки сажай, хоть на трактор. Мне дела до этого нет. Хочешь, чтобы выздоровела – привезешь.

*

Волк неожиданными бросками старался добраться до горла, хватал клыками за плечо, раздирал полушубок сильными и быстрыми ударами лап. Когти одной из них, чудом не зацепив глаза, скользнули по лицу и оставили на лбу глубокую рваную рану, из которой сразу хлынула кровь...

*

27

После того как муж внес меня в комнату и положил на топчан, София, так звали знахарку, помогла мне перевернуться на живот. Затем ее твердые, как дверная ручка, пальцы тщательно обследовали спину. Сев сверху, старуха

несколько раз неглубоко, но резко надавила ладонями вдоль позвонков.

Почти сразу я почувствовала облегчение. Вздохнула. Муж заметил это и заулыбался. София, не обращая на нас внимания, продолжила манипуляции. Упершись одной рукой чуть выше бедра, она согнула другую ногу в колене и быстрым, сильным движением дернула ее вверх и в сторону. Раздался хруст. Боль я почувствовала только на долю секунды, но ее сразу сменили тепло и легкость в пояснице.

– Вот эту мазь будешь втирать в спину по утрам, – наставляла знахарка моего мужа, передавая ему маленькую баночку, когда я уже сидела в санках. – Не вздумай на ночь, а то не заснет. Через неделю пусть опять ко мне придет. Сама. К этому времени, не сомневайся, сможет.

Заснула я крепче, чем набегавшаяся за день дочка. Правда, наутро все тело ныло. «Упиралась ты слишком сильно, – объяснила мне потом София, – от страха, что больно сделаю».

Лечение помогло, и через день я начала вставать, а через три – выходить на улицу. К концу недели я сама пришла к Софии, и она выдала мне собственноручно сшитые, как по мерке, беличьи трусики с широким поясом со словами: – Поваляешься с мужем и сразу одевай. В другие разы не снимай. Носи все время.

Больше проблем с поясницей у меня не было.

София не была похожа ни на одну женщину, которую я знала. Будучи уже в преклонном возрасте, она делала все с невероятной энергией и никогда не сидела без дела. После нервных городских жителей меня сразу поразили в ней спокойствие, неприхотливость, простота в мыслях и поступках. Жила знахарка в избушке, которую построила сама, топором и пилой, без чьей-либо помощи. Жилище находилось в получасе быстрой ходьбы от поселка, у самой кромки леса, и увидеть его можно было только поднявшись на пригорок. Вид оттуда открывался чудесный – настоящая иллюстрация к русской сказке. Перед крошечным домом зеленая лужайка, огороженная неровной, но крепкой изгородью из толстых веток; деревянная скамейка под развесистой лиственницей, окруженной кустами можжевельника и брусники. На заднем дворе, за ухоженной грядкой растущих в огороде овощей, уже начиналась тайга.

Устройство дома было незатейливым, но практичным. Две невысокие ступеньки вели на дощатое крыльцо. Дверь открывалась в узкий, но длинный коридор. Если сдвинуть доски, из которых были сделаны его стены, то по обе

стороны открывались полки, на которых София хранила хозяйственные запасы.

28

Там было много чего: и прессованное в брикеты сено, веревки и нехитрые инструменты, мотки лески, мешки с солью и рулоны пленки. За второй дверью в конце коридора находилась крошечная закопченная комната с высокой печкой в углу. Возле нее – деревянный стол с двумя лавками и топчан, покрытый само-дельным матрасом, набитым травой.

Было время, когда многие люди с ума сходили по импортным гарни-турам. Я сама мечтала о таком, но, пообщавшись с Софией, почему-то начала находить все это не таким уж необходимым.

Вылечив меня, она, не без колебаний, разрешила ее навещать. Я приходила с дочкой, которая уже звала ее бабушка, будучи в полной уверенности, что это папина мама. Леночка забиралась на печку и играла там тихонько со

своими куклами, пока мы о чем-нибудь беседовали. Голос у Софии был тонкий, старческий, но не резкий. О чем говорить со мной, она поначалу толком

не знала и, будучи с детства немногословной, предпочитала уважительно, но односложно отвечать на мои вопросы. Оживлялась знахарка только тогда, когда я спрашивала ее про маму. Тогда на лице старушки появлялась улыбка, и, подперев голову рукой, она неизменно начинала:

– Ни одна мама не любила свою дочь так, как моя мама любила меня.

В такие моменты можно было разговорить Софию и попросить рассказать что-нибудь о себе. Прочитав в детстве Киплинга и Арсеньева, я непро-извольно сравнивала ее с Дерсу Узала и «волчонком». Так велико было это

сходство в главном – душевной чистоте и наивности. Про жизнь за пределами поселка София не знала ровным счетом ничего. Она совершенно не умела лгать и не понимала зачем. Жадность ей тоже была незнакома. Окружали ее только необходимые для жизни вещи. Животных она добывала исключительно для пропитания и вне сезона размножения. В тайгу уходила, бывало, на несколько дней, в такие места, где, кроме нее и матери, человек никогда не бывал.

Когда ей нужны были грибы или ягоды, она точно знала, где их найти. Так же, как и то, где живут лоси, зайцы, кто из животных ожидал прибавления и какие

тропы ведут к медвежьим берлогам. Животные признавали ее и даже приходили за помощью, особенно в суровые зимы. Я сама видела, как лесная птица однажды села к ней на вытянутую руку, а горный козел, неизвестно как забредший

сюда, ел с ее ладони. София никогда не удивлялась этому, а мой вопрос «как это возможно?» был знахарке просто непонятен. Животными ее удивительный контакт с природой не ограничивался. Комары в тайге лютые, и страдали мы с дочкой от них неимоверно, не успевая сгонять с лица. А вот София никогда не жаловалась и не махала руками. Я спросила однажды: «Почему?» На что старушка спокойно ответила:

– Думаете не о том.

29

Иногда София предупреждала меня, что уйдет на несколько дней в тайгу. Я каждый раз волновалась:

– А если что случится?

И получала на это ставший привычным ответ:

– Вот там как раз ничего случиться не может. Я животных не боюсь.

Мне же старушка всегда наказывала:

– Никогда не ходи в тайгу.

– Почему?

– Ты слабая. Зверь чувствует слабых издалека.

Но бывало, что животные заглядывали к ней не только за помощью.

Однажды, когда мы с дочкой пришли угостить Софию приготовленным мной студнем, она поведала нам, что ночью в ее дом забирался медведь, пришлось даже «стрельнуть из ружья». Моя дочка спросила:

– Ты убила его, бабушка?

– Нет, маленькая. Выстрелила в воздух, он и убежал. Глупый! С него и испуга хватает.

Студень, как ни странно, Софии понравился, в отличие от многих других привычных для нас продуктов, которые она раньше, не стесняясь, отвергала. Попробовав мое угощение, она неожиданно попросила:

– Знаешь что! Есть тут один старый глухарь. Помирать ему скоро. Так я его лучше завалю, и ты мне на Рождество вот такой же холодец сделаешь.

Хорошо? Многие продукты ей были не по душе. Особенно тушенка.

– Консервы? Зачем, когда всегда можно взять с собой мясо.

Я терпеливо объясняла, что если куда-то идешь на один-два дня, то это нормально, а если дольше, оно же испортится! София несогласно крутила головой:– Тьфу! Гадость! Пахнет мертвецом!

И тут же интересовалась, как это мясо так ловко закрыли в банку.

Ее метод консервации, которому она научилась от матери, был прост.

Завалив лося, София щедро пересыпала тушу солью, которую обменивала для этих целей мешками. Затем разрезала мясо на части и тщательно заворачивала в толстую строительную пленку, идущую обычно на теплицы. Мой муж доставлял ее Софии по мере надобности рулонами. Потом она зарывала пакеты в мерзлоту.

Вернувшись как-то из очередной поездки в Крым к маме, я угостила

Софию вином и грецкими орехами. Вино ей понравилось, а вот орехи – нет.

– Кедровые все же лучше. От них сила чувствуется. Эти же... делают меня ленивой.

30

Она расспрашивала меня про жизнь в городах, но их устройство казалось ей непостижимым, и единственное, что она поняла, это то, что «там живут председатели». Космос тоже вызывал вопросы, но мои объяснения про размеры вселенной и то, что звезды невообразимо далеко, София воспринимала скептически. «Горы, вон, тоже кажутся далеко, но дойти-то до них все же можно», – приводила она свой аргумент. Подарки категорически не любила и не знала, что с ними делать. Принесенную мной сковородку назвала «кастрюлей с хвостом» и никогда ей не пользовалась, а нижнее белье, переданное моей мамой, аккуратно сложила и хранила в сундуке. Оказалось потом, что она его в жизни не носила. Ни своего возраста, ни тем более дня рождения София не знала. «Зачем мне праздновать день рождения, когда я праздную каждый день» – такова была ее нехитрая философия.

*

Нож съехал куда-то за спину, и до него невозможно было дотянуться.

Кровь заливала глаза и практически лишала возможности видеть. Волк продолжал неумолимо и методично вырывать куски полушубка с плеча и груди...

*

Сила у Софии была, можно сказать, нечеловеческая.

Как-то я заметила, что один из деревянных столбов калитки у дома Софии расшатался, и попросила мужа его поправить. Ему нравилась моя дружба со старушкой, так как после Крыма, в котором я родилась и выросла, адаптироваться здесь мне было трудно. Очень скучала без общения, пока муж был на работе, и София была единственным взрослым человеком, с которым я со-шлась и могла поговорить.

Я прошла в дом, а муж остался у калитки, примериваясь, как лучше укрепить наклонившийся столб с помощью захваченных из дома тяжеленного молотка и топора. София приветливо кивнула мне и вышла на крыльцо. Спросила удивленно, увидев моего мужа с инструментами в руках:

– Иваныч? А что там за беда?

– Да вот жена вызвала. Столб, говорит, качается. Сама, небось, и рас-шатала. Гостей-то у вас, я слышал, немного. Пришел подсобить.

София проворно, а она только так и умела ходить, сбежала вниз и по-трогала столб рукой. Разволновавшись, что муж меня ругает, как ей показалось, она суетливо заговорила:

– Да я сама сейчас. Пустяшное дело.

31

И на наших изумленных глазах она, поставив столб вертикально, несколько раз ударила сверху по его торцу кулаком.

– Ну вот, больше не шатается. Спасибо, Иваныч, за заботу.

Коля потрогал калитку.

– Трактором не свернешь.

София пригласила нас в дом, но муж отказался и, посмеиваясь, ушел, сославшись на дела. Мы сидели друг напротив друга и пили из железных кружек чай. София думала о чем-то и молчала. Потом она как-то по-особенному посмотрела на меня и спросила:

– А что деток-то... только одна. Не выходит больше?

Я засмеялась:

– Муж тоже уговаривает, да мне что-то пока не хочется. С этим верете-ном еле управляюсь.

София с лаской, которой я от нее не ожидала, вдруг сказала:

– Ты молодец. Вижу, муж тебя любит. Только никогда не знаешь...

Сделала паузу.

– Придет муж с работы или нет. Проснется ли утром. А ребенок-то только один. Мужская судьба... она на небесах делается. Это женская – на земле.

Я о таких вещах в силу своего возраста еще не задумывалась и ответила беззаботно:

– Мы еще молодые, успеем.

На что София спокойно произнесла:

– Как знать. Может, и обойдется.

К этой теме София вернулась позже, но несколько с другой стороны.

Она готовила в печи свою основную еду – картошку и завела между делом такой разговор:

– Муж твой – человек занятый. На работе устает. Примелькалось ему там все, да и дома тоже. Я знаю, что любит он тебя, но в костер, если щепку не подбросишь, затухает он. А дровцами-то для огонька твое поведение должно быть и манеры верные. Я вот что скажу. Ты к его приходу подготовиться должна. Малая не мешает, другие тоже время не крадут. Принеси-ка мне завтра халатик, какой у тебя есть.

Я принесла. София оценила:

– Хо-о-о-роший халат! Не видала такого. Только главных деталей не

хватает. Белый горошек на синем – это красиво, но мало. Есть у тебя дома какая-нибудь светлая материя? Еще ножницы нужны и нитки.

Материя у меня, конечно, была, и я тут же помчалась обратно, гадая, что София такого придумала. Через час вернулась и принесла все, что могло

32

подойти по цвету, а также целую коробку с иголками и разноцветными катушка-ми. София выбрала старый шелковый шарфик.

– Надо пришить белые манжеты и сделать белый воротничок.

Я даже не ожидала, что такие маленькие дополнения могут так сильно изменить внешний вид вещи. Здорово получилось. Когда я накинула халатик, София одобрительно закивала.

– Не знаешь, на что смотреть! Теперь тебе надо научиться его носить.

Рукава подними до локотка. Пуговицы верхние расстегни. Встретишь его у двери и сразу в комнату к столу. Сядь и закинь ногу на ногу. Когда муж войдет, встань, пройди за чем-нибудь и нагнись перед ним, как что-то с пола подни-маешь. Оглянись с улыбкой. Налей ему в чай ложечку вот этой настойки и

подай... для согрева.

Я приготовила мужу в этот вечер его любимые пельмени, накрыла красивый стол. Встретила своего дорогого, усталого, помогла раздеться. Далее, как учила София, прошла в комнату и присела, поджидая, пока он войдет. Коля

не вошел, он влетел. Устроился по привычке на стуле, но вижу – ерзает. Тут я ему и чаек принесла, не забыв по дороге на кухню нагнуться и медленно поправить теплые тапочки. Муж отпил несколько глотков и подошел ко мне. Я тут же обняла его за шею...

Пуговицы от халата я находила потом по всей комнате. Такой бурной ночи у нас не было с рождения дочери.

На следующий день, придя к Софии, я чувствовала себя неловко, ожидая расспросов. Самой говорить мне было стыдно, но она разговор на эту тему не заводила. Правда, думаю, что по моим счастливым глазам догадалась, как и что. Я тогда наивно подумала:

– Наверное, забыла. Ну и хорошо.

*

Громадные челюсти схватили голову в районе виска, но соскользнули, выдирая кусок кожи с волосами. Женщина понимала, что если что-то сейчас

же не предпринять, то долго она не продержится. Когда волк в очередной раз, пытаясь кусить, широко открыл пасть, охотница железной хваткой вцепилась в

челюсти зверя обеими руками. Потом она крепко обхватила ногами мечущееся из стороны в сторону тело. Волк, начинающий осознавать смертельную опасность, на секунду замер, попытался попятиться, но его задние лапы теперь не

имели опоры. В то же самое время охотница, увеличивая с каждой секундой

усилие, начала давить на челюсти в противоположных направлениях. Волк

заметался и страшно забил передними лапами, пытаясь вырваться. Теперь

33

за жизнь уже боролся он. Набрав в легкие воздух и собрав в крике все силы, женщина рванула челюсти в разные стороны. Раздался хруст. Она продолжала держать их, пока не почувствовала, что волчьи лапы ослабели, и животное, сотрясаясь в конвульсиях, не упало с хриплым выдохом на нее. Полежав не

более мгновения, охотница, столкнув в сторону поверженного зверя, не без труда встала на колени и на ощупь нашла в снегу упавшее ружье. Расслабляться

было нельзя – вокруг могли быть другие волки. Только сейчас, протерев снегом глаза и разглядывая убитого хищника, она почувствовала страшную боль во всем теле...

*

В доме Софии икон не было, но иногда я видела, как старушка молилась, закрыв глаза и беззвучно шевеля губами.

– Молитва – это то, что отличает нас от зверей, – говорила она мне. – И уж коли мы стоим над ними, то должны разумно и не жестоко к ним относиться.

– А о чем ты молишься, София? – спросила я ее как-то.

– Благодарю за маму дорогую, что мне дал. И за трудности жизненные, что научили жить честно. Тому, кто трудится до пота, редко плохие мысли в голову лезут. Некогда.

– А Вы знаете, что София означает «мудрая»!

– Какая мудрая! Неграмотная я. Книгу только на расстоянии и видела.

Даже боюсь в руки взять, а ты... мудрая! Вот шкурку отделать – это я мастерица.

Мои никогда не портятся. Секреты знаю. Вон, видишь волчью шкуру на полу?

Так ей уже лет пятьдесят. Как новая. Я с ней не расстаюсь. Напоминает о том, что в тайге надо быть всегда ко всему готовым.

– Вы его сами добыли, София? – спросила я восхищенно. – Огромный!

– Это он меня почти добыл, – усмехнулась старуха. – Зимой это случилось. Волки в это время злее. Зачем я тогда по тропам бродила, не помню.

Только прыгнул он на меня сзади. Ни шорохом себя не выдал, ни звуком. В сугроб сразу утопал. Хорошо, я до этого, перед выходом, глоток водки сделала.

Не для согрева, не думай. Это народ сдуру придумал, и замерзают потом, бедные. Просто почему-то лицо не так мерзнет от этого дыхания. Мама научила.

Так у меня от этого глотка злость откуда-то появилась звериная. Он мне плечо грызет, к шее подбирается, надеется, кровью изойду и ослабну, а я обхватила его туловище ногами, повисла на нем, а руками за челюсти схватила и начала давить на них.

София сложила руки и показала, как, чтобы мне было понятней.

– Сердце у волка заколотилось бешено. Почувствовал, что конец. Тут я ему из челюстей ножницы и сделала. Шрам на голове и на лбу, видишь? На 34

плече еще хуже. Главное при опасности – не допустить страх в мысли. И ружье будет в руках, а не выстрелишь.

Я занималась хозяйством и не навещала Софию дня три. Отношения у нас были очень теплые, и все же старушка иногда давала понять, что у нее своих дел тоже хватает. Закончив с праведными домашними трудами, я, прихватив с собой пачку индийского чая, наконец отправилась к своей замечательной под-ружке.

Калитка была заперта, а это делалось только тогда, когда София куда-то уходила. У нас было множество своих знаков, по которым легко узнавалось: приходила я или кто чужой, дома ли хозяйка, куда ушла и когда будет. Дело в

том, что София панически боялась представителей власти. Тот ужас, который передался ей с рассказами матери о жизни за проволокой, никогда не покидал ее, и она дрожала при одной мысли о тюрьме. А тут появился новый участковый. Молодой, неопытный, но рьяный. Когда его вызывали по поводу разборок или поножовщины, он обычно прятался, а тут, прослышав от кого-то о «старухе из леса без бумаг», начал неожиданно проявлять служебное рвение. Несколько раз он тархтел мимо нас своим мотоциклом, направляясь к старушке с визитом.

Мне София призналась, что, заслышав звук мотора, выставляла оконце, выходящее в огород, и убегала в тайгу. Тогда же у нее впервые заболело сердце.

Я решила посмотреть – нет ли других знаков. Ведро, означающее, что она ушла, не было выставлено. Значит, дома. Потрогала дверь. Не заперта.

София лежала на своем топчане лицом вверх. Я сразу поняла, что она мертва, но, что удивительно, никогда до этого не видевшая мертвого человека, я совершенно не испугалась. Просто села рядом. Поговорила с ней. Поплакала.

Подумала... вот ведь, не зверь тебя сгубил – его ты не боялась, а человек.

Старый участковый с уважением относился к нашей семье. Уйдя на пенсию, он перебрался к детям и внукам на Большую Землю, которой мы называли все находящееся за пределами БАМа. Соскучившись по родным местам, приехал к брату погостить. Заехал и к нам. Разговор коснулся, естественно, и

политики, и перемен в регионе, происшедших в его отсутствие. Мужчины по-сетовали на стремительный рост наркомании в связи с возросшим количеством

представителей «теплых» республик, прибывающих на БАМ за длинным рублем. Упомянула я и про Софию. Никогда не ожидала от этого сурового седого человека таких неожиданных и проникновенных слов. То, что он рассказал, меня просто поразило.

София родилась в тюрьме. Этого я не знала. Ее мать – Дарья уже провела долгие годы в заключении, когда девочка появилась на свет.

Однажды в лагере начались массовые беспорядки, и группа заключенных бежала. С ними и мать Софии. Некоторых поймали сразу, а Дарье удалось

уйти глубоко в тайгу и там начать новую, нелегкую жизнь. Сама построила маленькую избушку. Ближайшие поселения находились за десятки километров, и

35

Дарья ходила туда, притворяясь поселенкой из соседнего села, чтобы только заработать на одежду, соль и инструменты. Так и жили они вдвоем, собирая грибы, ягоды, ставя самодельные силки и капканы на мелкую живность. Хотелось бы завести и свою, но любые домашние животные немедленно вызвали бы непрерывный и опасный интерес диких зверей. А то и хуже – человека.

Когда один добрый старик, чувствуя, что отходит, отдал Дарье свою старенькую «тулку», жизнь совсем наладилась. Оказавшись прирожденной охотницей, Дарья теперь добывала еды с избытком. Что не съедали – засаливали и закапывали в никогда не прогревающийся грунт вечной мерзлоты. После одного

похода в селение за патронами мать внезапно серьезно заболела и, с трудом вернувшись домой, через несколько дней умерла. Софии тогда было не больше пятнадцати. Так девочка осталась одна. Похоронив мать, она ушла на долгие годы еще дальше в тайгу.

Что привело ее, уже пожилую к тому времени женщину, в поселок, участковый не знал. По долгу службы он посетил ее. Документов у женщины не было никаких. Она даже не понимала, что это такое.

К ее счастью, прошедший всю войну и закончивший ее сержантом участковый выслушал историю Софии и оставил ее в покое. Он рисковал тогда многим, но сам, познавший достаточно боли, страданий и несправедливости в жизни, не доложил о ней вышестоящему начальству. Женщина столько пережила! Как он выразился: «Долг участкового – следить за порядком и тем, чтобы торжествовали закон и справедливость, а не наказывать детей за ошибки их родителей».

– Вот, значит, как. Успокоилась София, – грустно сказал, качая головой, наш гость. С матерью своей теперь наконец. Она мне тогда еще сама говорила, что раз в году обязательно навещает ее могилку. А это три дня пути, не меньше.

Вот какая была. Уважал я ее. Гостей старушка не любила, так что зря ее не беспокоил. Тем более, мужчин она не жаловала, избегала всячески. Мне хватало дел с другими поселенцами. Так, значит, девицей и померла.

– Как девицей? Да разве... – изумилась я и замолчала, вспоминая все советы, данные мне Софией.

– Девицей! Мы тогда с ней душевно о многом поговорили. Заходила речь и об этом. Я спрашивал ее, не из любопытства – была ли замужем. Мне положено знать. Она сказала, что никогда.

Тогда я спросил ее:

– Вы что ни разу не любили?

Она ответила:

– Я и сейчас люблю.

– Значит, все же... познали любовь?

– Я познала Бога!

36

– И ее не смущали ваши вопросы? – удивилась я.

– Нет! Напротив! Тема была ей интересна. Она даже поделилась, что не понимает, например, почему люди целуются. Ведь мужчина и женщина... это чтобы дети были. Я ей объяснил, что человек испытывает при этом нежность к другому, подготавливает его к близким отношениям. Самому аж как-то неловко стало. На что она продолжила меня расспрашивать:

– Это обязательно?

– Нет! Это не правило. Только если чувствуют желание. И обычно женщина закрывает при этом глаза.

– Зачем?

Я, помню, засмеялся тогда:

– От удовольствия и, наверно, чтобы не видеть, с каким дураком целуется! А София только пожала плечами. У нее, по-моему, совершенно отсутствовало чувство юмора.

Участковый, тепло попрощавшись, уехал, а мы еще долго говорили об этой удивительной женщине и ее не менее удивительной судьбе.

Я думаю, что она, носящая в своей светлой и чистой душе Бога, каким-то неведомым образом знала, что моего мужа скоро не станет. Он умер через

год. Внезапно. От сердечного приступа. Мне кажется, что София хотела защитить меня от одиночества. Чтобы было, кому позаботиться обо мне в старости, чтобы была у меня опора в жизни. Навсегда так и останется загадкой, как женщина, никогда не знавшая мужчины, так много понимала в любви. Была ли это

ее неутоленная мечта и фантазия, воплощенная с моей помощью?

Однажды София показала мне в ночном небе свою любимую звездочку. Теперь, когда мне грустно, я всегда нахожу ее и мысленно беседую со своей подруженькой. Делюсь, и становится легче.

А еще она говорила:

– Мы рядом, пока о нас помнят.

Может быть, и вы, прочитав эти строки, помянете добрым словом рабу Божию Софию.

37

чудо

*С любовью,
посвящается брату Владимиру*

Маленькие домики с деревянными крышами неторопливо паслись в зеленой долине.

В пять часов ночь сняла с поселка свою дырявую шапку, и он медленно, как поднимающееся тесто, стал наполняться светом. Зашевелился раз-буженный легким ветерком воздух, и все вокруг начало, потягиваясь, вылезать

из-под уходящих теней. Живи, в общем, и радуйся! Только не всем было хорошо этим утром.

Николай страдал...

Выпитый глоток воды из предусмотрительно оставленной на стуле кружки ртутью наполнил его тело. Оно вжалось в постель, словно под воздействием гигантской центрифуги в Центре подготовки космонавтов. Но в космо-навты Николай не собирался. А собирался он в магазин... Пока только мысленно. Закрыв глаза, виртуальный странник уверенно пробежался по хорошо

знакомому прилавку местного «Мыло-вина-гвозди», не задерживаясь на безликих дорожных напитках, пока не остановился на родной сестре выпитой им вчера бутылки водки.

Желудок резко сжался от спазма до размеров яблока, и внимание быстро переместилось к группе темных пивных посуды с веселыми синими бушлатиками «Балтика».

Это придало сил, и Николай сел, упираясь в края покатога матраса.

С решимостью героя-летчика, пробующего протезы, и движением, напоминающим прыгающего с трамплина лыжника, он встал на ноги. Окружающая среда встретила его недружелюбно. Пройдя несколько шагов, Николай опустился на стул, чтобы передохнуть.

День начинался скверно.

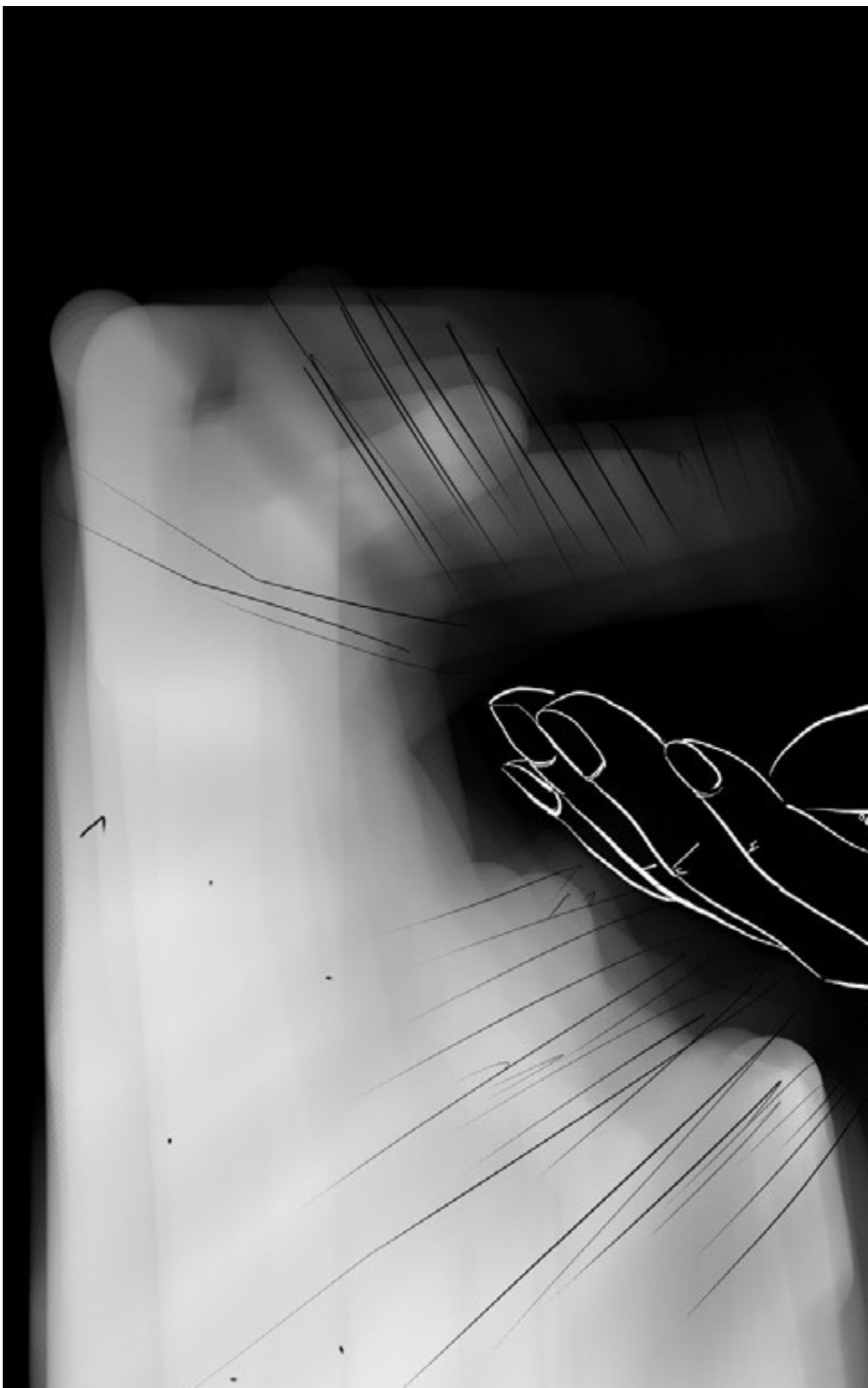
Жена должна была приехать от любимой тещи с «гуманитарной помощью» только через неделю, и вопрос финансирования приобретал гамлетовский оттенок. Соседок, натренированных женой за долгие годы, не стоило даже

брать в расчет. Бесправные коллеги по полу сами всегда блуждали в поисках.

Спасти могло только чудо.

Банкрот тяжело и глубоко вздохнул. Это сместило центр его тяжести вперед, побуждая к действию, и он неуверенно встал. Сейчас Николай состоял как бы из нескольких тел, вложенных одно в другое. Все они начинали дрожать, как желе на тарелке, от любого самого маленького движения, сливаясь в одно

маятниковое где-то в центре головы. Она тошнотворно кружилась, и, даже пол-38

39

ностью замерев, трудно было остановить этот изнуряющий ход. Сердце неожиданно выдало дробь и застыло стоп-кадром. Душа нерешительно выглянула из темечка, отталкиваясь от немедленно вспотевших волос невидимыми ручками.

Под левой лопаткой резко и неприятно защипало, как если бы огромную новую батарейку приставили контактами к мокрой спине. Казалось, что на голову на-бросили целлофановый пакет, внезапно и катастрофически прекративший до-ступ кислорода в легкие.

Страшно стало и темно.

Кто пил – тот знает!

Но тут какая-то неведомая сила взболтнула сердце в груди, заставляя сотрясаться пульсациями все тело, а легкие резко и сипло всосать воздух. Душа смущенно ушла в пятки, а рот немедленно наполнился кислой ватой. Николай вцепился руками в стол, стараясь не упасть, но уже понимая, что отпускает. Он часто задыхался и вытер с облегчением пот со лба.

Надо было что-то срочно предпринимать. Ноги тряслись. Треники, повидавшие трудные и долгие годы, безжизненно висели на нем, как сбитые

меткими пулями стрелков аэростаты в хронике военных лет. Жена постоянно выбрасывала легендарные портки (на тряпки порвать боялась), но Николай неизменно возвращал их в свой ящик. Новые вещи он не любил и назидательно

повторял жене, что его самый лучший и удобный костюм – это трусы и майка.

Упругость свежего воздуха, ворвавшегося в открытую Николаем дверь, на мгновение толкнула его обратно в дом, но потом, как вакуумом, вытянула

наружу, заставив сделать несколько шагов на середину крыльца.

Тарзан (его Николай подобрал в лесу) радостно метнулся к ногам, бешено виляя хвостом. Хозяина он любил. Тарзан был собакой полудикой, недо-верчивой и злой, но к Николаю ласкался самозабвенно. Каждый раз, падая на

спину, он как бы говорил: «Вот он, мой живот! Кусай, если хочешь! Ты вожак!».

Хозяин никогда не кусал его, и не знавший доселе много ласки Тарзан помнил это и ценил.

Николай потрепал собаку по холке и направился к колодцу. Студеная вода помогла договориться с нежелающим ему принадлежать телом. Оно стало неохотно, но все же отвечать на путанные приказы головы, и вату мышц замени-ла приятная бодрящая дрожь.

Дорога до магазина, к которому Николай угрюмо направлялся со слабой надеждой подзаняться, пролегла вдоль железнодорожного полотна.

Станции в деревне не было, и до ближайшей надо было тащиться «мало не покажется». На электрички Николай не обращал внимания. Ну, бегают себе и бегают. Хотя некоторая польза, конечно, была. Совсем уж точное время никому

40

не нужно в деревне, но и без часов тоже нельзя, а тут кукушка на колесах. Вот первая пошла. А это двухчасовая, после перерыва, а вот и последняя...

Николай отвлекал себя на пути к станции такими вот разными мыслями. А до нее было еще... Дожить бы! Кстати! Николай притормозил на минутку, достал из-за пазухи крестик, сотворил быструю молитву любимому святому

Николаю Угоднику, как он это всегда делал в трудные минуты своей жизни, и зашаркал вперед.

Воздух к полудню как будто загустел и остановился в дреме. Легкие на-полнялись неохотно, и даже пчелы, перелетая с цветка на цветок, недовольно ворчали. Жжжжжжжжара!

Теплый воздух гнал их вверх от вкусной пищи, и их полосатые тушки лениво сопротивлялись восходящим потокам.

Ход мыслей прервала грохочущая электричка. Идет. Воняет пылью.

Все как обычно, и тут! Из проходящего открытого окна выпорхнула какая-то цветная бумажка. Струями воздуха от движущихся вагонов ее бросило сначала вниз, потом резко вверх, и оттуда она совершала медленное и произвольное падение, меняя направления и способы спуска от быстрого вращения до парения листом.

Николай как-то сразу понял, что фантики и обертки от шоколадок так не летают, и вцепился взглядом в объект, как жонглер в падающий мячик.

Когда говорят об интуиции, то почему-то сразу вспоминают женскую.

В вопросах жизни и смерти мужская ей не уступает.

Ноздри раздулись мощным потоком адреналина, и Николай устремился к предполагаемой точке посадки. И вот тут возникло неожиданное осложнение. Школьно-хрестоматийное. «Из пункта А в пункт Б навстречу друг другу спешили два поезда...» Поездом из пункта Б оказался какой-то мужик с несвежим, но очень любознательным лицом и явным намерением прибыть в точку встречи

с купюрой быстрее Николая. Когда денежка после неудачных попыток обоих претендентов поймать ее в воздухе все-таки опустилась на землю, незнакомец, который при близком рассмотрении оказался водителем-экспедитором из соседнего села, и Николай схватили ее мертвой хваткой одновременно. Ну, или почти одновременно. Николаю досталась меньшая часть.

Медленно увеличивая усилие, Николай потянул на себя зажатую железными пальцами купюру. В физике он был силен больше с практической стороны – забор там подправить или дровишек нарубить. Закон действия – противодействия, о котором он напрочь забыл, тем не менее напомнил о себе немедленно.

41

Точно с такой же силой и скоростью бумажка была возвращена в изначальное положение.

Тяжело дыша, мужчины крепко смотрели друг на друга, обменявшись неизбежными в такой ситуации словами:

– Ты чего?

– А ты чего?

Оба знали, что рваную Тамарка не возьмет ни за что и действовать надо с предельной осторожностью. Так что лучше прийти, так сказать, к консенсусу, что бы это ни значило.

– Реакция у тебя неплохая!

– И ты не зеваешь!

– Что делать будем?

– Шутишь?! Делить, конечно, – ответил Николай.

Только тут они оба обратили внимание на достоинство купюры.

– Отпусти, порвем!

– А чего не ты?

– Тогда так и понесем до магазина.

Их взволнованные лица смотрели в разные стороны, и, для того чтобы можно было двигаться в одном направлении, Николаю пришлось развернуться.

Побелевшие пальцы он разжал только после того, как надежно запечатал банк-ноту другой рукой.

И зашагали они, каждый держась за свой край, даже не задумываясь о

том, что выглядели со стороны очень странно.
Но это только со стороны! Изнутри их лица сияли!

Так несут флаг к флагштоку боевого корабля или чтобы покрыть им могилу павшего товарища, не меньше – бережно и с гордостью! И ни солнце теперь не мешало им, ни пыль, ни расстояние!

Жизненный афоризм, что мужчина веселит задолго до того, как вы-пьет, приобретает фундаментальное подтверждение.

Продавщица Тамара, приняв купюру, тщательно проверила ее и, взглянув быстро и пронзительно на каждого поочередно, наклонив слегка голову, с кивком спросила:

– Чего?

– Тамар, нам бы разменять...

– Не банк. Чего брать будете?

Недолго совещаясь, мужчины выбрали по бутылке водочки и по паре пива. Там еще оставалось, и экспедитор назвал чипсы, булку и кусок неизвестной колбасы. Так много денег на закуску Николай никогда не тратил и сначала даже огорчился расточительству, но потом вспомнил, как деньги достались, и только махнул рукой.

42

– Давай, чего уж там.

Выйдя из магазина, мужчины, не сговариваясь, открыли по бутылке пива, сорвав приставленные к ближайшему дереву «бескозырки» точными ударами кулаков, выпили их почти мгновенно и, переведя дух, впервые посмотрели друг на друга дружелюбно.

Николай первым протянул руку, представился. Потом и экспедитор.

Сергеем оказался.

Они были, похоже, одногодки или около того. Николай просто выглядел старше.

– Ты куда теперь?

– Не знаю. У меня жена дома, запилит. Ни отдохнуть по-человечески, ни выпить! Вчера с тестем напраздновался. Денег нет. Сегодня чуть не умер.

– Так давай ко мне! У меня только Тарзан. Все добрее твоей жены будет. А две бутылки всегда лучше, чем одна. Дольше делятся!

И они весело зашагали в деревню. Тут, как в сказке, догнала их машина. Серегин сменщик домой возвращался. Доехали с ветерком! Бывает же

такое! Николай распахнул калитку, и, пока Тарзан решал извечный собачий вопрос «Кусать незнакомца или любить», Серега уже шагнул в дом.

Потом они еще долго разговаривали, смеялись и курили в сарае, лежа на сене, точно зная, что после таких удивительных событий ничего плохого с ними случиться не может. Ну, просто не может и все!

И Колькины ноги, простреленные в Афгане, уже вроде и не так болели.

Вот как! А вы говорите – чудес не бывает.

43

Месть По Правилам или угол Падения Мести рАвен...

Не торопитесь... Не всегда то, что кажется явным, верно.

Каблук сломался в самый неподходящий момент. Перед уходом. Хотя разве есть для этого подходящий? В клубе лучше было бы или на улице? Елена Владимировна не огорчилась. Только усмехнулась и подумала:

– Даже «Жафре», похоже, начали делать в Китае. В этой паре ноги чувствовали себя так комфортно! Что поделаешь! Жаль!

– Ма! Я поехал! – раздался голос из прихожей.

- Тебя ждать сегодня?
- Нет! Мы с ребятами подберем девчонок... знакомых, и в «Шанхай».
- Когда ты наконец найдешь себе постоянную девушку?
- Таких, как ты, нет, ма. Чего зря стараться?
- Болтун! Денег хватает?
- Что за вопрос! Их никогда не хватает.
- Возьми из кармана моего пальто те слезы, которые твой отец оставил мне на вечер.
- Действительно, слезы, – услышала она удивленный голос сына. – Тут только на час в казино и хватит.

Елена лукавила. Денег было значительно больше. Это она сама положила заведомо смешную сумму, а остальное убрала. Нечего мальчика перекармливать. Потом опять же факт, что он на ее стороне, был всегда приятен.

За сыном захлопнулась дверь, и Елена Владимировна вышла в коридор, изящно неся, как и положено бывшей балерине, свое великолепное тело, из-за которого у нее уже давно не было постоянных подруг. Все они чувствовали себя толстыми и неухоженными на фоне ее безукоризненной фигуры и

кожи, без малейших, даже далеких, признаков целлюлита. Многие пытались ей подражать, но заканчивалось все обычно обидами, завистью и фантастически-ми сплетнями. Новые подружки из женского клуба, в который она только что вступила, хоть и не могли сравниться с ней в красоте и грации, все же были дамами ее круга. Они проявляли чудеса изобретательности в нелегком вопросе проведения досуга, с которым сталкиваются рано или поздно все жены богатых, но очень занятых бизнесменов. А это многого стоит! Первый год всегда кажется восхитительным. Поездки по миру! Прогулки на слонах и верблюдах, шампан-ское, икра. На второй уже хочется хоть простой картошки с селедкой, но обязательно чего-нибудь новенького, интересенького, свеженького в развлечениях.

Ну, хоть что-нибудь!

Из-за туфель теперь придется менять весь наряд. Девочки обязательно дождутся новенькую. Она знала, и поэтому не особенно торопилась.

44

– Вот это, от Версаче, пожалуй, подойдет. Нет! В клубе будет Евгения, а она меня уже в нем видела. Мука какая-то!

Теперь, выбрав наряд и туфли, предстояло подобрать украшения. Елена «похвалила» себя за вкус, отбросив несколько колец и сережек:

– Хоть горничной отдавай. О чем думала, когда покупала?

Елена была женщиной дорогой и не делала из этого тайны. Они с Вадимом поженились около 10-ти лет назад. Продолжительность брака в условиях кризисов и падений доллара – значительная. Новый муж владел... Всего она

толком не знала. Как говорят – мудро не вмешивалась. Вадим оплачивал все ее покупки, и это скрепляло союз лучше клятв и обещаний. Он был все время занят, даже в праздники, что серьезно выводило Елену Владимировну из себя и подтолкнуло к вступлению в клуб, о котором она узнала через десятые руки. В этом клубе раз в год собирались утомленные зарубежными турами и волнениями собачьих выставок дамы, чтобы отомстить своим мужьям, доведшим бедняжек до такой жизни.

Елена Владимировна была права, предполагая, что без нее не начнут.

Мстительницы бодро разгуливали по этажу, где должно было произойти торжественное собрание, критически рассматривая и обсуждая чужие наряды.

– Я этих мужиков ненавижу, – говорила почему-то шепотом одна из новых подружек – жена владельца спортивных комплексов, заглядывая Елене в глаза. – Умница, что решила к нам присоединиться, – вторила ей другая.

Когда и старые, и новые члены наконец собрались в специально отведенном для заседаний кабинете и плотно закрыли двери, председательница

клуба Анна взяла слово. Сначала она поздравила всех с праздником, потом Елену Владимировну и всех новеньких поименно со вступлением в клуб.

– Мы здесь все подруги по несчастью. Только дураку непонятно, что женщины стоят значительно выше мужчин во всех отношениях, – делилась философией клуба его председательница. – И в развитии и понимании пре-красного, и в правильном использовании избытков денежных средств. Мы

оключаем счастливых, живущих с нами, красивыми вещами и удобствами, о существовании которых они даже и не подозревали. Что мы имеем взамен?

Одиночество и скуку. Сколько можно вертеть ручки и педали в спортзале? Или смотреть телевизор? Прислуга и то рвется домой после работы, а нам... куда?

Кто в этом виноват? Наши мужчины! Их надо за это наказывать, и лучший день для реванша, чем 8 марта трудно подобрать.

В этот день мы мстим им за унижения, которым они подвергали нас целый год! За притворные и лицемерные заверения в любви. Именно в свой, женский день, мы можем и должны зацепить их за самое чувствительное место.

45

Помимо кошелька! Хоть раз в году действительно почувствовать себя женщинами. Поко-рять и властвовать!

Посмотрим на «Отомстить – да, но лишиться из-за развода своих фи-нансовых воз-можностей, упаси, Господь» серьезно. Как насладиться первым

и за километр избежать второго? Встреча с реально существующим мужчиной

таит в себе опасность образования никому ненужных привязанностей или огла-ски. Это чревато печальными последствиями, ведущими к бодро стучащим пло-хими новостями каб-лучкам разводного адвоката. Бабы, они самые вредные и

дотошные в этом бизнесе. Упаси, Бо! Поэтому мы, – Анна понимающе перегля-нулась с согласно кивающими дамами, – потеряв в процессе нескольких очень

активных членов...

Тут она остановилась и совершенно серьезно сказала:

– Надо будет как-то изменить это слово. Какие мы члены!? Ну, и не членихи же... А впрочем, потом решим. Потеряв, остановились на форме, суще-ствующей и по сей день, – продолжила она. – Знаете что, девочки?

Анна капризно сжала губы и покрутила головой, как будто отказыва-лась что-то съесть:

– Я теперь ночью не засну. Буду думать, чем заменить. А ведь завтра у меня выставка!

Клубок духов зашевелился и сочувственно забормотал:

– Да... Да... Всю себя... Если бы не она...

Елена с интересом оглядывала сидящих женщин. У неискушенного и глухого наблюдателя со стороны могло создаться впечатление, что собравшие-ся обсуж-дают вопросы предстоящего конкурса красоты. Так изумительно восхитительны были эти дамы. Самый ценный национальный продукт, которым, не взирая на постоянный отток за гра-ницу, всегда богата – была и есть Россия.

Некоторые из женщин откровенно скучали, и именно к таким приглядывалась

Елена в поисках будущей подруги. Возраст очень разный. От годных в жены фараонам, до довольно успешных соперниц Набоковской Лолиты. Одеты...

Наблюдения прервал голос Анны:

– Мы забылись, у нас новые... гости. Их нужно ввести в курс дела. К работе по осуществлению нашего плана мести мы привлекаем молодых и здоровых мужчин через профессиональную компанию, – продолжала Анна. – Они заранее проверяются у оплачиваемых нами докторов. Последствия заражения клиентки будут иметь для виновного... трагический исход. Прецедентов пока не было. Каждый год клубом снимаются и подготавливаются номера и квартиры в различных районах города. Сегодня в конце вечера каждая из нас достанет из этого кубка ключ с написанным на бирке адресом. Никто не знает заранее, куда вы поедете. Вас отвезут водители нашей службы и затем доставят домой

46

или обратно в клуб. Комната, в которой вы будете встречаться, полностью затемнена плотными шторами. Мужчину, поступающего в ваше распоряжение, из соображений указанной выше конспирации вы видеть не будете, так же, как и он вас. Мы не ограничиваем вас временем, но... наша Золушка не должна забывать, что хоть она и не вампир, но утренний свет ей не к лицу. Мы не хотим ни узнавать, ни быть узнаваемыми. Не сомневайтесь, рабочий штат мужчин прекрасно обучен. Хлопните в ладоши раз – войдет. Хлопните два – уйдет. Вот такие простые правила. Мстить до первых петухов!

Женщины оживились и засмеялись.

– А теперь давайте праздновать! И пусть нас с каждым годом будет больше! Заиграла негромкая музыка, и дамы проследовали в соседнюю комнату, где уже был накрыт пышный стол. Елена Владимировна подошла к стройной женщине, которую заметила во время церемонии, и спросила дружелюбно:

– Все действительно так виртуозно отработано, как представила Анна?

– Да! Не надо ни о чем беспокоиться. Клубные взносы, а я скажу, что даже за учебу дочери в университете плачу меньше, обеспечивают такой уровень обслуживания, что не пожалее. Все предусмотрено. Risk free. Это мой пятый праздник. И будут, наверно, шестой и седьмой, как и у большинства этих оставленных жен. Чем мы хуже мужчин?

– А сколько лет вашей дочери?

– Она у меня вторая и...

Они продолжили оживленный разговор, взяв по бокалу в руки. Разнообразные вина и блюда, каруселью сменяющие друг друга через каждые полчаса, поднимали настроение все выше и выше. Отсутствие телефонов, оставляемых при входе, согласно клубному правилу, воспринималось как забавная

игра. Не хватало только мужчин... но и для них тоже пришло время. Прозвучал гонг. Елена Владимировна отметила про себя, что это напомнило ей сцену из любимого сына фильма «Входит дракон» с Брюсом Ли, который надоел ей до чертиков. Женщины оставили еду и бокалы и быстро направились в кабинет, в котором до этого заседали. Там их ждала высокая чаша из синего стекла, установленная посередине массивного дубового стола. Все дамы, возбужденно

толпясь, но сохраняя приличие, подошли к сосуду, победоносно выхватывали из него ключ и торопливо уходили. Елена Владимировна, пропустив всех, забрала последний и под ободряющим взглядом Анны покинула комнату.

Шофер проводил ее до двери, вставил ключ в замок и, не сказав ни слова, удалился. Елена Владимировна не без колебаний шагнула в обставленную со вкусом прихожую. Огляделась. Прошла по коридору и заглянула в комнату, в которой горел свет. Широкая, занимающая почти все пространство

47

кровать, покрытая черными шелковыми простынями. Два глубоких кресла по сторонам.

– Что там по инструкции? Заходи, раздевайся, ложись и жди, как корова, своего Конька-Горбунка!

Елена неторопливо разделась.

– Ни одного зеркала, – недовольно отметила она.

Залезла под простыни. С наслаждением подвигалась всем телом по прохладной атласной поверхности и тут же почувствовала просто звериную потребность в мужчине. Она выключила свет дистанционным пультом, сунула его под подушку и стала нетерпеливо ждать. В такой темной комнате ей еще бывать не приходилось.

– Ну, где же он?

По тонкой светлой полоске под дверью поняла, что кто-то зашел в квартиру. Прошел по коридору, потушил свет. Подошел к двери. Ждет. Она ватными руками хлопнула в ладоши. Почувствовала только движение воздуха от снимаемой рядом с ней одежды. Теплая ладонь мягко дотронулась до ее бедра.

Елена Владимировна судорожно вдохнула воздух. Он откинул простыню и прилег рядом. Осторожно поцеловал в плечо. Потом погладил нежно волосы и, только почувствовав ее готовность принять его, бережно обнял. От

каждого прикосновения Елена ощущала приятную волну, проходящую по всему телу и разбивающуюся у лица брызгами румянца, от чего оно пылало. Елена Владимировна часто задышала и потянула мужчину на себя...

От подруг она слышала, что те улетают куда-то и испытывают подобное ощущение многократно. Ей же, увы, не доводилось ни разу в жизни. За-канчивались отношения с мужем всегда до грусти одинаково. Она ждала, пока

тот не обмякнет внезапно, навалившись на нее всей тяжестью, а потом, отвалившись, как клоп, не похвалит себя за дивные мужские качества, длившиеся

больше двух минут. Тому, что она испытывала сейчас, трудно было дать название. Если это был полет, то очень долгий и высокий. На землю она возвращалась, только чтобы снова взлететь и парить, не чувствуя ни тела, ни души, а только пронзительное наслаждение, в котором скользило, не касаясь ничего, ее сияющее Я.

Елена закричала, выгибаясь своим точеным телом и откидывая голову назад. Сердце даже не забило, а скорее биения слились в одну страшную вибрацию. Перехватило дыхание. В страхе балерина оттолкнула мужчину от себя.

Нечаянно ногтями своей правой руки она зацепила его лицо. Мужчина вскрикнул и отпрянул. Она еще больше испугалась и хлопнула два раза в ладоши. Ее недавний партнер немедленно встал с постели, собрал, судя по звукам, одежду, и через минуту Елена услышала, как щелкнул замок входной двери. Она, все еще тяжело дыша, достала из-под подушки пульт и включила свет.

48

Елена открыла дверь своей квартиры, поблагодарила и отпустила шо-фера. Вошла тихонечко, как будто виновато в их с Вадимом шикарную квартиру

и сразу прошла на кухню. На какие финансовые холмы или в какие денежные ямы ни заносила бы нас жизнь, кухня всегда остается для русского человека самым важным и доверительным местом. Достала коньячку. Выпила рюмку залпом, не закусывая. С теплом пришло и успокоение. Даже усмехнулась.

– Вот это эксперимент. Теперь можно и помирать спокойно.

В прихожей хлопнула дверь.

– Сынок, ты? – спросила скорее по привычке.

– Я, я.

– Что-то ты рано.

– Четыре часа – рано? Тебе не угодишь, ма! – сказал он, заходя на кухню. Подошел ближе, чтобы обнять ее, и тут она увидела три глубокие, све-жие царапины совсем рядом с левым глазом.

– Что у тебя с лицом? – быстро спросила мать.

Сын не сразу ответил. Потом улыбнулся и сказал:

– Ма! Ты же знаешь! 8 Марта! Бесились!

49

ШирокА дуША Моя роднАя

Аэропорт жил своей обычной жизнью: внимательно встречал и безразлично провожал. Пассажиры, привыкшие к его навязчивой подозрительности, не возмущались и терпеливо позволяли сосредоточенным служебным собакам, очень похожим на ведущих их проводников, обнюхивать свои вещи. Транзит-ники, узнаваемые по тому, с каким с удовольствием они разминали ноги после

часов, проведенных в неудобных креслах, неторопливо прохаживались по отполированным, почти стерильным каменным полам огромных холлов. Одни делали для развлечения ненужные покупки в Дьюти-Фри, другие же сразу спешили

найти свои терминалы, боясь пропустить рейс.

До самолета было еще два часа, и я убивала их, рассматривая женские журналы в одном из киосков. От этого бессмысленного занятия меня отвлек очень родной, и поэтому еще более странно звучащий в иностранном

аэропорту голос:

– Казакова!

Раскинув руки, я побежала навстречу его обладательнице, и мы сплелись в шумном объятии.

– Маринка, ты!

– Ирка-а-а!!!

Много лет не виделись. Маришка – моя самая верная школьная подруга. Изыщная, красивая и добрая, она почему-то вышла замуж позже всех девчонок в нашем классе. В то время как у других уже появились внуки. Муж старше ее на 15 лет, канадец, какой-то профессор. Влюбился без памяти, увидев

Марину на курорте в Болгарии, куда он приехал на конференцию по энергетике, и... увез к себе.

Мы не могли наглядеться друг на друга и только без конца повторяли по очереди:

– Маринка!

– Ирка!

– Ты куда летишь? – спросила я наконец подругу.

– На родину, – ответила та, широко улыбаясь.

– Надо же! А я наоборот. На чужбину. На заработки. Сыну на свадьбу.

У тебя дети есть?

Марина с радостью кивнула.

– Теперь есть. Удочерили девочку из детдома в прошлом году. Сейчас вот опять едем с мужем. Хотим мальчика взять.

– Смело! Двоих, в наше время! Чужих...

Марина посмотрела на меня без обиды, но с едва заметным холодком в глазах.

50

– Своих Бог не дал!

Я поняла, что сказала глупость, и покраснела. Маринка начала меня успокаивать:

– Все нормально. Многих удивляет, не тебя одну.

– А откуда девочка? – спросила я

– О! Это...

Подруга помолчала.

– Целая история. Рассказать?

– Конечно, Мариночка!

Мы подошли к ближайшему ряду кресел, расположенных вдоль стен, и присели на свободные места.

– В прошлом году, – начала Марина, – я предложила мужу усыновить ребенка из детского дома, и он с радостью согласился. Сколько нервов и денег нам это стоило, лучше не спрашивай. Но... Изнурительные формальности остались позади, и мы наконец получили разрешение на то, чтобы выбрать. Страшно это звучит: «выбрать» – как будто речь идет о паре ботинок из магазина, но действительность оказалась еще страшнее.

Прилетели. Директорша, которой я после ее прямого намека на «возможные трудности» подарила французские духи, заговорщицки сообщила мне:

– Завтра на «смотре» я подскажу вам, у кого родители были пьяни-цы и кто с хроническими заболеваниями. Чтобы не выбрали ненароком «брако-ванного». Потом отблагодарите!

– Я тогда была так взволнована, что даже не придавала значения ее словам.

А о том, будет ребенок больным или здоровым, клянусь, даже не задумывалась. Мечтала только поскорее детей увидеть. Мы с мужем полагали, что зайдем, сядем где-нибудь в уголке и будем потихонечку за ними наблюдать.

Сердце подскажет, кому нашим стать. Конфет шоколадных набрали для всех.

То, как это произошло на самом деле, до сих пор вспоминаю с содроганием. Не только мы, оказывается, готовились к встрече. За ужином детям сообщили, что на следующий день к обеду приедут богатенькие дядя с тетей и будут выбирать себе ребеночка, чтобы взять в семью. Нужно продемонстрировать какой-нибудь талант, а то шансов... сами понимаете. Вон, мол, вас сколько!

Когда мы с Майклом вошли в комнату, дети прекратили играть и разбежались друг от друга, как капельки воды, упавшие на вощеную бумагу. Малышам в этой группе было от трех до пяти лет. Они прогуливались, не сводя с нас

глаз и в то же время внимательно наблюдая за потенциальными соперниками и соперницами. Каждый хотел произвести хорошее впечатление. Детский ум выдумывал на ходу стратегические ходы, по которым разыгрывалось сражение за собственное счастье. Чтобы увеличить свои шансы, полагая, что плакс никто не

51

захочет, мальчишки исподтишка сильно дергали девочек за волосы, вызывая то тут, то там громкий рев.

Внезапно один мальчуган подбежал к Майклу и, теребя его за брюки, сказал, закинув белобрысую головку вверх:

– Я стихи знаю: «Миллион, миллион, миллион алых роз»...

Закончить «поэту» не дали и в мгновение ока оттеснили подальше. По-лучаемые им пинки и тычки служили остальным наглядным напоминанием того, что установленные пра-

вила нарушать никому не позволят. А они, эти правила, были простыми: не жаловаться и не заговаривать с гостями, пока те сами что-нибудь не спросят.

Майкл присел на корточки рядом с завязывающим шнурки крохотным мальчишкой и задал вопрос – одну из немногих фраз на русском, которые ему удалось выучить:

– Как те-бья зо-вут ?

Мальчик занервничал и, вместо того чтобы назвать свое имя, торопливо выпалил:

– Я дрова могу рубить. Любые.

И показал, как он умеет это делать. Сразу стало ясно, что самого процесса малыш никогда не видел, а то, что он изобразил было больше похоже на

то, как мальчишки сражаются друг с другом на палках или уничтожают заросли крапивы. Тут всех остальных детей как будто прорвало. Они окружили нас с мужем и

стали наперебой выкрикивать:

– Я могу картошку чистить.

– А я мыть полы!

– А я...

– А я...

Я заметила худенькую девочку, сидящую тихонько в стороне от всех, на стульчике, и не принимающую участия в этом разноголосом хороводе засти-ранных бесцветных платяиц и рубашечек. Подошла к ней. Спросила:

– А что ты тут одна сидишь? Неходишь...

Девочка посмотрела на меня и серьезно ответила:

– Чего стараться? Я здесь останусь. Я ничего не умею делать и, – широко открыв огромные печальные глаза, она добавила: – И не хочу!

Мой муж радостно крутил головой по сторонам, разглядывая детвору, трогал стриженные шарики детских головок и счастливо улыбался. Каждый малыш старался оказаться под его ладонью хотя бы на миг, как будто это была

волшебная кнопка, от которой зависела его судьба.

52

Майкл попросил меня перевести то, что выкрикивали дети. Я перевела.

Улыбка с его лица сразу исчезла. Помню, что мы извинились и уехали, сославшись на нездоровье.

Два дня просто болели. По-другому не назовешь. Плакали, вспоминая детские глаза, и представляли этих крох, придумывающих, как доказать свою полезность в хозяйстве, считая, что иначе «ни за что не возьмут». Каждый малыш отчаянно торопился любой ценой обратить на себя внимание, боясь остаться незамеченным и упустить свой шанс...

Тогда же мы решили, что не ограничимся только одним ребенком из этого дома.

Мы взяли девочку. Ту, которая уже ни на что не надеялась.

Первое время было трудно. Бедняжка объедалась. Она ела до тех пор, пока не становилось плохо. Даже по ночам, накрывшись одеялом. Сначала мы

не запрещали, понимая, как ребенку хочется все попробовать, но потом забеспокоились. В девочкиной комнате и ее вещах повсюду были припрятаны сладости и фрукты. Раньше спрашивали, что бы ей хотелось покушать, и покупали

все. Потом стали говорить:

– Доченька, сегодня ты получишь что-то одно из того, что просишь, завтра – другое.

Лиза у нас славная! Умница! Потихоньку перестала жить как блокадница. Отогрелась! Правда, иногда еще бывали случаи. Например, когда мы взяли

ее к морю, то она первое время носилась по пляжу, расталкивала ничего не понимающих детей и кричала им громко по-русски:

– Моя вода! Мой песок!

Майкл тогда прижал ее крепко к себе и долго гладил, успокаивая.

Сейчас наша красавица говорит по-французски лучше, чем я. Честное слово! У детей это быстро получается.

Марина посмотрела на часы.

– Слушай, Иришка, пойду. Пора. Безумно рада тебя видеть! Не потеряй в очередной раз телефон. Звони хоть иногда!

Мы опять обнялись. Расставаясь, моя подруга сказала:

– Я уже решила. Того... с топором обязательно возьму. Привезу, и пусть что-нибудь рубит!

53

How do you do, журавлевы?

В доме Журавлевых царил переполох. Старшая дочка, Мария-2, приезжала погостить и везла жениха, чтобы представить родителям да показать

ему свои места родные. Радость-то какая! Конечно! Если б только не был он...

американцем. Самым настоящим, как их зовут по всей России, америкосом!

Международного опыта у Просто Марии Сергеевны не было, и она, как всегда в трудные моменты, созвала совет, нуждаясь в поддержке близких и проверенных людей. Дед Алексей сразу начал возмущаться:

– Нашего, что ль, не могла найти? И где они только умудрились по-знакомиться?

– Да по Интернету этому, – выдавила Мария Сергеевна. – Лучшая подруга, Наташка, замуж таким образом выскочила. Приятель ее мужа как увидел

фотку, где Наталья с нашей на дискотеке в институте танцует, пристал к нему – познакомь. Запал на нее очень. Так и начали переписываться. Там кнопка

какая-то есть. Что Машка ни напишет, сразу на ихний переворачивает, и наоборот. Год знакомились. Теперь вот парень к ней прилетел, предложение сделал.

– А как же они сейчас без кнопки понимают друг друга? – не унимался дед.

Фролов усмехнулся:

– Ты думаешь, в их возрасте языки для этого надо знать?

– Итак! Возникли две небольшие проблемы, и их надо разрешить до приезда детей, – сидя в старом деревянном кресле, вещала Мария Сергеевна, без конца поправляя съезжающую набок косынку. Эта деталь делала совещание еще более похожим на знаменитую картину «Совет в Филях», на которой

Кутузов с другими военачальниками решал, как держать оборону Москвы.

– Первое – это... Кнопки у нас нет и не будет. У единственного переводчика, Кольки, по английскому двойка с плюсом. Учителка нашу семейку любит, как вошь хлорку.

– Второе – сортир! Только жених первый раз туда сходит... Там мы его и потеряем. Есть предложения?

Неизвестно, какая из двух небольших проблем поразила собравшихся больше, но воцарилось тяжелое молчание.

– Это я и без вас знаю, – рассердилась Мария Сергеевна, – но делать-то что будем?

Вздохматив волосы, после паузы, она сказала уверенно:

– Значит так! Нужник наш, наверно, еще татарами построен. Ты, Степан, купишь материалы, что полагаются, и за работу. Старый мы временно

заколотим. Новый рядом поставим (позже на ремонт сарая пойдет) и ведро

54

туда приспособим, чтобы под яблоньки потом выносить. С английским сложнее. За десять дней трудно будет освоить. Если бы хоть месяц... Но у нас его нет.

Придется идти на поклон к Колькиной англичанке. Она давно на нашу козу заглядывается и кашляет каждый раз, когда я мимо прохожу.

Приглашенная к Журавлевым учительница сидела на Марьи Сергеев-нином месте и привычным менторским тоном поясняла, держа в руках разрисованную машинами, бэтмэнами и сражающимися роботами книгу.

– Издание новое, и темы там подходят для первого знакомства. Коля

объяснит вам для начала, как произносить звуки, а уж потом, на более углубленном этапе, и я подключусь. Ребенку полезно побыть в роли учителя. Это, несомненно, подтянет его и научит ответственности.

– Двух гусей одной палкой, значит, – заключила Мария Сергеевна. – Делать нечего. Учи, двоечник!

Тем же вечером и приступили. Класс состоял из трех человек. Дед

Алексей присоединился в последнюю минуту.

На звуках и произношении резонно решили не задерживаться. Это он к нам едет, а не наоборот. Начали с цифр. Колька ходил по комнате с заложенными за спину руками и медленно повторял, глядя на сосредоточенные лица

своих учеников:

– Уван – один. Ту – два.

Тут дед Алексей прервал его, веселясь:

– Иван всегда первый. Это легко. Ту – это как ТУ-104, только единицу надо на кабине на двойку переправить.

Колька обиделся:

– Маааа! Чего дед меня перебивает! Если он не перестанет...

На деда зашушукали. Колька продолжал:

– Сри – три.

– Коль! Правда, что ли, так написано?

Мать удивилась, и даже мужики.

– Не веришь – иди сама посмотри!

– А я понимаю разве?

– Тогда повторяйте за мной: сри!

Все повторили, но нестройно. Дед Алексей сразу домой засобирался:

– Вы молодые, а мне такие команды точно бед наделают.

Он покачал головой и серьезно добавил:

– Если английский весь такой, то я понимаю, почему америкосов (простите, Степка и Марья) не любят по всему миру!

После дедова бегства Колька объявил:

55

– А сейчас на примере английских слов я проверю вашу сообразительность. Слушайте. Вот, например. Уестердэй – это вчера. Тудэй – это сегодня. А

Туморроу – это будет... Будет...

Колька подбадривал родителей жестами хорового дирижера.

– Среда, что ли, – неуверенно предположила Мария Сергеевна.

На том класс и закончился.

Десять дней пролетели в заботах незаметно. Строительство уложи-лось в отведенные сроки. В последний день, чтобы угодить далекому гостю, дед Алексей прикрепил на дверь пахнувшего свежей краской «потемкинского

домика» аккуратно вырезанную карту Америки из старого Колькиного атласа.

Страна как будто закачалась на синих волнах щедрых масляных мазков. Мария Сергеевна в последний раз протерла «виндошки», как она ласково называла теперь окна, и перевела дух. Все было готово.

Дочка ворвалась в дверь радостной юностью. Бросилась сначала к родителям, но потом резко остановилась и, оглянувшись, схватила за руку вошедшего следом за ней высокого, симпатичного парня. Притянула его к себе и так, крепко держа, представила:

– Это мой Билли!

Родители смотрели со смешанным чувством на того, кто скоро увезет их Машеньку далеко-далеко. Дочь светилась счастьем, и они оба чувствовали ее любовь к этому незнакомому им человеку и в то же время ревновали ее до боли в сердце.

Мария Сергеевна собралась и сказала, обращаясь к Билли:

– С дороги, хотите вы динер есть?

И рукой так показала в сторону гостиной. Жених заулыбался и кивнул головой. Победоносно посмотрев на онемевших Степана и «иже с ним», она пошла вглубь дома, приглашая всех за собой.

А вообще хороший парнишка оказался. За столом из рассказа дочки выяснилось, что он с отцом и двумя женатыми братьями работает на собственной маленькой ферме в Техасе. Целый год изучал русский и понимает немного из того, о чем сейчас говорят.

Дед Алексей, выйдя со Степаном освежиться и покурить на крыльцо, выразился так:

– Справный парень. Водку пить, правда, я вижу, никогда не научится, но это и к лучшему.

Потом затянулся глубоко сигаретным дымком и добавил:

– Где ее там взять, в этой Америке? Так что лучше не привыкать!

56

ищу любимого

Часть первая

Олег всегда знал, какую женщину ему хотелось бы встретить. И тут, после стольких лет поисков... наконец. Ошибки быть не могло. Нежная, ласковая, настрадавшаяся от бывшего мужа-деспота, умеющая ценить истинные чувства.

Ее поэзия проникала в душу. Такие прекрасные стихи не могли возникнуть у человека поверхностного, душевно ленивого или знающего жизнь по-наслышке. А когда он увидел Машенькину фотографию, то уже не сомневался –

это она! А все началось с объявления на сайте знакомств. «Ищу любимого».

От этих слов хотелось закрыть ладонями глаза и мечтать о прикосновении к бархатной коже ее слегка дрожащей руки. Дрожащей потому, что это он приближал ее похолодевшую от волнения ладонь к своим губам. Дальше этого мечты не шли, но только потому, что Олег так хотел...

Их общение началось примерно год тому назад. Олег не очень верил в виртуальные отношения, но в то же время задавал себе вполне логичный вопрос: «А почему такое знакомство хуже, чем, скажем, в трамвае или троллей-бусе?»

Его не смущало то, что девушка жила от него очень далеко. Аж под

Красноярском! Сам Олег дальше, чем за 100 км от Москвы, на старенькую дачу, никогда не путешествовал. Нужды не было. То, что девушка из провинции, виделось ему только своей положительной стороной. Он серьезно полагал, что

нравы крепчают прямо пропорционально отдалению от столицы.

Трудился Олег в маленькой компании программистом, коим был, по мнению друзей, от Бога. Писать во время работы или заранее он не любил, так

как считал, что от этого письма теряют свою остроту. Общааясь с Машенькой, ему нравилось руководствоваться реальными чувствами, а не памятью.

Проживали они в таких далеких друг от друга точках нашего теряюще-го растительность шарика, что это могло легко охладить любые отношения. Их

же отношения, наоборот, с каждым месяцем становились только теплее.

Олег честно, без утайки и даже немного безжалостно рассказал о своих недостатках. Он не скрывал, что неопытен с женщинами, неловок и робок.

Маша в ответном письме тут же перевела это в разряд достоинств. По интен-сивности переписки было понятно, что они нравятся друг другу. Как же ему повезло, что Машенька обратила на него внимание.

57

Переписываться по компьютеру Олегу нравилось. Много раз он ловил себя на мысли, что при обычном общении с женщинами остроумные или хотя бы достойные фразы приходили ему в голову почти всегда после того, как он уже ответил какую-то ерунду. С электронной почтой – совсем другое дело. И времени достаточно, чтобы подумать, и ответа не надо долго ждать. Олег чувствовал, что все больше раскрепощается, становится увереннее в себе, и это состояние было ему по душе. Поэтому, когда Маша отказалась пообщаться по скайпу, так как слишком стеснялась, Олег воспринял ее ответ даже с некоторым облегчением.

Его Машенька была уже три года одна. Бедная девушка. В смысле, одинокая. По крайней мере, муж оставил ей маленькую дачку, в которой она могла жить и писать стихи.

За все то, через что она прошла, это казалось ему маленькой платой.

У Олега сжимались кулаки, когда он читал про бесчинства бывшего мужа и его жестокость.

Подлец!

Только через несколько месяцев переписки они перешли на «ты». Вернее, это сделал Олег в одном из своих писем.

«Здравствуй, Маша! (Ничего, что я на “ты”?) В Москве уже холодно, и дорожки парков усыпаны дрожащими, тронутыми инеем листьями. Деревья сделали стриптиз, а люди, наоборот, натянули на себя пахнущие шкафами теплые

вещи. Фасады домов стали похожими на заплаканных красавиц со следами по-текшей краски. Вот-вот посыплется снег, и из птичьих следов на нем останутся, пожалуй, только воробьиные, голубиные и вороньи. Остальные птицы, поблаго-родней, уже улетели в теплые края. Может быть, какая-нибудь поет сейчас для

тебя, сидя на ветке у окна, а ты даже не знаешь, что несколько недель тому назад она клевала хлебные крошки с моего балкона...»

Олег сомневался какое-то время, посылать ли эту зарисовку, написан-ную им еще в школе для своей первой любви, Светланы Двужиловой. В конце

восьмого класса она переехала в Краснодар, куда перевели ее отца – военного инженера. Какое-то время, пока интерес не иссяк, они переписывались. Тема не совсем совпадала с реальностью, так как там, где жила Машенька, было еще холоднее, чем в Москве, но, перечитав миниатюру, он все же решил, что поэтесса сумеет уловить основное настроение и, главное, оценить романтич-ность его души.

Два дня от Маши не было писем, и Олег не находил себе места: 58

– Идиот! Грубый, неотесанный идиот, – ругал он себя в отчаянии. – Я должен был терпеливо ждать, пока Машенька сама...

В мучениях прошел еще один день.

И вот наконец, проснувшись рано утром, он, включив компьютер, увидел в полученных письмах среди заголовков спама с рекламой «Виагры» и бы-товой техники долгожданное имя. Машенька была нездорова, но теперь все хорошо, и она очень рада, что они на ты, так как у самой не хватило бы смелости.

Вне себя от счастья, Олег сразу же послал письмо со словами «ТЫ – ЧУДО!!!» и танцующими под ними человечками. Маша поблагодарила и спросила, что означают эти прелестные фигурки.

– Это я радуюсь, что живу в одно время с тобой! – напечатал дрожащими пальцами Олег. С этого дня их общение превратилось в непрекращающееся объясне-ние в любви:

... Спасибо тебе, милая, за ласку и поцелуи, которыми ты меня одари-ваешь. Если уви-дишь меня в своем сне, то проведешь в нем бессонную ночь.

Пишу на одном дыхании и выгляжу, наверно, очень глупо. Это мука какая-то...

Самая любимая, и так далеко.

... Никогда не думала, что почта может быть так сурова. Уже несколько часов, а от тебя ни строчки. Я поняла, что жизнь – это постоянная борьба и страдание. Она обретает смысл, только когда любишь, так как есть ради чего терпеть.

... Благодарен тебе за чудесное письмо. Жаль только, что не могу положить его под подушку. Не удается подобрать нужные слова, чтобы выразить

свою нежность, но знаю, что как только обниму тебя, они станут не нужны, и

ты сама увидишь, как безмерно дорога мне. Я мучаюсь без возможности объ-ясниться тебе в любви, сидя рядом и целуя твои колени. Порой от разлуки на-катывают грусть и душев-ная боль – куда страшнее физической, но лишь одно

твое прикосновение смогло бы их унять.

В начале лета Олег собрался с духом и написал:

– Интересно будет после стольких (не при дамах будет сказано) «лет» переписки наконец встретиться.

Маша ответила:

– Да, конечно... Я давно и очень хочу. Только боюсь разочаровать и потерять тебя, а значит, все. Нищая провинциалка...

Олег возмутился:

59

– Я не бедствую. Твое материальное положение меня не интересует. Я пришлю тебе деньги на самолет, если ты стесняешься своей обстановки.

– Я боюсь летать!

– Да самолет ведь огромный!

– Тем более! Ты что, «Титаник» не смотрел?

В ответ Олег прислал ей длинный ряд смеющихся рожц.

Вдвоем порешили, что Маша все же прилетит. Она написала адрес до востребования, на имя своей подружки, Оли Зиминной, которая займется по-купкой билетов, пока Маша не выздоровеет. Ничего страшного, просто сильная простуда. Олег немедленно отправил деньги, с солидным запасом, чтобы Машенька ни в чем не нуждалась в пути, и стал готовиться к ее приезду.

Больше писем от любимой не было. Ни через неделю, ни через месяц.

Самолет приземлился с двухчасовым опозданием. Аэропорт Емелья-ново принимал важ-ных гостей из-за рубежа, и все остальные, прибывшие до

обидного ввремя, наматывали тошнотворные круги в сером небе аэродрома, ожидая разрешения на посадку.

Олег похвалил себя за то, что захватил с собой кожаную куртку. Садясь в самолет, он с трудом вгонял в свои легкие тугой, влажный и жаркий воздух середины июля, но выйдя в здание аэровокзала, первым делом вытащил из сумки свою потертую реликвию, доставшуюся ему от отца, и рванул молнию до самого горла. «Какая же у них тогда зима?» – подумал он с уважением, поеживаясь и шевеля плечами.

От группы стоящих у бордюра парней отделился один, и уверенной походкой, по пути ударив носком ботинка пустую пачку от сигарет, валявшуюся на тротуаре, подошел к Олегу.

– Куда, командир?

Олег вздрогнул, и ему как-то сразу стало неудобно, потому что человеком он был робким. А тут еще от сознания того, что он совершенно один в чужом далеком ночном городе и чувства незащищенности, которое он испытывал каждый раз в незнакомых ему местах, совсем растерялся.

– Командировочный или встречаются?

Олег подумал, что командировочный больше всего подходит к его ситуации, и кивнул.

Парень засмеялся:

– Понятно! Надолго? Где собираешься остановиться?

Его, похоже, совершенно не интересовали ответы, так как он тут же добавил:

60

– Если бабки есть – то в «Апарт-отель Ирис», если мало, то в «Кедр».

Совсем уж без денег сюда никто не прилетает. Ну, так?

– Давайте в «Кедр», – неуверенно ответил Олег. – А сколько там... стоит... ну... приблизительно?

– Зачем приблизительно? Я тебе точно скажу: 800 рэ в день. Ниже не бывает. Олегу, который всегда думал, стоит ли ему покупать новые вещи, если старые еще не протерлись до дыр, сумма показалась астрономической, но он только украдкой вздохнул и закивал:

– Да, да, в «Кедр».

Парень сделал широкое движение рукой, показывая «Следуй за мной», и зашагал в сторону стоянки автомобилей. Олег подхватил сумку на плечо, нервно проглотил слюну и зашаркал следом.

В машине крепко пахло куревом, и Олег поморщился, усаживаясь рядом с водителем. Тот заметил это и сказал с пониманием:

– Сам не курю, но пассажиры копят. Одни волнуются, что лететь им надо, другие от радости, что приземлились. Наверно, поэтому, но раньше так много не курили, это точно! Я давно извозом занимаюсь. А ты чем, если не секрет? Приветливость водителя и его спокойствие внушали Олегу доверие. К тому же парень не выражался, что тоже вызвало симпатию. Олег старался избегать крепких выражений, и самым страшным словом-паразитом в его лексиконе было «блин». Произнося его, он всегда немного внутренне напрягался, видимо, так и не научившись отделять его от замаскированного таким образом ругательства. Что поделать! Так он был воспитан.

– Я программист. Работаю в небольшой компании. Выполняем разные заказы. Иногда густо...

– Иногда пусто, – закончил за него водитель. – Как и у меня. А хорошо разбираешься?

Олег без ложной скромности ответил:

– Говорят, без меня компания бы развалилась. Много раз предлагали перейти в более крупные, с отличной зарплатой и перспективами, но такие хорошие ребята у нас работают, что... Ну, не могу и все! Друзья же! Денег вроде хватает, а что еще?

– Уважаю профессионалов и нежидных, – сказал водитель и тут же рассмеялся:– Не думай, я не намекаю. Я клиента сразу насквозь вижу. За столько лет работы научился. Вот ты даже не спросил, сколько запрошу за поездку, и это не потому, что у тебя денег много, а оттого, что неопытен в таких делах и

61

слишком скромн. Неловко тебе было спросить. К первому же подошедшему водиле сел. Тертого сразу видно! Ты не из них.

– Это я таким лохом выгляжу?

– Что есть, то есть, не обижайся, а выводы сделай. Поосторожней надо быть в незнакомом городе. Надолго к нам?

Олег замялся:

– Обратный рейс через две недели, а там уж как получится... Не знаю...

– Понятно, – улыбнулся водитель. – Или бизнес, или дела сердечные, но на бизнесмена ты не похож! Неужели из-за женщины притащился в такую даль? – Если не знаете, что делать со своей жизнью, найдите женщину и служите ей, – взволнованно высказался Олег.

– Да ты романтик, к тому же еще и влюбленный! По тому, как потеплело в машине, делаю вывод, что попал в точку, и ты сейчас краснеешь. Небось, сам придумал?

– Да, – отозвался Олег с ноткой гордости. – А что, разве неверно сказано? Это заполнит жизнь, сделает ее...

– Такое... может сказать только очень неискушенный молодой человек, – иронично-поучительным тоном сказал водитель. – Я не настаиваю, но женщина, согласно моему жизненному опыту, слишком широкое понятие. И опять же в эту категорию, по биологическому признаку, также попадает противоречивое и враждебное для большинства мужчин существо, носящее отрезвляющее и устрашающее имя теща! Эта ассоциативная связь делает твой призыв очень непривлекательным для мужского уха. Боюсь, под твои знамена встанут только не жившие семейной жизнью юнцы. Мужчина всегда в поиске. Женщина – это как мечта... Как только она осуществилась, ты теряешь к ней интерес. Откуда тебе знать? Ты ведь не женат. Если бы кольцо снял, как многие делают, уезжая в командировку, то осталась бы белая полоска на пальце. Сейчас же лето!

А у тебя ее нет! Значит, и снимать нечего было. Но ничего, шишек набьешь, научишься! Удерживая баранку одной рукой, он вытащил из внутреннего кармана куртки визитную карточку и протянул Олегу, который тут же включил в салоне свет и, вглядываясь в маленькие черные буквы, прочитал:

– Владимир Васильевич Третьяков. Охранное агентство «Слава Отечества». Надо же!

– От всего написанного остались только фамилия с именем. Позвони, как соберешься в обратную дорогу – отвезу. Ну, и если какая беда. А вот мы уже и приехали.

62

Олег вошел в просторное фойе и направился к сидящей у дисплея компьютера молодой девушке. Она неохотно отвернула от экрана голову и сказала:

– Я вас слушаю, – на лице ее не дрогнул ни один мускул, ни одна морщинка не проделала себе путь в уголках рта.

– Вот... Хочу остановиться. Мне бы номер. На неделю.

Девушка несколько секунд помолчала и, переведя глаза обратно на монитор, наконец бесцветно ответила:

– Свободных нет! Двое гостей убывают, но номера уже зарезервированы. И назидательно добавила:

– По телефону, заранее.

Олег продолжал стоять, как будто надеялся, что через минуту девушка улыбнется, и номер для него отыщется.

Но чуда не происходило, и он только сейчас осознал справедливость слов Владимира. Вот лох! Настоящий лох! Ничего заранее не предусмотрел!

Даже не позаботился о гостинице. На что надеялся? Куда теперь идти?

Выйдя на улицу, Олег механически сделал несколько шагов по направлению к дороге. С разной скоростью мимо проезжали, беззлобно огрызаясь друг на друга рычанием моторов, пыльные авто.

– Все спешат куда-то, – подумалось ему. – К своим семьям, в тепло и в созданный по собственным возможностям и понятиям уют.

Так стало одиноко и жалко себя! К тому же он внезапно почувствовал страшную усталость, заполняющую вместе с холодком каждую клеточку его тела. Даже мысль о том, зачем он прилетел, не придала ему сил.

Олег присел на бордюр. Хорошо еще, что от изнеможения не хотелось есть, а то была бы полная коллекция несчастий.

– Сцена четвертая, заключительная, в которой герой погибает мучительной смертью, истекая слезами и слюной, так и не встретившись с любимой, – услышал он голос Владимира. –

– Володя! Ты что, не уехал?

– Да нет, почему? Я уже отмотал прилично, когда Ирка из отеля позвонила и сообщила, что есть клиент в аэропорт. Ему вообще-то через день надо было, но что-то изменилось в планах, и заторопился домой. Сейчас выйдет.

Армянин строитель. Я его сюда вез.

– Так значит, номер освободился, – обрадовался Олег. – Я с ног валюсь.

Пойду... – То, что номер освободился, еще не значит, что тебе его отдадут, – резонно заметил Володя. – Но я попробую помочь. Подожди здесь.

Через несколько минут он высунул голову из двери и крикнул: 63

– Заходи!

Дежурная, не глядя, протянула Олегу лист бумаги

– Заполните и приготовьте сумму... там, в самом низу.

Володя отмахнулся от благодарностей и, подмигнув безразличной «фаянсовой» Иришке, подтолкнул Олега к лифту.

– Отдыхай. Удачи тебе!

Повозившись в душе с кранами и не сумев выжать из них сколько-нибудь теплой воды, чтобы помыться, Олег махнул рукой и, теряя по дороге в комнату одежду, упал на кровать. Не снимая покрывала, он забрался под одеяло и мгновенно заснул.

Разбудили его резкие, как выстрелы, звуки бросаемых на тротуар ящи-ков или поддонов с подъехавшей к зданию грузовой машины и невнятное, хри-плое переругивание рабочих.

Олег сел на кровати и потер лицо. Предметы в комнате из-за закрытых штор имели неясные очертания. О времени он не имел ни малейшего представления, так как оставил часы на раковине в ванной.

Осознав, где он находится, Олег сразу сбросил сонливость и начал

приводить себя в порядок. Одевшись, он спустился на первый этаж и спросил, где находится автовокзал.

До автобуса был еще час, и Олег успел выпить в буфете при станции чашку мутного кофе с черствой булкой, из поверхности которой выглядывали окаменевшие изюмины, похожие на бородавки. Мужики, приводящие автобусы в порядок, помогли разобраться с тем, куда ему предстояло ехать. Он знал

Машино имя, фамилию и, главное, название небольшого городка, где она проживала. Немного, но это все, что он имел.

По Енисейскому тракту в северном направлении они тащились сначала по хорошо асфальтированной дороге, потом среди пашен по прямой, как

Минское шоссе, и наконец петляли извилистыми поворотами по тайге. Народ устало высypался из автобуса на остановках в больших селах и разбрeдался в поисках туалетов и съестного.

Всю дорогу Олег думал о возможных причинах Машиного молчания, о том, что скажет ей, когда увидит. Он не сомневался ни на минуту – они обязательно встретятся, и отвлекся от своих мыслей, только когда автобус въехал в тайгу. Он не мог оторваться от красоты и мощи суровой природы вокруг, та-64 кой непохожей на прореженные рафинированные пространства Измайловского парка.

Проснулся он от болезненного толчка в ребра. Сосед, которого он просил подсказать ему, когда будет поселок, имел очень крепкий локоть.

Олег стоял на торговой площади провинциального города, подобный которому ему доводилось видеть пока только в фильмах. Народ вокруг него неторопливо сновал куда-то по своим делам. Женщины тащили нагруженные сумки, а лежащие, прижавшись друг к другу, собаки подчеркнуто безразлично зевали, поглядывая на местных кошек.

Олег направился к рыночным прилавкам, расположившимся под широкими длинными навесами.

– Вы не знаете, где живет Мария Коркина? – спросил он дремавшую, но тотчас вскочившую на ноги от звука его голоса торговку.

– Как не знать, – засмеялась она. – Купи вот окуньков сушеных к пиву.

Окуньки Олегу совсем не были нужны, но он, справедливо решив, что за информацию надо платить, выбрал двух средненьких.

– Вот этих, – и протянул запрошенную сумму. – Ну, так где же она живет? – нетерпеливо продолжил он, облокотившись о прилавок.

Бабка засуетилась.

– Я не здешняя. Семен! – крикнула она.

Из глубины палатки неохотно выглянул заросший заспанный мужик.

– Что?

– Меня, может, убивают, а его никогда не дозовешься! Спроси, чего ему надо. Окуньков я ему дала.

– Платить не хочет?

– Да нет, расплатился.

– Тогда в чем дело?

– Спрашивает, где Коркина живет.

Мужик проморгался и посмотрел на Олега с интересом:

– А зачем она тебе?

– Значит, знаете, – обрадовался Олег. – Она поэтесса.

И уточнил:

– Стихи пишет.

Мужик, стоящий рядом и бывший свидетелем всего разговора, рассмеялся после его последних слов.

– Поэтесса, говоришь. Я не уверен, что она даже читать-то умеет.

– Мы, наверно, про разных женщин говорим! – заулыбался Олег.

65

– Да нет! Она у нас одна такая, Коркина Мария Васильевна. Единственная и неповторимая. А живет дамочка на Первой Таежной. Если пойдешь по той вон улице вверх до конца, на перекрестке со светофором свернешь направо.

Поднимешь руку – кто-нибудь подбросит метров четыреста. Первый дом на-лево. Он там один... гордо за забором на пустыре. Не пропустишь!

Олег поблагодарил и, придерживая бьющую по спине сумку, быстрыми шагами, еле сдерживаясь, чтобы не побежать, пошел вверх по улице.

– Приезжий, – сказал мужик. – Говор не наш.

– Может, киллер какой, – предположил Семен? Я бы не удивился!

Часть вторая

Ошибки быть не могло. Единственный дом на пустыре...

Олег изумленно смотрел на плотно закрытые тяжелые металлические ворота и почти трехметровый каменный забор из красного, или, как его еще называют, кремлевского кирпича, окружающий двухэтажный дом замысловатой архитектуры.

– Действительно, мимо такого не пройдешь, не заметив, – подумал

Олег. Сердце от быстрой ходьбы в гору и волнения неистово колотилось.

Дача! Ничего себе... дачка! «Нищая провинциалка» на самом деле, похоже, оказалась, по меньшей мере, принцессой.

– Приехал! И что теперь делать? Ясно, что девушка богата. Не нужны ей были деньги на самолет. Проверяла? Так я вроде и не обманул ее ожиданий. Денег не просил, наоборот! А может, действительно что-то произошло? В

любом случае нельзя уезжать, не повидавшись с ней, – твердо решил Олег. – В любом случае!

Маше не нравилось укладывать волосы в салоне из-за того, что вместе с ней там с начала и до конца всегда находился охранник. Ни поговорить толком с хозяйкой заведения, ни расслабиться. С другой стороны, какой-никакой, а выход в люди! Посмотрев на себя с сожалением в зеркало, она вздохнула, подошла к интеркому на журнальном столике и, нажав кнопку, хрипло и раздраженно крикнула:– Игорь... или кто там сегодня. Карету готовьте.

Маша любила носить белоснежные вещи и каждый раз, отправляясь куда-нибудь на машине, заставляла прислугу тщательно протирать и без того безупречно ухоженные бежевые сиденья своего черного в синеву шикарного «Линкольна». Падая на его поверхность, луч света сначала тонул в ней, как в черной дыре, а затем, вырвавшись из бездны, расплывался по поверхности ровным, почти неземным сиянием. Любая черная машина всегда выглядит богаче своих собратьев других цветов. Это девушка поняла давно и поэтому неизменно выбирала только черные.

Олег уже не меньше двух часов стоял на противоположной стороне улицы, размышляя о том, что ему делать. Услышав звук заработавших механизмов, он быстро перебежал поближе к воротам. В этот момент из них показался сверкающий «Линкольн», и Олегу пришлось прыгнуть в сторону с обочины, чтобы не оказаться под его колесами. Мощная, как танк, машина прогрохотала

мимо Олега по мостовой, обдав его ботинки зеленоватой водой из лужи. Разглядеть, кто был внутри, он не успел, да и за хорошо тонированными стеклами много не увидишь.

– Ладно! Примем меры! А сами-то чего?

Ответа не последовало, и в трубке раздались гудки.

Сидящий на переднем сидении бугай недовольно покрутил головой, закрыл телефон и повернулся к водителю:

– Игорь! Звонили наши. На подъезде к объекту поосторожней. Там какой-то придурок по дороге гуляет и на дом поглядывает. Это он на выезде из ворот нам чуть под колеса не попал. Час назад ребята у него документы прове-рили и сумку перетряхнули. Молодой парень. Москвич. Тем более странно. Что он тут делает? Вопросы про хозяйку задавал. Его прогнали, а он опять появился и ходит по другой стороне улицы туда-сюда. Непонятно только, почему не на-валяли хороших и не сдали Захарчуку. Тупаки ленивые.

Маша прислушалась к разговору.

– Ты о ком, Володя? Москвич? Про меня спрашивал? Я хочу посмотреть! – Зачем Вам это, Мария Владимировна! Сейчас мы его... Не открывай-те окно! Но Маша уже не слушала, и когда машина поравнялась со стоящей

на обочине фигурой, блестящая тонированная поверхность стекла медленно поползла вниз.

Прямо на Машу смотрел воспаленными от усталости и напряжения глазами...

– Олег! – крикнула Маша.

Парень заметно вздрогнул, ожил и бросился к машине.

– Вы его знаете, Мария Владимировна? – быстро спросил бугай.

– Ты что, идиот, Володя? Не видишь?

И тут же властным голосом приказала:

– Все вон из машины. Сейчас же!

67

– Мы не можем, Вы же знаете, Мария Владимировна.

– Я не прошу, а приказываю, – угрожающе продолжила Маша. – В жизни не была серьезней! Мой характер вы знаете!

И добавила миролюбиво:

– Я скоро вернусь, и неприятностей у вас не будет. Ну! И никому не

звонить! Охранники и шофер неохотно подчинились и вылезли из машины.

Женщина тут же пересела на переднее сиденье водителя и начала, глядя в зеркало, приводить свои волосы в порядок. Затем стерла салфеткой

помаду и быстро и ловко снова накрасила губы.

Опустив окно, сказала отрывисто:

– Садись... Олег.

Парень протиснулся между охранниками, неловко забрался на переднее сиденье и, путаясь в ремнях безопасности, что делало его страшно похожим на неловкого школьника старших классов, сел рядом. Бледный, растерянный, боясь повернуть голову, он смотрел прямо перед собой. Машина, взревев

от страшной дозы впрыснутого в могучий двигатель автомобильного адреналина –лучшего 95-го бензина в городе, рванула с места. Тот, кого Маша называла

Володей, проводил машину глазами и достал из кармана телефон.

Олег дрожал от пережитых волнений и близости сидящей рядом Маши.

Ее волосы пахли свежестью только что очищенной весенней веточки, а кожа –

ароматом каких-то очень дорогих духов. Когда Маша делала вдох, ее грудь высоко вздымалась. Рука Олега тогда едва касалась талии девушки, и он чувствовал, как под шелковой блузкой грациозно изгибается прекрасное тело.

– Машенька...

Губы не слушались. Ладони предательски вспотели.

– Глупый! Зачем ты прилетел? – как издалека услышал он Машин голос, немного хриловатый и с какой-то неожиданно слащавой интонацией. Так, наверно, звучал бы на съемках голос актрисы в картине немого кино начала века.

– Я испугался, что с тобой что-то случилось. Ждал, волновался. Места себе не находил.

– Глупый и еще раз глупый. Я бы управилась со своими делами и прилетела. Ты должен меня слушаться. Видел, какие у меня тигры с тумбы на тумбу прыгают, если захочу?

– Видел! Объясни... Кто эти люди? Кто... ты?

– Все, – строго остановила его Маша. – Не торопись, узнаешь.

– Я так люблю тебя!

– Любишь?

68

Маша рассмеялась:

– Мы даже и не спали вместе! А если я тебе в постели не понравлюсь? –

задрав головку со спадающим на щеку игривым завитком волос, нарочито капризно спросила она.

– Что ты... Как это? Когда любишь...

– У тебя правда никогда ничего не было с девушками? – продолжила задавать вопросы Маша.

– Правда!

– Значит, я буду первая?

Олег смущенно помолчал.

– Надеюсь.

Маша поймала себя на мысли, что ее возбуждает неопытность этого парня, без сомнений, совершенно потерявшего от чувств к ней голову. Забавно было наблюдать, как он ловит каждое слово и движение, дрожит, едва коснувшись ее кончиками пальцев.

Олег разглядывал свою любимую с восторгом и обожанием. Маша оказалась значительно красивее в жизни, чем на фотографии и скорее напоминала

предмет искусства, чем живого человека. Он даже не предполагал, что такие совершенные лица существуют в природе. Одно дело – смотреть на глянцевые обложки журналов, и совсем другое – находиться с подобным существом рядом.

Внезапно девушка сама расстегнула Олегу куртку, притянула парня к себе, обхватив за шею, и крепко прижалась к его губам. Полнота и упругость Машиной груди вырвали из груди парня тихий и протяжный стон.

– Ну, нет! Я тебя никому не отдам, – как подтверждение каким-то своим сокровенным мыслям прошептала она.

В это время голосом Селин Дион громко запел телефон. Маша мгновенно оттолкнула тяжело дышащего, оторопевшего Олега и, выдернув мобильник из кармана пиджака, спокойным холодным голосом сказала в него:

– Все нормально. Я еду домой.

Повернувшись к Олегу, объяснила:

– Беспокоятся за меня!

И уже серьезно добавила:

– Теперь послушай! У меня действительно серьезные проблемы. Объявился мой бывший муж. Пришлось нанять охрану. Он очень опасный человек, уголовник. Это все, что тебе пока нужно знать. Нас не должны видеть вместе.

Я обо всем позабочусь. Выходи из машины. Поймаешь попутку в сторону города. Тут недалеко, километров десять, не больше. На рынке есть бывший дом колхозника. Как его называют в народе, отель «Два пера». Курятник, но это неважно... Вот деньги.

69

Заметив, как возмущенно открыл рот Олег, чтобы возразить, Маша резко остановила его, запечатав губы своей ладонью.

– Тут команду я.

Открыв сумочку, она вытащила оттуда толстую пачку денег, отделила от них около трети и, не складывая, небрежно засунула Олегу в накладной карман куртки.

– Я сама тебя найду.

Потом помедлила и добавила:

– Любишь, говоришь? Посмотрим...

Все случилось так внезапно, что Олег восстановил способность рассуждать, только после того как машина с Машей скрылась из виду. Ладони еще хранили тонкий аромат Машинных духов, и он прижал их к лицу, жадно вдыхая невидимые частички своей любимой.

Первая же машина охотно остановилась. Молодой водитель оказался болтливым, и Олег до самого города так и не смог собраться с мыслями, слушая салат из громкой молотильной музыки и жалоб на то, какой прекрасной была бы жизнь, если бы в нее постоянно не вмешивалась теща. Похоже, в этом городе они действительно были исключительно вредными.

Олегу повезло, что приехал он в начале недели, а то не то, что мест, а даже и раскладушки свободной бы не нашлось. К приезжим постояльцам слушающие гостиницы относились спокойно и даже гуманно, как и положено относиться к источнику хоть и не великого, но постоянного дохода. Убедившись в платежеспособности клиента, место нашли.

Сосед по комнате, в которую Олега привела по плохо освещенным извилистым коридорам слегка датенькая бабуля, уже спал. Олег положил сумку в изголовье кровати и лег сверху на колючее одеяло. Мысли безобразно разбегались. Только через какое-то время он смог восстановить ход событий. Произошедшее с ним меньше всего походило на реальность. Скорее, на чужой сон, потому что даже сны у него обычно были какие-то скучные, причесанные и правильные. Большинство ужасов, от которых он с криком просыпался, было связано с якобы несданными институтскими экзаменами (хотя он точно знал, что

учил) или с тем, что его забирали в армию. Реальная опасность ему никогда не угрожала. Ощущение было новым, незнакомым и вызвало бодрящую дрожь.

Потом Олег вспоминал и старался снова и снова пережить все мгновения, проведенные в объятиях девушки. Думая о Маше, он заснул...

Проснулся он оттого, что кто-то тряс его за плечо.

– Дядя! Просыпайся! Ну, просыпайся же! Вот спит!

70

Олег повернулся, ничего не понимая. Мальчишка лет десяти.

– Чего тебе?

– Ждут тебя. Сказали передать, чтобы шел к парикмахерской.

– А где это?

- Дашь денег, покажу!
- А кто сказал?
- Мне – Сашка, а ему кто, не знаю.

Олег вскочил с кровати, подхватил сумку и побежал в общий умываль-ник, который заметил вчера. Там он быстро умылся и стал чистить зубы, но так тщательно, что пацаненок завозмушался:

- Я тебя ждать не нанимался!

На площадке стояло несколько машин, и Олег начал медленно про-гуливаться между ними, заглядывая внутрь, ожидая, что дверь какой-нибудь из них откроется. Прошел примерно час, пока к нему подъехал черный джип.

- Садись.

Олег быстро забрался в машину.

- Машенька...
- Подожди. Сейчас отъедем.

Только выбравшись на безлюдную дорогу, Маша наконец улыбнулась и заговорила:

- Как спал?
- Думал о тебе. О нас.
- Вот о нас я сейчас и хочу с тобой поговорить.

Маша съехала с основной дороги на едва заметную лесную там же, где и вчера, и, проехав несколько десятков метров, заглушила мотор.

- Давай выйдем.

Под ногами хрустели сухие ветки. Они медленно, взявшись за руки, шли каждый по своей стороне колеи. На Маше был строгий светло-розовый

костюм, в котором она выглядела как изящная статуэтка. Концы невесомого дымчатого шарфика играли с легким ветерком, и создавалось ощущение, что девушка не идет, а плывет по воздуху, изредка и еле касаясь земли. Олег невольно сравнил себя с дворняжкой, случайно попавшей в общество породистой собаки. Так нелепо он выглядел в своей потертой куртке и мятых грязных джинсах рядом с этой утонченной девушкой.

- Машенька...
- Не перебивай, – завозражала девушка, хотя не сказала до этого ни слова. – Ты говорил, что любишь меня. А можешь доказать? – Она серьезно взглянула на Олега и... тут же неожиданно громко рассмеялась.
- Ну, я даю! Придет же такое в голову! Шурик, настоящий Шурик!

71

- О чем ты? – улыбаясь, спросил Олег, радуясь Машиному хорошему настроению. – Какой Шурик?

– Забудь, ерунда. Пойдем обратно в машину, а то комары заели. Они забрались на заднее сидение джипа и стали неистово целоваться.

Внезапно чьи-то яркие фары осветили машину. Мощный поток света буквально вжал сидящих в кожаную обшивку. В его лучах в салоне все стало нереально белым.

Маша быстро вытащила из сумочки пистолет.

- Умеешь пользоваться? А...! Чего я спрашиваю!

Она сунула «Макарова» под переднее сиденье, откинулась назад и закрыла глаза...

Олег пришел в себя от сильной боли в голове, которая тут же рас-пространилась по всему телу. Он лежал на холодном, мокром каменном полу.

- Очухался вроде. Плесни еще.

Мощная струя воды ударила ему в лицо. Олег попытался закрыться, но левая рука не слушалась, а правая болела так, что от малейшего движения в глазах загорались яркие фонари, и тогда, как бы издалека, он слышал свой собственный крик. Как он оказался здесь? Что произошло? Вспомнилось только, как кто-то распахнул дверь джипа и выволок его одним движением на землю.

Потом было много мелькающих ног.

– Посадите его, – услышал Олег спокойный голос и почувствовал, как несколько рук подхватили его и усадили на стул. Олег вскрикнул от боли и с трудом открыл отекавшие глаза. Он находился в пустой, без окон, но хорошо освещенной комнате с кирпичными стенами. Прямо перед ним стоял раздетый по пояс мужчина среднего роста, с великолепно развитой мускулатурой и костяш-ками пальцев, разбитыми в кровь. Взгляд у него был немигающий и какой-то жуткий. – Вот теперь поговорим, а то у меня от монолога уже кулаки болят.

Какие-то люди за спиной Олега громко рассмеялись.

– Кто ты, клоун? – спросил мужчина.

– Я не понимаю, – ответил, выплевывая зубную крошку, Олег. – Что вам надо?

– Не понимаешь? От тебя Машкиными духами несет, а морда от по-мады на мухомор похожа. Теперь понятно?

– Где Маша? – выдохнул Олег

– Соскучился, любовничек?

– Где Маша? – повторил он опять, тяжело дыша. – Что с ней?

72

– Смотри-ка какой. А что? Так даже интересней. Позовите ее! – отдал он приказ. – А сами выйдите. Все.

Через несколько минут за спиной Олега с металлическим лязгом открылась дверь, и кто-то тихо шагнул в помещение.

– Иди сюда, – строго приказал мужчина, обращаясь к тому, кто вошел.

И тут Олег увидел Машеньку. Она была одета в длинное черное платье и куталась в роскошную шаль с вышитыми на ней лотосами. Подойдя к мужчине, робко встала перед ним и опустила голову.

– Прости меня, Мирон. Между нами ничего не было.

Было видно, как меняется выражение лица у того, кого она назвала

Мироном, как начинает вздыматься его грудь, как наливается кровью его лицо...

– Чего тебе не хватает, дура? – выдавил он сквозь зубы, с каждым словом повышая голос. – За старое???

Мускулы на его теле напряглись, и он закричал в ярости:

– Я же тебя предупреждал! Кто этот придурок?

– Мы переписывались по Интернету. Ты же знаешь, как мне здесь скучно. Ты всегда занят, а что мне остается? За границу без себя не пускаешь. Вот я и развлекалась. Брала письма из Ольгиных тетрадей, отправляла от себя и смотрела, что получится. Он влюбился и вот прикатил, придурок. Олег... скажи, что между нами ничего не было. Скажи ...

Мирон прорычал:

– Хочешь, чтобы я поверил, что вы альбомы с марками в лесу рассматривали? Я не люблю гадать. Было или не было... Забыла, что обещала

мне, когда я тебя в прошлом году поймал, а? А этот живучий оказался, крепче предыдущего. Тот и половины не выдержал, Помнишь его, тварь?

Мирон достал из заднего кармана джинсов фотографию и поднес ее к

Машиному лицу. Она вскрикнула так громко, что у Олега стало больно в ушах.

– Ты же сказал, что отпустил его!

– Отпустил, отпустил. Ага. Узнала? Какая же ты дура, жена! Думала, мне не доложат?

– Бывшая жена, – тихо выдавил из себя Олег. – Вы ведь в разводе.

Мирон застыл на несколько секунд и затем громко рассмеялся.

– Какая бывшая? Это она тебе сказала? Слушай! Ты мне даже настроение поднял.

Смотри...

И ткнул в лицо фотографию...

– Вот это – бывший человек. А я муж. Настоящий и законный. Ладно, слушай! – повернулся Мирон к жене. – Вот что я решил! Мне нужно уехать по делам на пару недель, а дружок твой, тоже скоро бывший, останется здесь. Захочешь отпустить – дело твое, но тогда сама на его месте окажешься. А если

73

решишь, что лучше съездить со мной в Италию, то охранять его будешь, как свою жизнь. Теперь все в твоих руках.

– Ты что, Мирон! Что он мог бы мне дать? Разве можно сравнивать тебя и... его. Это было от скуки, ты же понимаешь!

Мирон пристально посмотрел на Олега. В его взгляде сочувствия было меньше, чем интереса «что будет дальше» у опытного палача перед приведением приговора. Ужас охватил Олега и наполнил такой безысходностью, что сковал все мысли, кроме одной – кричать от страха.

И Олег закричал. Жутко и протяжно...

– Вот так, – спокойно сказал Мирон. – Пошли отсюда.

Перед тем как закрыть дверь, он выключил свет.

Теперь избитый парень остался в полнейшей темноте.

Охранник Саша раз в день приносил узнику воду и еду с кухни. По собственной инициативе он бросил на пол матрас, поставил в одном из углов ведро и уходя, не выключал свет. Ему, пережившему чеченский плен хорошо были знакомо все связанное с подобным положением, но делал он это для пленника не потому, что считал себя добрым, а из чувства справедливости. Поэтому в бессмысленные разговоры с заключенным не вступал и один раз даже пнул парня, чтобы тот перестал задавать вопросы.

Олег лежал на матрасе, заложив руки за голову. Шок и отчаяние первых двух дней сменили более рациональные мысли о проблемах и нуждах его положения, шансах на спасение и о том, что можно для этого предпринять.

Иначе, без сомнения, его ждет участь... несчастного с фотографии. О Маше он вспоминал с внутренним содроганием, как о чем-то омерзительном. Она – это жестокая и бесчувственная Клеопатра, «черная вдова», пожирающая своего супруга. В другой ситуации он развил бы эту мысль и дал фантазии бежать далеко вперед, но сейчас ему было не до этого...

– Маша! Я приехала забрать свои личные вещи и еще кое-что из маминого, если ты не возражаешь.

Две женщины, похожие, как две белые розы с одного куста, неприязненно смотрели друг на друга с расстояния дуэльного выстрела.

– За целый год не успокоилась! Злопамятная ты у меня, Оленька! А такой добренькой притворяешься, сестричка.

– Я не хочу возвращаться к этой теме. Не для этого приехала. Маму не вернешь! Ольга стала собирать вещи, не складывая: просто бросала их в сумку. Явно в поисках чего-то она открывала в письменном столе ящик за ящиком.

74

– Не это ищешь? – спросила насмешливо Мария, доставая из секрета пачку тетрадей. – Я тут с одним донкихотом по проводам познакомилась.

Целые страницы из твоих сочинений передирала. Я ему – твой стишок, а он мне в ответ два своих. «С тобой мы поссорились снова. Любовь из сиреновой стала лиловой...» Про любовь ты красивые письма писала! Я его знаю, кстати? Ну, и ладно! Не хочешь говорить – не говори! А этот... Влюбился в меня и, представляешь, прилетел из Москвы. Только вот Мирон его испугал, бедняжку!

Ольга перестала укладывать вещи и повернулась к сестре.

– Какое же ты чудовище!

Она стояла, часто дыша и крепко сжимая кулаки. Лицо ее побелело, и губы слегка дрожали.

– А тот парень... год назад? Тебе мало? У матери сердце не выдержало, когда она случайно узнала.

– Врешь! У нее всегда было больное сердце! Это был обычный приступ! И не ты ли сама помогала мне писать письма?

– Я делала это только потому, что ты убеждала меня в вашей любви друг к другу. Я хотела помочь тебе оторваться от этого страшного Мирона! А ты... предала любившего тебя! И где теперь другой несчастный? Что вы с ним сделали? Маша дурашливо пожала плечами:

– Понятия не имею. У Мирона спроси.

Ольга вспыхнула, подхватила сумку и выбежала из комнаты. Ей хотелось как можно скорее покинуть этот ненавистный дом, где так мучалась мама, где все пропитано чужим горем. Девушка быстро застучала каблучками вниз

по крутой лестнице. Спустившись вниз, она, проходя через кухню, машинально взяла из корзины на столе яблоко и стала крутить его длинными тонкими пальцами, чтобы немного успокоиться. Переведя дух, молодая женщина бесцельно побрела по бесчисленным хозяйственным помещениям пока наконец не попала в гараж. Там Ольга увидела молодого крепкого мужчину, одетого охранником, который, подняв один из металлических блоков, устилающих полы, начал спускаться куда-то вниз, держа в руках пластмассовую бутылку и миску с вареной

картошкой. Она крикнула:

– Ты куда это?

– Да вот, Мария Владимировна, пленнику еду несу.

– Пленнику? А ну-ка... дай сюда. Я сама. Мне поговорить с ним надо. И не заходи, пока не позову. Понял? Открывай!

– Вы бы поосторожней. Давайте я лучше с вами зайду, а то меня Мирон убьет, если что случится.

И стал торопливо возиться с замком.

75

По тому, с каким трудом парень открыл дверь, было видно, что она тяжелая и мощная. Ольга оттолкнула тюремщика в сторону и сказала:

– Без тебя обойдусь! Жди снаружи.

Видя, что тот замешкался, закричала:

– Ты что, не понял?

Охранник немедленно отскочил в сторону.

Ольга вошла. Поставила еду на пол и быстро направилась в угол комнаты, где на матрасе лежал мужчина. Запах в помещении стоял тяжелый. Ольга невольно закашлялась, а увидев избитое лицо, в ужасе прикрыла рот ладонью.

– Что тебе нужно? – спросил человек, по голосу молодой. – Не душно-вато для тебя здесь? Ольга неожиданно ответила:

– Я медсестра, мне привычно.

– Ты медсестра? В новую роль вживаешься?

Тут Ольга пришла в себя и стала быстро говорить:

– Слушайте меня внимательно и попробуйте поскорей поверить, так как времени у нас очень мало. Я не Маша. Я ее родная сестра – Ольга. О вас узнала случайно. Говорите, что я могу для вас сделать.

Олег со стоном приподнялся на руках и стал вглядываться в Ольгино лицо. – Вы слышали? Времени нет! Быстро говорите, кому сообщить, потому что в городе на помощь не надейтесь. Он здесь хозяин.

– Так странно все это... Ну, ладно. На работу сообщите... те. Какие глупости я говорю! Не знаю, кто может мне помочь. Москва далеко, а Мирон скоро

возвращается, и тогда мне конец. Есть у меня здесь, правда, один знакомый.

Водила. Из аэропорта вез в «Кедр». У него охранный агентский когда-то был.

Говорил, если помощь понадобится, то звони. Володя Третьяков! Вот только

его визитку у меня забрали, когда... Ну, как же быть? Да, вспомнил! В «Кедре» его номер телефона знают. Когда кто выезжает – ему звонят. Девчонки из регистрации.

– Хорошо! Я все поняла. Попробую что-нибудь сделать.

Ольга шагнула к двери, взялась за ручку, но остановилась и спросила:

– А как вас зовут?

– Олег!

– Держитесь, Олег! Да... Вот вам еще яблоко.

И вышла.

Маша смотрела из окна, как за ворота выезжала машина, которая должна была отвезти Ольгу в город. Сестра не захотела задержаться даже на 76

день. Сухо попрощалась, поблагодарила за транспорт и отбыла. Родные сестры. Близнецы. И такие разные. Одной ничего не надо. Другой нужно все!

Маша спустилась на первый этаж. Вызвала охранника Сашу.

– Ну что, как там наш пленный?

– Да вы же сами ему еду недавно относили. Жив пока.

– Я относил еду? Да ты с ума сошел! А ну-ка погоди... Во сколько, ты говоришь?..

У стойки регистрации стояли несколько человек. Ольга бросила на ходу: – Мне только спросить! – не обращая внимания на протестующие возгласы, она обратилась к сидящей на стуле девушке, вяло перебирающей разложенные перед ней бумаги.

– Не могли бы вы мне помочь. Я ищу Владимира Третьякова. Дайте мне его телефон или позвоните сами. Это очень срочно.

Девушка не ответила и, не поднимая головы, продолжала что-то искать на столе. Полная дама, стоявшая до этого неподалеку, подошла к стойке и демонстративно оттеснила Ольгу в сторону.

– Мы вообще-то до вас уже здесь были.

– Мне не нужен номер, я просто хочу узнать телефон водителя.

– Не отвлекайте человека, – вмешался еще один из стоящих. – Не видите, она работает!

И тут неожиданно, сверкнув безукоризненным слоем лака, ухоженные пальцы положили на стойку небольшой клочок бумаги с цифрами.

– Вот, возьмите.

– Здесь давайте и поговорим, – сказал Владимир, усаживаясь за стол

и указывая Ольге место напротив себя. Тут тихо и кормят честно. Только спокойно, по порядку и подробно. Не удивительно, что парень прилетел аж из

Москвы, – улыбнувшись, добавил он, поглядывая с восхищением на девушку. –

Для такой красавицы любое расстояние проделать не помеха.

– Не все так просто. Сейчас я объясню, – сказала Ольга и начала рассказывать.

Часть третья

Деревья отбрасывали длинные тени, которые, шурша потревоженной ветром листвой, скользили, как волны прибоя, по траве аккуратно подстриженного газона. Его порывы время от времени заставляли взлетевшие листья беспорядочно метаться среди низкорослого кустарника. Слившись с движущимися

77

теньями, от забора отделилась темная фигура, быстро переместилась к стене дома и тут же растворилась на ее фоне.

Саша прислушался. Он спал чутко. Привычка осталась со службы. После случая в соседней роте. . В память врезались бледные, без кровинки, как

посыпанные серой мукой, застывшие лица ребят. Все, включая часового, крепко заснули в палатке после тяжелого боевого дня. Вырезали. . И никто не услышал.

В плен его тоже взяли спящим. Сейчас тихие, неясные звуки исходили из гаража.

Саша босиком осторожно вышел из своей комнатки, расположенной в хозяйственных помещениях прямо за гаражной стенкой. Это был его пост, с которого

он никуда не отлучался с тех пор, как привезли пленника, и хозяйка приказала его охранять. Пройдя по короткому коридору, он осторожно заглянул в огромное

гаражное помещение, заполненное машинами. В дальнем его конце какой-то человек

освещал фонарем, один за другим, металлические листы на полу.

– Люк ищет!

Саша вытащил из прикрепленного к ноге чехла нож и затаился. Тем

временем человек нашел наконец ручку люка и начал его открывать. В этот

момент, когда обе его руки были заняты, Саша беззвучно бросился на него.

Нож должен был войти в грудную клетку так, как если бы били по плетеной

корзине, с провалом. Саша знал это ощущение не из рассказов. Но провалился

он сам. Рука проскочила мимо цели, едва зацепив материал защитной куртки

противника, который оказался значительно серьезней, чем он предполагал. В

следующий миг он почувствовал страшный, останавливающий дыхание удар и

рывок, сбрасывающий его вниз, в подвал...

– Быстро очнулся, – услышал он голос. – Где ключ от двери?

– Ты...

– Я, я... Ключ где? Уродовать я тебя не собирался и не собираюсь – сам

напал. Скажи, где ключ, обещаю, не трону.

Саша поднял голову, кивком показал и прохрипел:

– На косяке.

– Правильно, чего его туда-сюда таскать.

Охранник, лежа на спине, наблюдал, как его противник нашел ключ и быстро открыл дверь.

– Со мной пойдешь. Здесь не оставлю – подмогу вызовешь.

Говорящий наклонился ниже. Вязаная маска закрывала все лицо, кроме глаз. Похожие на эти глаза Сашка видел только на увеличенной фотографии

волка в Интернете.

– Понял?

78

Охранник кивнул, приподнялся и, сдерживая стон, на корточках заполз в открытую незнакомцем дверь...

Времени на долгие объяснения не было, но Олег, с радостью узнав

Володю, когда тот открыл свое лицо, сам понял – надо торопиться. Только попросил: – Пожалуйста... Не надо больше бить этого парня. Сашка он... нормаль-ный!

Володя усмехнулся и приказал охраннику переползти на матрас. Олега трясло от возбуждения, но это не мешало, а скорее помогало бороться с

болью во всем теле. Облокотившись о Володю и подтягивая ногу, он поковылял к двери. Потом спросил внезапно:

– У тебя телефон с собой?

– Ты с ума сошел?

– В нем есть фотокамера?

– Ну...есть...

– Дай мне. Это очень важно. Как включить?

Охранника закрыли на ключ. Медленно и осторожно поднялись из под-вала в гараж. Но тут Олег, вылезая, случайно зацепил непослушной ногой люк, и тот со страшным грохотом упал... На шум тут же прибежала какая-то женщина

в распахнутом халате. Увидев незнакомцев, она, размахивая руками, скрылась в коридоре.

– Сейчас набегут, – сказал с какой-то отчаянной бесшабашностью Володя, помогая Олегу встать на ноги. – С ними всеми я не справлюсь, тем более

вооруженными. Ствол бы не помешал.

– А я, кажется, знаю, где его можно взять, – неожиданно отозвался Олег.

Он дохромал до черного «Линкольна», открыл заднюю дверь и начал шарить руками под сиденьями.

– Вот, держи!

В руках его сверкнул потертый «Макаров».

– Наша команда пополнилась еще семью бойцами, – радостно крикнул

Володя, загоняя магазин обратно в рукоять. – Значит, повоюем!

Было слышно, как в доме поднялся переполох, но пожилая женщина, видимо, не смогла сразу толком ничего объяснить с перепугу, и Олег с Володей

выбрались из гаража до того, как в него ворвались люди. Они даже успели проскочить освещенную часть двора, скрыться в темноте и под ее прикрытием добежать до забора. Их заметили в самую последнюю секунду и вслед беглецам

беспорядочно захлопали выстрелы.

79

– За тобой на стене веревочная лестница с двумя перекладинами. Специально для тебя. Через 10 секунд – перелезай, стягивай ее вниз и жди меня на

другой стороне, – четко приказал Володя, прижимая голову Олега к земле после очередных хлопков. – Я отвлеку их и потом к тебе присоединюсь. Выполнять!

Он приподнялся, выскочил на секунду из кустов в лучи прожектора, освещающего газоны, и так же быстро метнулся назад. Вслед ему прогремело

несколько выстрелов. Из кустов прозвучали ответные, и первый же из них потушил прожектор.

– Он побежал к воротам! Включите весь свет!

Поиски продолжались еще долго, сначала внутри, потом с фонарями снаружи за стеной, но никого не нашли.

– Почему ты решил мне помочь, Володя? – серьезно спросил Олег, когда они наконец оказались в безопасности. Все трое сидели, отдыхая после приготовленного Ольгой ужина, в

тепле холостячкой, но уютной Володиной квартиры. – Это ведь не денег до зарплаты одолжить. Друзьями не успели стать. Да и

из старых моих не каждый решился бы...

– Подумал я... Вот живу. Встаю рано, если вообще ложусь. Дышу вы-хлопом с утра до вечера, а богаче не становлюсь. Только сумма маленькая

наберется – что-то в машине ломается. Нигде не был, кроме Чечни, и то не

по своей воле. Нишу рабочую боюсь потерять – займут сразу. А почему, зачем? Ничего

хорошего в жизни не происходит. Одна грубость да цинизм. Даже

надежды нет, что что-то изменится. В чем тогда смысл? А тут... можно жизнь

человеческую спасти. И сопряжено это с реальной опасностью. Завелось что-то, заверте-

лось в душе бывшего солдата. Да и парень ты светлый. Женщин

защищаешь, восхищаешься ими. Сколько еще доброго можешь сделать. Да и

побывал я... по обе стороны баррикад. И знаю твердо: все зависит от того, к

чему стоишь лицом! Выбор есть всегда!

– Я ему еще денег пообещала, вы не думайте, – рассмеялась Ольга. –

Правда, он до этого уже согласился. Недолго размышлял!

– Конечно, неразумно было лезть спасать тебя без ствола, – продолжил Владимир. – Но опять же ты ведь счастливчик! Про таких сказал, не помню, кто, но это точно про тебя: «Если бы он упал в канализацию, то вынырнул бы

на поверхность, держа в каждой руке по золотым часам». Надо же! «Макарова»

нашел откуда-то. А вы знаете, между прочим, что даже в Америке про него рас-сказывают

легенды. Какой-то американский полковник, сбитый во Вьетнаме, с

добытым, уж не знаю как, пистолетом Макарова две недели пробирался через

джунгли. И тонул он у него, и грязью забивался, без смазки и ухода, но до последнего

патрона не подвел. Вернувшись в Штаты, полковник написал об этом

книгу, и это положило начало настоящему поклонению советскому «макарычу».

80

И никого не смущает, что он изобретен в стане постоянного противника. Вещь!

Ну, теперь о наших делах.

Тебе, Ольга, здесь оставаться нельзя, – твердо сказал Владимир, иг-норируя протесты девушки. – Помощи от тебя, не обижайся... Да и заметная ты

очень. Возвращайся домой. Тебя ведь не ищут! И нам легче будет – не надо

беспокоиться о твоей безопасности. Потому что с нами тебе конец, если поймают. Я

пойду лягу. Завтра тяжелый день, и надо хоть немного отдохнуть.

Олег сидел, откинувшись на диване, не сводя глаз с Ольги, которая

неторопливо и умело убирала со стола. Она была так сильно похожа на Машу, что сначала

это даже мешало ему видеть в ней совершенно другого человека.

Каждая минута, проведенная в ее обществе, теперь возвращала те удивительные чувства и ощущения, которые возникли у него во время чтения ее писем

и стихов. Конечно, они были адресованы не ему, но от этого их содержание не

становилось менее близким и трогательным.

– Вы защищаете женщин, – улыбаясь, сказала Ольга, присаживаясь рядом. – Это не модно сейчас. Да и женщины, если честно, превращаются в таких

мускулистых защитниц своих прав, что сама иной раз соглашаюсь с мужскими

высказываниями.

– Женщина не виновата, – горячо заговорил Олег. – Просто с нее все

начинается, и ей же все заканчивается. Женщина – это источник жизни и, таким

образом, источник всего! Она же не виновата, что самое интересное происходит

с ее участием! Женщина – это высочайшая нота в симфонии жизни!

– А кто же тогда Бог? – улыбаясь, спросила Ольга.

– Он – дирижер, – не задумываясь, ответил Олег.

Ольга, не скрывая, любовалась Олегом, а он, не замечая этого, рас-палялся и приводил все больше аргументов и доводов, сыпал цитатами зна-менитых филантропов и философов. Потом, поймав Ольгин взгляд, смутился и замолчал.

Рано утром Володя разбудил спящих на раскладном диване, на при-личном расстоянии друг от друга, ребят, полюбовавшись сначала улыбками обоих. Будучи немногим старше, он чувствовал ответственность за их жизни, ощущал наконец давно забытый вкус поставленной перед собой цели, ради которой не боялся рисковать всем.

– Я договорился со знакомым дальнобойщиком. Мой хороший приятель.

Он довезет Ольгу до Ачинска. Ему как раз в рейс. Оттуда долетишь до Томска.

А теперь прощайтесь, я пойду – проверю и подготовлю машину. До дальнобой-щика еще доехать надо! Когда будешь готова, спускайся вниз.

81

Ольга подняла с пола сумку. Остановила движением бросившегося помогать Олега.

– Нет, нет! Поверьте – она легкая. Там только куртка, мои тетради и кое-какие мамины вещи. За ними я и приехала. А вам выходить не следует, – девушка покраснела и произнесла уверенно, без колебаний и внутреннего напряжения:

– Знаете, Олег... Мне кажется, что все мои письма были написаны именно вам. Я не представляю себе другого человека... которому они могли быть адресованы, с кем бы я могла вот так говорить или просто помолчать... Я бы не исправляла ни строчки, поставив в начале каждого письма ваше имя. Вот моя почта: Assol_GL@yandex.ru, GL означает «жду любимого».

И протянула Олегу руку. Он осторожно пожал узкую дрожащую ладонь, и та выскользнула из его руки, как легкий шелковый платок, который потянули

за уголок. Первые полчаса после Олиного отъезда Олег не мог собраться с мыслями. Он уже тосковал по ней. Горечь расставания с нежно любимой женщиной, осознание того, что это надолго, и неопределенность положения так потряс-ли его, что он какое-то время сидел в полном безразличии и отчаянии. Потом

встал, прошелся по комнате. Задумался. Сбросил с себя апатию. Какой-то выход должен быть!

Ему нечего было пока предъявить против Мирона, чтобы обратиться за помощью.

Сидя за Володиным компьютером, он лихорадочно, со свойственной ему во время работы энергией, прорабатывал возможные варианты своего спасения, искал что-то, что подсознательно не давало ему покоя. И тут он увидел...

Даже не поверил себе:

– Не может быть! Это невероятно! – сказал он вслух, вглядываясь в монитор. Совпадение? Нет, так и есть.

Возбужденно потер руки и начал сосредоточенно записывать на бумагу какие-то телефоны, фамилии и электронные адреса.

Мирон в ярости замахнулся, чтобы ударить стоящую перед ним белую и прекрасную, как античная скульптура, Машу, но... остановился. Красота жены имела над ним какую-то магическую власть. Он мог кричать и ругаться, но за все годы их совместной жизни ни разу ее не ударил... Даже после того как за-стал ее с другим... совсем еще мальчишкой. За все досталось тому... Мирон медленно опустил руку и сейчас стоял перед Машей, тяжело и часто дыша.

– Мирон! Я не виновата. В это невозможно поверить, но он сбежал. Как ему удалось сообщить о своем местонахождении, ума не приложу, хотя... есть догадка. Ко мне, когда тебя не было, приезжала Ольга. За маминими вещами.

82

Охранник думал, что я относила еду в подвал, хотя предположить такое мог только сумасшедший. Он ведь у нас недавно, так?

Как человек рациональный, Мирон теперь слушал внимательно, и переход от эмоций к конкретному разговору успокоил его.

– Меньше года. Его Игорь, водитель твой, привел. Говорил, что дерется, как дьявол.

– Тогда другой, что его уложил, дерется, как Бог! Потому что остались от нашего Саша одни переломанные кости. Ольгу или нас вместе он никогда не видел. Поэтому и подумал, что это была я.

– Хорошо! С этим понятно, но ты же говорила, что москвич твой никого в этом городе не знает. Кто ему мог так профессионально помочь?

– И по этому поводу у меня есть идея. Среди вещей... этого Олега я нашла визитку, принадлежащую владельцу охранного предприятия «Слава От-ечеству».

Больше никому. Ты можешь пробить его по своим каналам и узнать домашний адрес. Возможно, Шурик наш там сейчас и обитает.

Рано утром, в кабинете, Мирон давал указания своим людям, вызван-ным на совещание.

– План «Перехват». Где этому баклану прятаться в незнакомом городе?

Фото его уже всем разослано. В первую очередь, ментам и гаишникам. Даже чурбанам на рынке раздали и пообещали вознаграждение. Да такого трудно не заметить – вылитый Шурик из «Кавказской пленницы», только без очков. Да еще с разбитой мордой. Прошерстите все....

И тут на столе зазвонил телефон. Этот номер знали только прибли-женные и в высших эшелонах власти города. Мирон поднял трубку.

– Да... Отлично. Смотрите там, не упустите, а я высылаю своих ребят.

Закончив разговор, он приказал:

– Поедете вот по этому адресу. Там будут минимум двое. Один вооружен. Возьмите «скорую», чтобы вынести их аккуратненько мимо бдительных сограждан. Лишние слухи нам не нужны. Зачем зря пугать стадо!

Отправив Ольгу с дальнобойщиком, Володя сразу вернулся домой.

Подробно рассказал засыпавшему его вопросами Олегу, как усадил девушку в машину. Успокоил, что ей ничего не угрожает. Хотя... На всех дорогах тщательно проверяли транспорт и документы. Говорили, что ловят какого-то опасного преступника. Дальнобойщика тоже остановили, но быстро отпустили. Володю, пока он доехал до дома, самого тормозили дважды. Не было и речи о том, чтобы Олегу выскользнуть незамеченным. Мирон свое дело знал. Значит, надо отсидеться, запастись терпением и продуктами.

83

Володя едва успел переступить порог с полными сумками в руках, как

Олег сразу потащил его к компьютеру.

– Еле тебя дождался. Что у вас с Интернетом? Сегодня, после того как ты уехал, он был, и я сумел проделать огромную работу. Ты представить себе не можешь, что я раскопал! Сейчас мне необходимо послать очень важные сообщения, а связи нет.

– У нас тут, не поверишь, война провайдеров. Не могут договориться, а мы страдаем. То кабель друг у друга вырежут, то кроссировку перепутают...

– Володя, ты помнишь, в подвале я попросил у тебя телефон, чтобы

сделать снимок?

– Конечно. Я еще подумал: зачем в такой момент?

– Так вот, там есть еще один – фотографии убитого. Оба снимка надо послать по этому номеру. Срочно. Можешь? Прямо сейчас.

– Надо – значит, надо. Ты только мне расскажи, что ты задумал и зачем все это.– Послал?

– Да! Только что прошли. Обе фотки.

В это время на лестничной площадке послышалось какое-то движение.

От страшного направленного удара дверь распахнулась, и в нее стремительно ворвались вооруженные люди. Володя дернулся к пистолету, лежащему на столе, но тут же получил пулю в грудь из такого же «макарыча», только с глушите-лем. Олега просто ударили рукояткой по голове...

– Володя!

В ответ в абсолютной темноте откуда-то справа от него прозвучал стон.

Олег, держась одной рукой за голову, которая раскалывалась от боли, другой стал ощупывать пространство перед собой, пока не наткнулся на чье-то тело.

– Володя!

– Да жив я. Только крови, похоже, много потерял.

Голос друга звучал хрипло и тихо.

– погоди, я сейчас матрас подтащу и положу тебя на него. Вот... Теперь легче? – Не суетись, не играй героя, береги силы и набирайся мужества. Так нас учили на случай, если попадем в плен. Мужество нам сейчас нужнее всего, так как помощи ждать неоткуда.

Олег хотел возразить, но тут ему неожиданно стало плохо, и он потерял сознание. Через какое время пришел в себя, определить было сложно. Сел, опершись спиной о холодную стену, потер лицо и, перед тем как рассказать Володе то, что хотел, решил сначала восстановить в уме порядок событий, чтобы

повествование получилось связным...

84

Брошенную Мироном фотографию убитого Олег сохранил. Зачем?

Какое-то внутреннее чувство подсказало. Подобрал с пола, когда МIRON с Машей ушли, и держал под матрасом. Жизненного опыта у Олега было мало, но он

много читал. Ему как-то вспомнились слова классика: «Тюремные стены могут многое рассказать» – и от нечего делать он изучил пространство вокруг себя досконально. Спасибо Саше, не выключающему свет. На одном из кирпичей у

самого пола нашел явно в лежачем положении нацарапанную надпись: «Сергей Горюнов. 1986 – 2010. Папа, прости». Олег много раз перечитывал ее. Хоть

оптимизма она не добавляла, но притягивала жутким трагизмом, заставляя задуматься о судьбе написавшего это человека и, конечно, своей. Тогда имя ему

ничего не сказал. Уже потом, у Володи, он случайно увидел знакомую фамилию на одном из газетных сайтов, и только привязанная к конкретному человеку вспомнилась эта история. Подробности ее Олег без труда нашел там же, в

Интернете. Год тому назад у известного депутата и предпринимателя пропал сын. Есть выражение: «Мужчина может считать себя богатым, только если он

в состоянии содержать армию». Горюнов мог. Поговаривали о фактах темного

прошлого, связанного с приобретением начального капитала, но у каких перво-проходцев российского бизнеса их не было? Твердость характера, обширные

связи в различных кругах, умение держать данное слово и огромное состояние

без труда проложили ему путь к депутатскому креслу. Он пользовался безоговорочным уважением у знающих его. Остальные – скорее боялись. Отношения с сыном у него были сложные. Они часто ругались. Парень почему-то стеснялся положения отца, старался при каждом удобном случае продемонстрировать свою независимость, пытался жить собственным умом и деньгами, но это у него плохо получалось. Бывало и раньше, что Сергей пропадал на пару недель, но, как блудный сын, всегда возвращался. Отец очень сильно его любил и прощал. В этот раз Сергея не могли найти даже близкие друзья. Поговаривали о несчастной любви, но подробностей никто не знал. Адвокаты отца обещали огромное вознаграждение за информацию о нахождении Сергея. Через несколько месяцев со дня исчезновения на сайте, созданном для помощи в поисках, объявление уже звучало так: «О нахождении живого или мертвого».

На сайте был и контактный телефон. «Линия открыта 24 часа в сутки».

Олег хорошо помнил этот разговор:

– Адвокат Куренков. С кем я говорю?

– У меня есть точная информация о нахождении Сергея Горюнова.

– Он жив?

– Нет. Я видел... его фотографию. У меня она есть.

– Откуда вы знаете, что это он?

85

– Я находился в плену там же, где держали Сергея. Я и сейчас в опасности, и мне нужна ваша помощь.

– Где вы?

– Я очень далеко, в Красноярске. Посмотрите, откуда я звоню!

– Да уж не сомневайтесь!

– Я пытался послать вам информацию по электронной почте, но Интернет отключился.

Правда, я успел это сделать на свой ящик. Там – подробный

отчет о том, как я узнал о гибели Сергея и где его... искать. Вам не составит труда войти в мою квартиру. Вот мой домашний адрес и пароль от компьютера.

Записывайте.

– Прежде чем побеспокоить Алексея Ивановича, нам бы хотелось видеть хоть какие-то доказательства. Мы должны быть уверены, что у вас честные намерения, а не желание свести с кем-то счеты руками Горюнова.

– В доме, где убили Сергея, в гараже есть подвал, вход в который спрятан под одним из металлических листов. Там на стене выцарапано его имя. Я

сделал снимок надписи на кирпичах и фотографии убитого Сережи телефоном моего друга, но его сейчас нет дома.

– Как только вы пришлете доказательства, мы сможем немедленно начать работу. Если это действительно Сергей, вы можете рассчитывать на нашу помощь и даже большее.

Олегу захотелось немедленно рассказать все это Володе, чтобы теперь ему наконец было ясно, кому и зачем он в самую последнюю минуту перед нападением на них успел послать фотографии, но он опять почувствовал себя плохо и поплыл.

Ему вдруг представились кадры из какого-то Голливудского фильма, где, получив тревожный сигнал, все боевые силы были приведены в действие

для спасения попавшего в беду героя. Вертолеты, заполненные вооруженными до зубов суровыми десантниками, поднимая тучи пыли, взмывали в небо...

И еще он подумал, что, как только все закончится, сразу улетит в Томск

к Ольге, и... улыбнулся.

86

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ЗАКОН

Кожа у РамИки всегда блестела, словно отполированный быстрой речкой камень, а движения были плавны и завораживали, как пламя костра.

Они ворвались в деревню. Вся мужская часть населения отсутствовала, за исключением нескольких дряхлых стариков, которые не могли оказать

серьезного сопротивления. Их убили сразу. Нападавшие обошлись без потерь.

Это был первый боевой поход Луо, и он еще сильнее заужал мудрость своего лидера Шам-бу. Боги были явно на их стороне. Не зря вождь уходил на несколько дней в лес, чтобы принести им жертвы и попросить о покровительстве.

Пальцы молодого воина добела сжимали тело лука и тетиву, готовую пустить в полет безжалостную стрелу, но врагов нигде больше не было видно. Только женщины метались по селению, собирая разбегающихся в страхе детей.

Очень давно оба племени были значительно многочисленнее, но год за годом междоусобные войны забирали души сильных мужчин, оставляя на полях боев только их безжизненные оболочки. Детей стало рождаться меньше, да и те не обещали стать сильными воинами или плодовитыми матерями, так

как многие приходились друг другу братьями и сестрами. Война, как и жизнь, в обоих селениях стала затухать. Потом вдруг вражда возобновилась. Какая

из сторон начала периодические набеги, никто не помнил, но в сезон засухи и голода оба племени подвергались взаимному нападению.

Повинуясь указаниям вождя, суровые воины ловили девушек, связывали и сгоняли их в центр деревни. Все дети и пожилые женщины были ото-сланы под охраной в другой ее конец. Луо не был опытен и наблюдал, не вмешиваясь, что делали его старшие товарищи, участвующие в подобных походах

уже не раз.

Когда последняя женщина со связанными за спиной руками была брошена к остальным, в пыльный круг, образованный окружившими их воинами, вождь Шам-бу поднял руку, требуя внимания.

– Мы победители и возьмем то, за чем пришли, – громко сказал он. –

Великий закон прислал нас, и нет людей, которые бы ему не подчинялись. Вы-полнив его, вы вернетесь к своим детям и привычным делам, но... только вы-полнив его. Дети непокорных уйдут с нами. Многие из вас слушают меня не в

первый раз и знают мое слово.

Шам-бу оглядел своих соплеменников, простер руку и сказал:

– Воины! Делайте свой выбор.

Из толпы сидящих на земле пленниц раздались сдавленные крики и плач. Воины по старшинству входили в круг, хватали женщин за волосы и, подняв на ноги, уводили. Все проявляли покорность судьбе, и ни одна из них не сопротивлялась.

87

От круга воинов уже ничего не осталось, когда подошла очередь Луо.

Вождь дал знак. Несколько женщин оставались сидеть на вытоптанном пятачке, прижавшись друг к другу. Как только Луо сделал первый шаг, одна из них, не

дожидаясь, что именно ее он возьмет за волосы, выпрямила спину, упруго оттолкнулась связанными руками от земли и встала навстречу юноше. Остальные

женщины неожиданно тихо и сдержанно засмеялись. Даже вождь улыбнулся.

Луо, не понимая, почему смеются, сердито подтолкнул женщину, и она быстро

пошла вперед, оглядываясь, как будто боясь, что воин отстанет и потеряет ее. Выбрала хижину, зашла. Луо последовал за ней. Как только юноша переступил порог, женщина сказала:

– Развяжи меня.

Луо, как замороженный, вытащил нож и быстро освободил ей руки.

– Теперь иди ко мне.

Юноша опять повиновался, сделав шаг вперед, но потом рассердился на себя, нахмурил брови и хотел что-то сказать, но женщина его опередила.

– Я Онба. Мой муж пропал год тому назад. Уйти он никуда не мог. Ведь в этой долине живут только два племени. Значит, умер. Злые женщины болтали, что он сбежал от меня потому, что я его замучила. Но это ложь! Он был никуда не годный и не был в состоянии любить меня даже дважды в день. Я знаю, что на моем поле выросли бы чудесные всходы, если туда бросить хорошее зерно, а не такое, как... у него. Ведь детей у нас с ним так и не было. Ты посеешь в меня зерна, а я буду ухаживать за ними и беречь. Я так ждала, когда вы при-дете! – Ты знала, что мы придем? – спросил изумленно Луо.

– Конечно! Засуха и голод!

Онба взяла юношу за руку и потянула к себе, вниз, на циновки, усти-лающие пол.

– Мне будет жестко, но зато тебе – мягко.

Она легла прямо в падающий из щели в стене поток света, растекаю-щийся по полу.

Теперь Луо мог хорошо ее разглядеть. Предвкушение радости разгла-дило все тревоги и огорчения на ее гладком, как застывшая смола, лице. От волнения ей не хватало воздуха, и женщина, приоткрыв свой маленький, почти детский ротик, часто дышала. Ее грудь вздымалась неровными волнами. В не-терпении она позвала:

– Иди же...

Подчиняясь невиданной силе желания, Луо склонился над девушкой, и она притянула его к себе.

Обмениваясь короткими репликами и жестами, воины осторожно дви-гались сквозь лес-ную чащу. Возвращение домой всегда придает силы, и дорога

88

кажется короче. Охота и рейд были удачными. Все возвращались довольные, нагружен-ные добычей, а главное... живые. Луо с гордостью нес на плече взятую из деревни незатейливую, но добротную утварь. РамИка будет довольна! Его левое запястье обхватывал браслет, одетый Онбой, когда юноша выходил из хижины. А он в порыве оставил ей свой.

Глаза у РамИки были ясные и светлые, как у Луо. Когда они бежали рядом, то казалось, что это один человек, который пытается обогнать собствен-ную тень. Деревня встретила их радостными криками, но с заплаканными глазами. Через сутки, после того как охотники оставили селение, на него напали.

Немощных стариков закололи сразу. Унесли запасы, оружие, утварь. Все, что смогли найти ценного. Собрали всех женщин в центре деревни, а детей ото-слали на другой ее конец...

РамИка не спеша, пряча глаза, вышла навстречу Луо. Она знала, что с ним ничего не случилось. Девушка почему-то всегда, с детства, чувствовала его. Ей было приятно, что такой красивый юноша, почти как две капли воды похожий на нее, оказывает ей знаки внимания. Никто не сомневался, что после праздника дождя Луо заберет девушку к себе в хижину. Юноша гордо положил

у ног РамИки свою добычу. Она благосклонно приняла дары и скрылась за плетеной дверью. Луо был так счастлив, что даже не заметил, что у РамИки на запястье появился новый браслет, а на лице задумчивая улыбка... Как только враги узнают, когда мы уходим? – удивлялись жители. – Они тоже молятся своим богам, – только и сказал Шам-бу. – Если наши боги позволяют этому случиться, значит, они этого хотят. Шам-бу сидел в своей хижине и молился за души погибших. Никто в селенье, конечно, не знал, что вот уже многие годы подряд в период засухи и неурожая верховные вожди двух племен, оставив многолетнюю неприязнь, встречаются в лесу. Они выбирают день великой охоты и тропы, для того чтобы воины не встретились лицом к лицу на пути к деревням и не сократили в жаркой битве и без того уменьшающееся с каждым годом их число. Чтобы руками друг друга потушить тлеющие угли старческих глаз, отнимающих у молодых воду и пищу, когда каждый кусок и глоток равен прожитому дню. Чтобы засеять увя-дающие поля женских тел свежими семенами, дабы не иссякла жизнь в долине. Ибо нет более главного закона, чем поддержание жизни...

89

техАсский вечер

Большая семья весело и дружно отдыхала на аккуратно уложенной плиткой и украшенной кустами роз площадке перед домом. Все наслаждались прохладным домашним лимонадом и только что поджаренными на гриле, велико-лепными, роняющими янтарные капли жира, ребрышками. Взрослые с бокалами вина в руках обсуждали политику и цены. Дети резвились, гоняясь друг за другом в компании ошалевших от такого счастья щенков-ретриверов. Обычный воскресный обед после посещения церкви. Тут в ворота ранчо въехала, поднимая пыль, машина с возбужденно машущими из всех окон, улыбающимися молодыми людьми. – Как они только туда помещаются, – со смехом качал головой один из стариков. – Эх! Молодые все могут. Вспомни сам, как мы гоняли по пустыне на... – Зачем этого притащили? – прервал его воспоминания недовольный женский голос и ворчание взятых на поводки щенков. – Шлялся тут вокруг. Говорит, потерялся, – ответил один из молодых людей. – Знаем мы эту породу. Потерялся! Небось, своровать что-то хотел. Дали им свободу... но раба из крови не выжмешь. – Зато можно кровь из раба, – сказал подошедший молодой парень, явно лидер. – Хоть сейчас! Старики захлопали. – Я не хочу, чтобы ты так говорил, Джонни, – нахмурилась пожилая женщина. – Времена меняются. Да и к человеку нельзя так относиться. Ты же ходишь в церковь! – Это, что ли, человек, бабуль? – спросил Джонни и пнул ногой испуганно глядящего на всех, стоящего перед ними мужчину со связанными за спиной

руками и веревкой на шее. Демократия! Вешать их больше нельзя... Тьфу! Еще, глядишь, дойдем до того, что кто-нибудь из них президентом захочет стать.

Все захохотали.

– Да уж ты, Джонни, как скажешь!..

– Хороший у нас растет сын, – улыбаясь, произнесла с гордостью женщина, прижимаясь к мужу. – Весь в тебя!

Потом крикнула, обращаясь к молодежи:

– Ребята! Наподдайте ему как следует и выкиньте за ворота. Не надо портить замечательный вечер. Да и воняет... он. Они все воняют... Надо же... президентом... Ну, сынок, уморил, – умилилась она про себя, вытирая слезу. – Ну, уморил...

Джонни отвел потирающего ушибы парня к воротам, стянул с его шеи веревку и, наматывая ее на руку, сказал:

90

– Ну что? Повезло тебе! Маму нашу благодари.

Пнул ногой под зад и добавил:

– Пошел прочь, беложопый!

Через несколько часов вечеринка закончилась, и гости, сияя снежными улыбками на довольных черных лицах, уселись в свои вертолеты и разлетелись по домам. Обычный Техасский вечер 2300 года.

Послесловие. У расизма нет цвета. Его просто нельзя допускать и оправдывать. Сегодня!.. Чтобы завтра, оказавшись в меньшинстве...

91

цена доброго дела

Даже самое маленькое добро, сделанное человеком, может изменить жизни многих людей, включая и его самого, но это не значит, что оно является гарантом и покрывает все его беззакония.

Автор

– Где... я?

– На суде!

– Не понял! Тогда где мой адвокат?

– Не понадобится. Он у тебя уже есть со дня твоего рождения. Самый лучший! Самый честный!

– Честный мне не нужен. Ладно разводить... Че, действительно суд, что ли? Во прикольно! Теперь дошло! Сортировать меня будете? Ну и куда?

– Сейчас узнаем. Отсюда только два пути... Участия твоего в этом не потребуется. Потому что изменить ты уже ничего не можешь. Только смотри и надейся...

– Адом пугаете? Да там все свои...

– Ты думаешь? По-твоему, Ад – это сковородки с кипящим кетчупом и черти невежливые? Публика крутая и... вообще... весело?

– Да, вроде того!

– Бедняга... Ничего, до него дойдет...

– Начнем?

– Добрые дела он совершал?

– Да... Но только для себя.

– Ну... хоть что-нибудь...

– Пытаюсь. Ничего не вижу.

– Даже в детстве?

- Отнимал. Воровал. Бил.
- Плохо дело! Ты хоть кого-нибудь любила, душа?
- Ну, этих... С маленькими головками... Детей! Во!
- Как ты их любила?
- В руки хорошие... пристраивал.
- Вижу твою любовь. С усыновителей деньги вымогал. Это, по-твоему, любовь и помощь?
- Ну, а что?.. Подумаешь! Всем надо... Подождите!.. Мне как-то страшно вдруг стало...

Почему?

- Сейчас ничто не мешает тебе видеть со стороны свои поступки. И ты приближаешься к выбранной дороге... тобой выбранной... Там страхов будет намного больше. И фобии все уже поджидают. Только... спрятаться негде.

92

– Что-то мне туда... не хочется... Глупости я до этого говорил... Простите. Сам вижу теперь, что ничего хорошего во мне нет, и не сделал ничего за всю

жизнь... Вся она только что перед глазами пробежала темной лентой. Ничего светлого. Помогите мне!

- Беда в том, что исправить что-либо уже поздно. Это страшная правда.

Печальная, но справедливая. Раньше надо было... Забирайте!

- Подождите... Что это было?

– Где?

- Да вот же! Совсем недавно... Когда он клиента в детский дом возил.

Светлое пятнышко промелькнуло. Я даже подумал, показалось... Вспоминай, душа! – Я с похмелья был, плохо припоминаю... Пацаненок какой-то... под ногами крутился. Я его, не знаю почему, по волосам погладил... а он... а он... сказал: «Спасибо, дядя». Я и внимания-то тогда не обратил... А сейчас... чувствую, как хорошо от этого... Радость такая светлая! Когда кому-то хоть что-то... без

корысти... Как раньше не замечал?..

- А мальчик этот... потом думал о тебе и благодарил... Героем в своем воображении сделал. Вот у тебя шанс и появился.

- От такой ерунды? Правда, что ли?

– Что такое доброе дело? Это когда хорошее для кого-то делается. Для пользы других, а не своей. Не будешь же называть добрым делом то, что ты купил себе новую машину вместо старой? Раскаяние и добрые дела – это как песок на морском берегу. Нет среди песчинок самой важной. Возвращайте его! Мальчик так просит за него, что я не могу не...

Иван почувствовал, что падает, замахал руками, стараясь за что-то зацепиться, но его пальцы проходили сквозь воздух. Перед глазами появилась вращающаяся спираль, тело качнулось, потом дернулось, как будто натолкнулось на препятствие, и... он открыл глаза. Голова лежала на смятой подушке.

Сердце колотилось. Во рту было сухо и безобразно. Лицо горело, а дышал он так, как будто пытался согреть озябшие руки.

- Ничего себе, погуляли вчера. Почти помер. Почти?..

Перед глазами проплыли мрачными эпизодами... и пьяная смерть, и черная пустая лента жизни. Ощущения любви и пережитого жгучего стыда были такими острыми и яркими, что он опять закрыл глаза, пытаясь задержать их хоть на мгновение. Первое окутывало ласковым облаком, второе выкручивало совесть так же безжалостно, как моряк постиранную тельняшку... Оба для него были новыми. Что делать? Как изменить свою жизнь? С чего начать?

Тут он вспомнил, что нет больших и маленьких дел, а есть только добрые и нет, и, впервые за много лет, счастливо улыбнулся.

93

МАленьКАя рАзбойницА

Реальная история, которая еще не закончилась

Борис сидел на скамейке в сквере и покачивался из стороны в сторону, как от нестерпимой зубной боли. На любом человеческом языке вид взрослого

мужчины, обхватившего голову обеими руками и едва сдерживающего слезы, означает SOS, но... люди безразлично проходили мимо.

Только голодная дворняга осторожно поморгала рядом с минуту, но потом, повиляв хвостом, как бы извиняясь, тоже прошлепала дальше. Она знала, что кормят тогда, когда веселятся, а здесь делать нечего.

У Бориса случилось несчастье – украли бумажник. Как человек опытный в вопросах жизни в большом городе, крупных денег он с собой попусту не

носил. Не потеря незначительной суммы огорчила до боли в сердце. В кармашке бумажника лежала единственная фотография матери, которую она отдала сыну перед отъездом к мужу в Америку. На ней мама была молодой и красивой. Борис много раз собирался навестить ее, но всегда находились дела, непредвиденные расходы, и поездка в очередной раз откладывалась. До самой маминой смерти.

Нестерпимо захотелось поделиться своим горем с кем-нибудь. Был только один человек, который мог понять его в этот момент – бывшая жена Алла.

– Да, Алка! Представляешь! Черт с ними, с деньгами! Мамина фотография, единственная. Она фотографироваться не любила, ты знаешь. Только если со мной. И все, что было в альбоме, забрала, когда уезжала. Да, все до единой.

Ладно, постараюсь! Можно я тебе еще сегодня позвоню? Спасибо. Пока!

– Чего случилось-то?

Борис поднял голову и увидел прямо перед собой несуразно и грязно одетую фигурку маленькой девочки.

Недовольно подумал:

– Сейчас милостыню просить будет!

Откинулся назад и закрыл глаза.

– Дядь! Потерял что, или украли? – услышал он все тот же тонкий голосок.

Не отвечая, Борис вздохнул, вытащил из кармана телефон и стал сра-жаться в «змейку».

Эта игра всегда успокаивала его и отвлекала.

– А в каком районе украли-то? – опять услышал он.

Беспризорных и попрошайек Борис не любил. Их по городу развелось столько, что шаг ступишь, а кто-то у тебя уже что-то просит: или афганец, или старушка, или дети разных возрастов, не говоря о цыганятах.

– Отвяжись! Ты разве не знаешь, что подслушивать чужие разговоры нехорошо.

94

– Ха, подслушивать! Орешь на весь парк! Значит, так. Сиди здесь и никуда не уходи. Сиди здесь, понял? Я сейчас вернусь.

Борис даже не поднял головы. Только услышал, как зашлепали вьет-намки по пяткам убегающего ребенка. Сколько он сидел на скамейке, играя?

Сигареты две, наверно, но девчонка действительно вернулась. Не одна. Рядом с ней, запыхавшись, стояли, глядя на Бориса, трое мальчишек лет пяти-шести.

– Этот?

Чумазый светловолосый пацаненок покрутил в руке потертый бумажник так, как делают это на улице продавцы штучного товара, чтобы привлечь внимание прохожих.

– Твой? – переспросил он.

Борис сразу узнал свою вещь и протянул к ней руку. Команда «тиму-ровцев» немедленно отскочила назад. Мальчишка, смеясь, кинул Борису бумажник со словами:

– Забирай. А про денежку забудь.

Фотография была на месте. Борис радостно вздохнул, улыбнулся и с интересом начал разглядывать стоящих перед ним на безопасном расстоянии, по их представлению, детей.

Предводительнице, а это угадывалось по тому, как беспрекословно подчинялись ей остальные, было лет 8-9, не больше. Настоящая проволочка, а не фигурка. Ее худоба еще больше подчеркивалась огромными синими спортивными штанами, обрезанными у колен, и мужской рубашкой, которая смотрелась на ней скорее как пальто, надетое поверх серой, не видевшей стирки майки. Шлепки на ее ногах явно принадлежали раньше дюжему мужику. Их размер

не мешал девочке постоянно находиться в движении. Она непрерывно жестикулировала и что-то шепотом говорила внимательно слушающим ее ребятам.

Пацанята были одеты в подобия шортиков, сделанные из обрезанных мужских брюк, и заляпанные краской, завязанные на пузах футболки. На ногах ничего.

Ходить они, похоже, не умели. Только бегать. По сигналу своей начальницы мальчишки повернулись и засверкали пятками по дорожке парка.

Девочка, видя, что мужчина доволен и не сердится, подошла ближе.

– Ну что! Благодарить будешь?

– Так вы же уже себя сами отблагодарили!

Девочка по-взрослому рассмеялась:

– А ты ничего! Я серьезно! Дай что-нибудь.

– У меня с собой, сама знаешь, только пустой кошелек.

– Ладно! Когда в следующий раз появишься в центре, мне пацаны доложат, и я тебя найду. Бывай, и своим... этим... не щелкай!

95

Малышка развернулась и побежала, переваливаясь с ноги на ногу, стуча шлепанцами по пыльной дорожке парка. Рубашка шлейфом раздувалась за ее плечами, и это делало ее похожей на майского жука, пытающегося взлететь.

Через неделю Борис зашел в кафе на одной из главных улиц перекусить. Занял столик на улице. Малышка тут же появилась ниоткуда и быстро уселась на стуле напротив.

– Здорово, – начала она.

Затем, взяв пустой стакан с соседнего столика, незваная гостья налила себе из стоящей перед Борисом бутылки «Пепси», тщательно отмеряя, ровно половину.

– Есть будешь? – спросил Борис.

– Что за вопрос! Только чего-нибудь с мясом, а то у меня от яблок уже живот болит. Пацаны натаскали с рынка целый ящик.

Ела она, зажав вилку в кулаке, как это делают маленькие дети. Уже совсем не как ребенок, а скорее как осторожный зверек, постоянно, видимо, по привычке крутила головой по сторонам. Глотала быстро, почти не прожевывая. Пузырьки углекислоты от торопливо выпитого напитка просились наружу, и она весело, явно получая

от этого удовольствие, выдавала трель за трелью, избавляясь от них, смешно выгибая шею. Покончив с курицей, жареной картошкой и остатками «Пепси» из второй

заказанной Борисом бутылки, девочка перевела дух и довольно откинулась на стуле.

– Дай сигарету!

– Не дам! С ума сошла?

– Вот дела! Я давно пиво и водку пью. Чего ты боишься?

– Нет!

– Ты не дашь – другие дадут!

– Ну, вот и пусть, а от меня не получишь!

– Подумаешь, – произнесла насмешливо девочка.

Борис протянул ей пять долларов.

– Вот лучше возьми.

Чумазая рожица засияла.

– Ты клевый мужик! И жратва здесь хорошая! Ты сюда почаще приходи! – крикнула она уже на бегу.

Каждый раз, выбираясь в центр города, Борис неизменно встречался

с Катей, как она сама представилась однажды. Бойкая девочка дала ему кличку

Мой Банкомат и следовала за ним, не отставая, пока не получала хотя бы маленькую сумму денег.

Как-то, расставаясь, она серьезно заявила:

– Хочу тебя предупредить. Через неделю у меня день рождения. Понимаешь? Ну?

– А что ты собираешься организовать?

96

– Откуда же я знаю, сколько будет денег, – дипломатично ответила бу-душая именинница. – Пацанов накормлю, погуляем. Не забудешь?

– А мне уже доложили, что ты в кафе с бабой, – радостно приветствовала Бориса маленькая разбойница, усаживаясь за стол и распространяя вокруг крепкий запах дешевого одеколona.

Она переводила взгляд с Бориса на Аллу, терпеливо ожидая, когда те начнут поздравлять.

– Посидишь с нами? – спросил Борис.

– А я что делаю? Мне пацаны уже духи подарили. Да и не только они поздравили. Витька с рынка тушенки после закрытия обещал.

– А что за событие? – спросила Алла.

– Как? Ты ничего ей не сказал? Ну, Банкомат, даешь! День рождения у меня! – Поздравляю! И сколько тебе?

– Мне? Лег? Дадут, когда поймают?

Именинница беззаботно и беззубо рассмеялась:

– Не считала. Только день и месяц помню. Ну, чего там? Пожрать за-казывать будете?

После обеда все трое направились в парк.

– Катя, а где ты живешь? – усаживаясь рядом с ней на лавочку, спросила Алла.

– С пацанами?

Девочка любила все переспрашивать.

– Да мы в котельной. Не там, где топят, а где трубы с горячей водой уложены. Это я случайно нашла. А так бы все замерзли прошлой зимой. Натаскали туда коробок и лежанки себе сделали прямо под трубами. Здорово! Только вот после Нового года пришли эти... инвалиды и давай нас выгонять. Кольке

руку тогда палкой сломали, но мы их не впустили. С тех пор там и обитаем.

– А как же вы питаетесь?

– Жрачку, что ли, где достаем? На рынок идем. Проходим с начала до конца. Стянем, что получится, соберемся, поделим. И еще, я своих пацанов на

самые крутые места в центре пристроила. Подают. Покупаем, кому что надо.
По-честному.

– Воровать нехорошо, Катя, – сказал Борис, глубоко затягиваясь сигаретным дымом.

– Нехорошо?

Девочка прищурилась и посмотрела по очереди на обоих.

– А кто меня на работу возьмет? Эх, вы! Ничего не понимаете!

97

– Катя! У меня... дочка почти твоего возраста, – сказала Алла, прерывая затянувшуюся паузу.

– Ой, ой, ой! Только не говори мне, какая она хорошая и как отлично учится в школе.

– Нет! У меня просто... осталось много одежды от нее. Храню. Хорошей, почти новой, – поторопилась добавить Алла. – Если тебе что-то подойдет, я буду рада. .

– А для пацанов ничего нет? Жаль! Им трудно шмотки найти. Размеры уж очень маленькие. Конечно, давай, если не жалко, все приму! Что не подойдет – обменяем!

На прощание Борис дал разбойнице 20 долларов, и она, от счастья не зная, как отблагодарить, торопливо наставляла:

– Теперь, если чего у вас украдут, то мне доложите, когда и в каком районе. А сумочку, скажи ей, пусть так не держит – откроют, и не заметит!

Девочка, несмотря на условия, в которых жила, никогда не выглядела подавленной или удрученной. Она уже знала из опыта, что этим делу не помо-жешь. Надо быть всегда готовой бороться за жизни – свою и пацанов, решать и быть сильной. Ребенок, не помнящий... Да что там! Просто не знающий, что такое детство. В восемь лет ставший матерью троим брошенным, как и она, мальчишкам. Но несчастными они себя не считали! Всегда веселые и бодрые, как воробьи! Это мы, живущие в теплых и удобных домах, впадаем в депрессии, сетуя на тяжелую и несправедливую жизнь. Это нам всегда чего-то не хватает.

Это мы, плача навзрыд о судьбе несчастной собачки в иностранном фильме, брезгливо обходим оборвышей на дороге! Это мы не спрашиваем: «Чей ты?»

Где ты живешь? Ты кушал сегодня?» И хотим после этого быть счастливыми?

Служба наблюдения работала отлично, и как только Борис с Аллой появились в центре города, тут же перед ними возникла «маленькая разбойница», наряженная в лыжный костюм и шерстяную шапочку.

– Ну вот, – пошутил Борис. – Теперь лыжи требовать будет.

– Во, даешь! Сейчас ведь осень! Не-е-е-е! Я никогда не каталась. Только на жопе с горки.

Аллу малышка по имени не называла и всегда обращалась к ней через

Бориса.– Банкомат! Мне с бабой твоей поговорить нужно. Дело у меня к ней есть.

Отведя Аллу в сторону, девочка спросила:

– Ты в губной помаде чего понимаешь?

– Конечно! А зачем тебе?

– А зачем тебе? Для того же! Мне нравится один мальчик. Он всегда проезжает на машине мимо нашей кочегарки... Я вот думаю. Если я покрашу губы... Может, он и заметит меня?

У Аллы струями потекла с глаз тушь.

98

Борис собрался наконец в Америку, потому что Алла переезжала работать в Москву. Он продолжал любить эту женщину, и с ее отъездом пребыва-ние в городе стало бы нестерпимым. В свое время они разошлись потому, что

она хотела детей. Он их терпеть не мог. Второй брак у обоих тоже не сладился. Так и продолжали «дружить», живя врозь. Каждый для себя.

Перед отъездом навестили «разбойницу». Попрощаться.

– Что-то долго вас не было видно, – сказала она, подходя. – Зима на носу. Запасы надо делать.

Молчание. Девочка насторожилась.

– Чего такие тухлые? Сперли, что ли, чего у вас? Я же говорила – тут же ко мне! Алла присела на корточки и взяла Катю за руки. Та сразу посерьезнела, чувствуя, что услышит неприятное.

– Мы уезжаем. Я в Москву. Борис – в Америку.

– Ну, все, – выдохнула девочка обреченно. – Оттуда никто не возвращается! Борис не отвечал и только нервно палил сигарету глубокими затяжка-ми. Алла достала из пальто паке-тик и вложила девочке в ладонь.

– Мы тут тебе кое-что собрали, – сказала она.

Мальшка, не глядя, сунула пакет в карман куртки и отступила на шаг.

– А я? А как же я? Банкомат! Ты что?

Алла заревела и, схватив девочку за руку, спросила, глядя ей прямо в глаза: – Поедешь со мной в Москву? Навсегда!

Девочка задумалась только на несколько секунд и ответила совершенно спокойно, отдер-гивая руку:

– Нет! Пацанов бросить не могу, а всех нас ты не возьмешь!

Помолчала немного и добавила:

– В Москву-то, небось, вместе поедете. Дайте знать, на каком поезде.

Может, приду попрощамкаться.

Повернулась и убежала.

Кати среди провожающих не было. Объявили отправление, и Борис с Аллой только в последнюю минуту зашли в вагон, подгоняемые рассерженной проводницей. Уже подняли вагонные подножки, а они все высывали из тамбура головы, крутя ими по сторонам. И только когда поезд тронулся, из-за ларька с газетами вышли на перрон четыре маленькие фигурки. Они не махали, а просто тихонечко стояли, провожая глазами уходящий, набирающий скорость поезд. .
Пройдя в купе, бывшие муж и жена молча сели рядом, взявшись за руки. Они хорошо знали друг друга и только гадали, кто из них первым предложит сойти на следующей станции навстречу своей воскресшей любви и детям.

99

из Менщик По сентябрюМ

– Ну что, помешала? – сказала Алена, одним широким движением руки сметая со стола фужеры, тарелки и поднос, на котором лежали бутерброды с икрой. Один упал маслом вниз, а другой скользнул по натертому полу, наехал на вилку и, накренившись, замер у ножки стула, как подбитый танк. Разнока-либерная посуда, столкнувшись с безжалостным паркетом, разбилась, сыграв звонкую, но незаконченную мелодию кремлевских курантов. Осколки старин-ного хру-стали и фаянса разлетелись далеко по всей комнате. Алена медленно прошла по направлению к дивану, на котором сидела бледная Вера, присела на спинку и демонстративно закинула ногу на ногу. При каждом шаге стекло хрустело под ее ногами, как снег в морозный день.

– Что празднуем, голубчики?

Она поочередно переводила взгляд с Алексея на побелевшую Веру, сидевшую рядом. Руки Алене явно мешали, и она то скрещивала их на груди, то

опускала на бедра.

– Познакомишь, Алеш? Или мне самой представиться? Значит, самой!

Мы ведь теперь как-никак – одна большая семья! Я – жена этой сволочи! Он хоть говорил, что женат? Я так и думала! Мог бы и помоложе найти, муженек, и не такую худую! Крашенная зубная щетка, да еще в моем халате! И глаза карие!

Значит, бриллианты любит, – неожиданно добавила Алена, подняв указательный палец вверх. – А у тебя их нет! Давно меня дурите?

Вера встала с дивана, но не успела сделать и шага, как Алена толкнула ее в грудь, и женщина неловко упала назад на подушки.

– Куда! Я еще не закончила! Думаешь, я тебе сейчас волосы буду пучками с головы удалять? Не-е-т! Уму-разуму учить! Ты считаешь, что он...

Алена замолчала, плечи ее затряслись.

– Смирнов... ты сволочь! – произнесла она, всхлипывая. – Почему ты мне изменяешь? Чего тебе не хватает? Я самая красивая была на курсе. За мной весь мединститут бегал, а я выбрала тебя! Микроскоп из скопленных на сапоги денег купила, чтобы ты своих спирохет бледненьких дома мог изучать. Хотя, впрочем, этим ты сейчас и занимаешься. Только без оптики...

Алена опять тихо заплакала. Алексей хотел подойти, но женщина остановила его жестом.

– Не подходи! И так хреново! А знаешь, – сказала она, поворачиваясь к Вере, – как я обратила на Алешку внимание? Тогда фильм Тарковского «Зеркало» только появился. Много споров было. Может, потому, что посмотреть его не все могли, только на закрытых просмотрах, а рассказать этот фильм... невозможно. Я влюбилась в картину сразу и отстаивала ее достоинства с любым

100

оппонентом. Моему парню, Юрке Абрамову, помнишь его, Леш? Фильм не понравился. Так и сказал: «Ерунда какая-то!» А Алеша... Он тогда незаметный

был на курсе. Только после армии. Волосы не отросли... Немногословный такой.

Не нашего, в общем, круга! Ходил в потертом кожаном дедушкином реглане и одних и тех же коричневых брюках, а мы – в джинсах «Левис» и таких же курт-ках. Так вот, спорила я как-то о многослойном содержании фильма с Женькой

Лазуткиным с нашего потока. Он что-то возражал, не соглашался. Потом махнул рукой и сказал: «Слушай. Да ну тебя! Ты лучше с Лехой поговори. Он от

“Зеркала” в восторге». Я даже не поверила сначала: «Этому... понравилось?» А Женька мне говорит: «А что? Он классный парень. Ты его просто не знаешь». И отошел. Вот тогда я первый раз на тебя посмотрела с интересом, Алеша! Так это было, так! А затем... долгая и счастливая семейная жизнь... в этой квартире. Ладно, достаточно! Я сейчас уйду... прихожу и... чтобы ее здесь не было. А с тобой, дорогой, разговор продолжим, когда ...

В прихожей раздался длинный звонок.

Алеша поднялся:

– Я открою.

– Игорь... заходи!

– Она здесь?

– Да.

– Только за хлебом и вышел, поверишь? Потерпи, Леш! Я отвезу ее до Рождества в Германию. Обещали посмотреть. Здесь ей никто не может помочь! С кем я только не советовался! После этой катастрофы пять лет назад... Ведь знаю, что каждую осень у нее обострение и что она опять будет... это делать, но

не могу я в клинику ее заранее отдавать! Не могу и все! Попроси за меня прощения у Веры. Пожалуйста! Не время сейчас... Я Алену... заберу... Она, когда меня видит, сразу приходит в себя.

– Испугалась?

Алексей присел рядом с Верой и обнял ее за плечи.

– Не могу привыкнуть, – вздохнула Вера. – Не первый раз уже, а все равно трудно... Потому что знаю, как ты ее любил. Тяжело видеть, что переживаешь это снова... возвращаешься в то время, когда она... любила тебя. А еще больнее... видеть твое лицо и то, как тебе хочется... этот момент продлить. Я ведь твоя жена и все чувствую! Она уже лет десять, как от тебя ушла... Почему ты не хочешь поменять квартиру?

Алеша ничего не ответил, а только вышел на застекленный балкон и закурил. Через мутное стекло он видел, как Игорь помог Алене сесть в машину, как она за секунду до этого повернулась, пробежала глазами по балконам. Нашла... Задержала взгляд и... заплакала. В этот момент Алеша точно понял одно: с этой квартиры он никогда не переедет...

101

теория вероятности

Собака захлебывалась ненавидящим лаем и рвалась с цепи, но из дома никто не выходил. Мужчина осторожно обошел избушку, держась подальше от внушительных клыков, и крадучись приблизился к одному из двух маленьких оконеч. Заглянул.

– Держи руки на виду, – услышал он за спиной громкий женский голос и одновременно с ним характерный звук взводимого курка.

Не оглядываясь, он повиновался и поднял руки.

– Уже давно за тобой наблюдаю. Что надо?

– Заблудился я, – начал мужчина.

– Врешь, а я этого не люблю.

– Правда!

– Сказала же: не люблю. Откуда-то надо идти, чтобы здесь заблудить-ся. Тут в радиусе ста километров ни одного поселения. Ты около дома с полчаса слоняешься. Собака у меня хорошая, сразу заприметила. Роняй мешок

на землю и оттолкни его ногой. Не вздумай дергаться. Мне своя жизнь дороже твоей. Шарахну из обоих стволов и Руслану скормлю. Он даже костей не оставит. Клади!

Только медленно!

Мужчина усмехнулся, скосил глаза и, не оборачиваясь, сказал спокойно:

– Ладно! Я с нар соскочил. Иду давно. Очень устал. Ты меня даже сдать никому не сможешь. Сама говоришь, не живут тут люди. Из оружия – только заточка. Хочешь, отдам?

Он потянулся было к ботинку, но голос хлестко остановил его.

– Нет! Отстрелю все. . . , если еще раз сделаешь что-то без моей команды.

– Понял! Из одного лагеря в другой. Начальник, ты чего?

– Ненавижу эту вашу феню с детства.

– Я могу и культурно.

– Хватит! Разойдемся по-доброму. Ты мне скажешь, куда идешь, и я научу, как туда добраться. Понятно?

– Если бы я знал куда! В том-то все и дело.

– Чего бежать было, если идти некуда? Тебе тюрьма наверняка как дом родной. В этих местах одних головорезов держат. Скажешь, за книжку, не сданную в библиотеку, срок тянешь? Стоять! – приказала она, заметив, что мужчина

сдвинулся с места.

Игнорируя предупреждение, он опустил руки и вызывающе повернулся лицом к направленным на него стволам.

– Шмальнешь? Я из 40 лет своей жизни только первые 15 провел на свободе. Породу людскую в тюрьме во как изучил. Ты рот раскрыла слово про-102 изнести, а я уже знал, что стрелять не будешь. Меня автоматные рожи на мушке не раз держали.

– Шаг сделаешь, точно стрельну.

– Дай сказать! Я не задумал ничего плохого, и темных мыслей у меня в голове нет. Отдохнуть надо. Так что, хочешь ты или нет, а мириться со мной придется.

– Ишь, какой скорый!

Женщина, взяв ружье наизготовку, обошла вокруг непрошенного гостя и, не спуская с него глаз, начала отстегивать собаку от цепи.

Мужчина напрягся и потянулся к ботинку.

– Не дергайся! Я не собираюсь Руслана спускать. Мы с ним заходим в дом. Попробуешь сунуться – всадника без головы сделаю.

– Книжки любишь читать? Я тоже!

– Чтобы утром тебя здесь не было.

– Вот утром и поговорим.

Людмила, удерживая Руслана на коротком поводке, осторожно открыла дверь и, пропустив собаку вперед, последовала за ней, взведя на ружье оба курка. Пес, неистово лая, немедленно потянул к банке.

– Не ушел, значит! Вот ведь!

Негодую, она приблизилась к сруб и, заглянув осторожно за угол, куда тащила ее собака, увидела вчерашнего визитера, раздетого по пояс, обливающе водой из кадки. Вся его спина была изрезана уродливыми и страшными шрамами. Поверхность кожи выглядела как рельефная карта каких-нибудь Анд или Кордильер. Он повернул голову и широко улыбнулся. Эта улыбка сразу сбила ее с толку. Не улыбается так плохой человек. Открыто, радостно, тепло!

– Какая красота! Живут же люди!

Чтобы не вдохновлять к разговору, Людмила ничего не ответила. Подумала: «Это мы-то живем?»

– Ты должен был уйти!

– Я расскажу тебе про себя, а ты решишь.

– Я еще вчера все сказала. Убирайся!

– погоди, – серьезно и резко оборвал ее мужчина. – Я понимаю, что ты не знаешь меня...

– И знать не хочу!

– По-го-ди!!! Я все равно скажу!

Мужчина быстро накиннул рубаху, тихо ругаясь:

– Комары тут как пчелы, – и продолжил торопливо: – Ни родителей, ни родственников у меня нет. Вырос в детдоме. Воспитывался... хоть и не подходит это слово к моей ситуации, почти всегда пьяной воспитательницей Анкой. Язык не поворачивается по отчеству назвать. К нам регулярно – с криками «Бей дет-103 домовских!» – приходила драться местная ребятня. Одному из них я случайно, а может, даже и не я, в куче разве поймешь, врезал так, что тот разговаривать на время перестал. В отличие от меня у него отец был. Мент местный. Упаковали по полной программе в колонию. Папаша проследил, чтобы в самую... где точно

уроют. А я выжил. Вернулся в городок, куда же еще, а мент тот уже начальником отделения стал. В себя даже не дал придти. На стоянке дальнотойщиков одного бедолагу из машины выкинули со сломанной шеей. Между собой что-то там не поделили. Так папаша злопамятный нашел какого-то гада, который якобы меня с ним видел. Ключи от грузовика, естественно, в моих вещах появились – при аресте. Закрыли – и попал я в лагерь. Тянул свое, с блатными не конфликтовал. Пока не заступился за одного хорошего паренька. Себя в нем увидел. Напали на меня кодлой и выбора не оставили – или я, или... Признаю – да, убил. Одного из них. Настоящую мразь – садиста, насильника. В общем! Если бы не убежал, кончили бы. Идти мне некуда, помочь некому. Решай!

Он замолчал, спокойно, но с надеждой глядя на женщину.

– Ждешь, что я к тебе сейчас на шею брошусь? В тюрьме таких историй – как в тайге комаров. Не знаю почему, но я тебе верю. Смотришь открыто.

Крест носишь. Хотя это дела не меняет. Жизнь ты загубил и платишь за это!

Итак! Что ты хочешь?

– Владимиром меня зовут, – отозвался мужчина. – Спасибо за прямоту и за то, что выслушала. Я только в книгах читал, как люди живут, да истории разные слышал от сидельцев. Вот так, на рассвете не просыпался никогда по своей воле, без команды.

– Короче!

– Позволь пожить здесь. Окрепну, соберусь с силами и уйду. Я человек слова. – Мне компаньон не нужен. Сам видишь, справляюсь и не скучно, – ответила

Людмила серьезно и твердо.

– Послушай! Я заметил, что банька у тебя совсем рассыпается и крышу на доме нужно починить. На «хозяина» всю жизнь работал, а так мечталось... душой. Я умею. Ни лезть с разговорами, ни глаза мозолить не буду. Все, что хочу – это поймать тишину.

– Хорошо, – сказала наконец Людмила. Оставайся. Я тебе не судья, а дело сделаешь – в расчете будем. Инструменты в сарае.

Через неделю девушка уже не жалела, что позволила парню остаться. Владимир свое слово держал. Работал с утра до вечера, не навязывался с разговорами, не мешал. Да и она продолжала жить как раньше: ходила в лес за ягодами, работала на огороде. Скоро и трапезничать вместе стали. А за за-стольными беседами многое можно о человеке узнать.

104

– Ну, а после работы чего делал, – спрашивала, затаив дыхание, Людмила, подпирая голову обеими ладонями. Ей почему-то не терпелось услышать все об этом парне с такой закрученной и нелегкой судьбой, дать ему понять, что кому-то небезразличны его мысли и переживания. Его мечты, его. . Подобного интереса к мужчине она уже давно не испытывала и, поймав себя на этой мысли, даже испугалась. Но Володя сидел перед ней, такой свой, такой по-детски естественный, что все ее беспокойства тут же бесследно растворились в его обаятельной улыбке. Когда Володя улыбался, то открывались пробелы в верхнем

ряду зубов, и это сразу делало его похожим на маленького, трогательного мальчишку. Он охотно отвечал на вопросы, не сводя при этом глаз с Людиного лица.

– Читал много. Пристрастился. Даже научную литературу – о теории вероятности. Из художественной – Джека Лондона, Дюма, «Золотую цепь» Грина.

По несколько раз.

– Я Грина тоже люблю. Он про... чувства хорошо пишет.

Володя пожал плечами.

– Не знаю. У нас книжки про любовь вряд ли бы в библиотеке держали. Не положено эку об этом думать и перевозбуждаться. И так зашкаливает.

Один бывший лепила... Прости. Врач бывший, липовый. Так вот, он писал... про это. Все зачитывались. Очередь целая была! Его даже на легкие работы определили, чтобы творчеством мог заниматься и огонек поддерживать. Про-должений ждали. Я тоже, – добавил Владимир, – ждал.

– Ну что, – вставая и тем самым заканчивая разговор, сказала Людмила. – Я сегодня баньку истоплю. Сама. Ты так не сумеешь.

Сначала помылась Людмила. Потом, выходя из двери, позвала Владимира. Комары не давали покоя ни днем, ни ночью – и одета она была в плотную, длинную полотняную робу. Лицо распаренное, румяное, довольное. Кончики

распушенных волос сверкали каплями влаги из-под наброшенного платка.

– Водицы с травами оставила достаточно. Не жалею. Банька не высохнет до утра. Так что, спать сегодня будешь в доме. Найду для тебя угол.

Владимир постучал и, подождав чуть-чуть, зашел в дом. Людмила хлопотала у стола, уже аккуратно причесанная, в светлом с голубыми цветами ситцевом платье неизвестно каких времен. Она была в нем так несказанно хороша, что Володя замер и почему-то покраснел. Наверно, потому что за одну секунду

он смог своим воображением сделать то, на что другому потребовались бы не-торопливые минуты. Губы его онемели, и кончики пальцев задрожали.

– Вот, – просипел он, проглатывая слюну, – помылся.

– Садись сюда, – сказала Людмила, указывая на скамью, поставленную у небольшого покрытого серой скатертью и заставленного едой стола. Сама же присела на краешек кровати армейского типа напротив. Другой мебели в комнате не было.

105

– Так я и живу.

Владимир осмотрелся вокруг. Чисто. Ничего лишнего. Печь посередине. В углу, на маленьком столике и на стене, нехитрые кухонные принадлежности. – Там еще комнатка есть за печкой, – проследив его взгляд, сказала

Людмила. – С моими вещами на все случаи жизни и одеждой. Там и спать будешь сегодня. Давай покушаем.

Только сейчас Володя посмотрел на то, что стояло на столе. В центре, в глубоком блюде, возлежал покрытый коричневой поджаристой корочкой гусь.

Вокруг него, как будто приготовившись к долгой осаде, залегли груды нарезанных овощей. Казан с картошкой. Плошка квашеной капусты. Плошка с ягодами.

Венчала все это благолепие нераспечатанная бутылка водки.

– Что Бог послал. Старалась.

Заметив, что Владимир резко побледнел, забеспокоилась:

– Что-то не так?

– Я ничего подобного не видел, – только и смог ответить он после паузы. – Не ждал меня никто. Никогда. Нигде...

Он беззвучно заплакал, даже не пытаясь сдержать катящиеся из глаз слезы. Они полились так обильно, что закапали с его подбородка на поставленную перед ним тарелку. Владимир опустил лицо, но потом, внезапно решившись, потянулся через стол к Людмиле, схватил ее ладонь и поцеловал.

От резкого и неловкого движения тарелка упала на пол, но не разбилась. Люда от неожиданности отдернула руку, но, тут же встав, подошла к Володе, не в

состоянии сдерживать так долго копившуюся нежность. Он вскочил, взволнованный, и они обнялись, часто дыша, не произнеся ни слова, ошеломленные

чудом, которое только что с ними произошло. Людмила сама, дрожа всем телом, сделала шаг назад к кровати.

Следующие несколько дней они вставали, наверно, только чтобы поесть. Перерывы в «любви» делались исключительно «по техническим причинам».

Между ними установились те удивительные отношения, когда можно говорить и делать что угодно без стеснения и опасения быть при этом неправильно понятым. Они с любовью и почти детским любопытством бесконечно

долго рассматривали друг друга и наслаждались любой возможностью порадовать любимого человека.

– Если не хочешь, не говори, но как тебе удалось сбежать, и почему до сих пор не ищут? – как-то, лежа рядом, обняв Володю за шею, спросила Людмила.

– Из лагеря, как оказалось, можно сбежать, а вот от мыслей этих не получается. Хорошая ты моя, родная! Чувствуешь, что беспокоит меня. Ну, так 106

вот. Работали мы в штольне как обычно, и напарник случайно пробился в давно отработанный штрек. По очереди слазили, посмотрели. Выход из него нашли, плохо замурованный. За разработкой. Рвануть-то рванули взрывчаткой, а проверить результат поленились. Тут и план созрел. Рисковый, конечно, но не в

моем положении было выбирать, да и мужик тоже не сильно радовался своему сроку. Подготовились хорошо. Опоры в шахте все сделаны на скорую руку, плохо. Как уж он это устроил, не знаю, но сыпанул он ее. Это не раз и раньше

случалось по небрежности, то есть «по естественным причинам». Откапывать сразу не торопятся. Зачем? Ночью выбрались, и в разные стороны. Это я тебе коротенько рассказываю. Там много было еще чего в промежутках. Продирался через тайгу с короткими остановками для сна. Лишь бы подальше. На эту вырубку вышел. Так что теперь искать начнут, как только раскопают могилку, или если поделничка моего приберут. Я тебя тоже хочу спросить. Как ты такая красивая, и одна?

– Красивая, – рассмеялась Людмила. – У нас тут говорят, что через пару лет жизни в тайге и беличье дупло женщиной покажется. Мужики, конечно, – поторопилась пояснить она. – Я училась в Иркутске, в лесотехническом. Влюбилась в парня одного, а он ноль внимания. Вот какая красивая была, – взъерошив Володины волосы, засмеялась Люда. – Уехала. Отец у меня – большая

пишка на ровном месте – бушевал, но я упрямей оказалась. Сначала работала в охота-совхозе, а потом, после, когда... меня изнасиловать попытались, ушла с дедом одним сюда. Станцию биологическую организовала. Он помер давно, а я вот все живу. Теперь знаю зачем, – сообщила она серьезно, поцеловав Володю несколько раз в лицо. – Не отстану, – добавила мечтательно, – и не надейся!

– Это что же получается? Мы с тобой теперь муж и жена, что ли? – спросил радостно Владимир, закладывая руки за голову.

– Выходит так.

Она потерлась своей щекой о его щеку и прошептала ему на ухо:

– Любимый. Единственный.

Счастье их длилось недолго...

Первым звук мотора услышал Руслан. Он каждый раз сходил с ума, когда вертолет садился на свободную от деревьев, поросшую кустарником ши-рокую просеку. Раз в году, по

пути на затерянную в тайге боевую ракетную точку, привозили запасы необходимого с большой земли, лекарства. Без вакцины

против энцефалита, который буйно процветает в тайге благодаря одноименно-му клещу, выжить невозможно. Но это был не регулярный вертолет. Людмила схватила Володю за руки и потащила в дом.

– Я все предусмотрела. Я запасливая. Вот, бери! В мешке продукты, спички, кружка, нож. Сразу надень балахон с накомарником. Берданку дедову возьми. Сапоги его, запасную одежду и патроны я тоже положила. Карта там

107

есть старая. Пометила места, что обходить надо и где спрятаться можно, переждать. Паспорт тут дедов, просроченный. Глупо, но что есть. Бороду отрастишь и, может, еще пригодится. Беги!

Владимир быстро накинул плащ, забросил за плечи рюкзак. Прижал к себе Людмилу так, что у обоих перехватило дыхание.

– Откроюсь! Ты у меня тоже первая. Не знаю, что в таких случаях говорят, но я люблю тебя так, что другой женщиной в моей жизни теперь может быть только смерть. По теории вероятности, мы, наверно, и встретиться никогда не должны были, а вот встретились. Два девственника, в центре тайги. Жив буду – найду. Владимир выбежал из избушки и быстро скрылся среди деревьев. Вертолет приземлился, расчесывая на пробор траву и кусты вокруг просеки. Из него высыпали, пригибаясь и удерживая головные уборы, несколько солдат с собаками и два офицера.

– Убери кобеля, раздражает. Нам работать надо.

– Чем обязана?

– Делай, что говорят!

– Был он здесь. Точно, – доложил подошедший лейтенант.

– Хорошо! Идите в...

Хотел сказать «в баню» и рассмеялся:

– В банное строение! И чтобы ни одна рожа не выглядывала оттуда. Я буду производить дознание. Своими методами, – добавил он с усмешкой.

– Что вам надо? – спросила Людмила

– Куда беглый подался?

– Не было тут никого.

– А вот это очень зря, потому что называется подобное противоправное действие пособничеством. Статья серьезная и срок, скажу я вам, полагается немалый. Майор ходил по кругу с заложенными за спину руками и запугивал.

– Так и в соседнем лагере-лагеречке оказаться можно.

Людмила молчала.

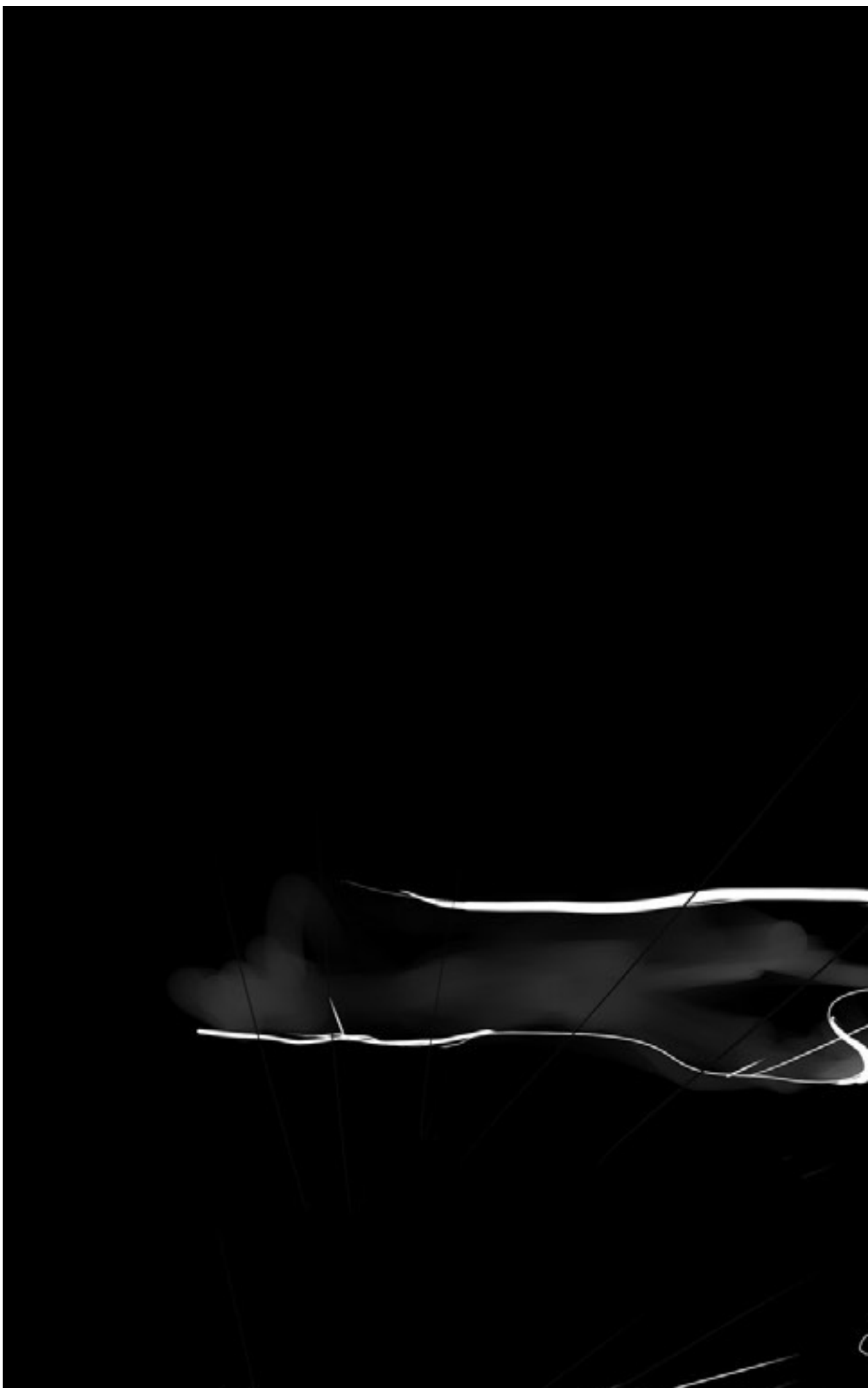
– А ты знаешь, что он особо опасный и отдан приказ стрелять на поражение? Люда не сдержалась, вздрогнула и испуганно посмотрела на майора.

– Зацепил он тебя, вижу. Но я тоже человек и... мужчина. А ты...

Он сально посмотрел своими красными глазками и ухмыльнулся:

– Женщина. У тебя есть что продать, а у меня на что купить. Зэков на мой век хватит, а вот баб таких... Теперь слушай. Если сговоримся, то начну поиски рано утром, и у твоего... будет шанс подальше уйти. Спрошу завтра, куда зэк рванул – покажешь нам. В какую сторону пальцем ткнешь – туда и

108

109

двинемся. Кроме того, если он сам на нас выйдет, прикажу стрелять по верх головы и брать живьем.

– Не обманешь?

– Слово офицера! Ну... так?

– Дай подумать.

– Через полчаса за ответом приду. Не ошибись!

Ровно через полчаса зашел.

– Ну что, решила?

И положил руку на ее бедро. Она не убрала.

Утром, с рассветом, майор поднял команду. Людмила вышла из дома, запахнутая в длинный теплый платок. Вынесла картошку и горячий чай.

– В каком направлении скрылся беглец, – по-военному спросил майор женщину. Она показала туда, куда побежал Владимир.

– Ставлю задачу, – прокричал майор. – Найти опасного бежавшего за-ключенного и уничтожить. Пойдем быстро и без остановок, но не туда, куда

показала эта кошка драная, а в направлении, совершенно противоположном.

Вон туда. Он подошел к солдату с рацией за плечами, вызвал кого-то и доложил:

– Можно снимать все силы и сосредотачивать их на одном направлении. Северо-восток.

Да, уверен, сведения точные. Спасибо. Рад стараться!

Замурлыкал себе под нос:

– Ай да майор! И бабу поимел, и, может, даже звездочку. Пошла вон, – закричал он на еле стоящую на ногах Люду.

– Товарищ майор!

– Что тебе? Почему не приступаете к преследованию?

– Вы бы... так не выражались на Людмилу Андреевну.

– Какую еще Андреевну???

– Она же дочка нашего генерала. Вы что, разве не успели узнать в штабе?

– Что же ты мне раньше не сказал, сволочь!!!

Людмила подошла к лейтенанту, раскрыла платок, обнажая исцарапанное тело, едва прикрытое изодранной и окровавленной ночной рубашкой.

Прошептала, быстро бледнея:

– А сколько дают за изнасилование? – и упала.

Нельзя все в жизни предугадать. Тем более с помощью теории вероятности. Что такое теория вероятности? Всего лишь цифры. А здесь люди... Живые!

110

Прости. Забудь. Прощай

Сознание возвращалось медленно. Расталкивая еще только приходящие в себя путанные мысли, в тело ворвалась боль. Сначала в виски, как будто

голове погрузили в котел с кипящей водой. Потом, когда попробовала пошевелиться, в плечи и спину. Ног не чувствовала вовсе. Тут Юля вспомнила, что с

ней случилось, и от ужаса сердце заколотилось так быстро, что перехватило

дыхание. Пытаясь захватить больше воздуха открытым ртом, она откинула голову назад и... ударилась затылком о гулкую металлическую поверхность.

Юля специально выбирала лето для поездки в Москву. Зарабатывала

она достаточно... чтобы едва прокормить себя, больную маму и самых запущенных животных, принесенных домой из ветеринарной клиники, где она трудилась санитаркой, или, как было сказано в документах, ассистентом ветеринара.

Зимой или осенью нужны были бы приличные сапоги и пальто, а их у Юльки

не было. С наступлением тепла либеральные джинсы и футболка скрашивали социальное неравенство, и оно не так бросалось в глаза. Студентка и студент-ка, как многие. Маму можно было отвезти к сестре на дачу, что она и делала каждый год. Путь на Москву был открыт!

Юля любила этот город! Никому нет до тебя дела, и чужие не лезут в душу по любому поводу с расспросами, как дома. Если ведешь себя уверенно, то и милиция с проверкой документов не пристаёт! Больше всего девушке нравилось бродить по оживленным центральным улицам, заходить в бутики и притворяться, что она может все это, если захочет, купить. Остановливалась в допотопной «Звездочке» без звездочек. За разумные деньги ее пускала переночевать уборщица, с которой она однажды случайно познакомилась в магазине.

Обедала в «Елках-палках», но чаще в «Макдоналдсе» на Старом Арбате. Ела, не торопясь, и допивала колу до последней капли, пока соломинка не начинала предательски громко засасывать воздух вместо напитка.

– И чего ругают? – думала она. – Каждый день есть не станешь, а перекусить на бегу – то, что нужно!

Юля, не спеша, шла по тротуару.

Впереди, у здания Думы, остановилась черная БМВушка, и из нее, отдавая на ходу какие-то указания, выскочил мужчина лет пятидесяти пяти. Он

быстро направился к дверям.

– Вадим Иванович!

Мужчина остановился. Быстро посмотрел по сторонам. Нашел. Пригляделся.

111

– Юлька! Не может быть! Последний раз на Серезиных похоронах виделась. Ну, как ты? И тут же добавил:

– Знаешь, я сейчас очень занят. Позвони мне вечером, после семи, – сказал он, доставая визитку. – Только обязательно! Я бы тебя сейчас с собой взял, да не успею пропуск оформить, времени у меня мало! Договорились?

Юля кивнула.

– Конечно, я так рада вас видеть!

Город стремительно менялся, и в каждый приезд было интересно подмечать новые вывески, рекламные щиты, названия. Неизменными оставались только пахнущие селедкой и копченой рыбой продуктовые магазины на окраинах города. Даже неприветливые тетki в них работали те же.

Юлька купила карточку и позвонила из автомата у метро.

– Ты где сейчас? Там и стой. Я через полчаса приеду и заберу тебя.

В машине пахло дорогой кожей. Юля приняла голову и крутила головой, с интересом рассматривая салон.

– Красота какая! Никогда не ездила ни на чем, кроме маршрутки и «жигулей». Вадим Иванович усмехнулся.

– Это все мишура. Отличная, конечно, машина, но и на танке мы с твоим Серегой неплохо себя чувствовали. И понятней там все было, чем сейчас.

– Вадим Иванович. Дядя Вадим! Да что вы! Посмотрите вокруг! Жить в Москве! Да это счастье какое! Там у нас скука! Приеду, так сразу начнут расспрашивать, как да что.

– Эх, Юлька! А меня вот уже сколько лет никто не спрашивал. Ни о чем...

Юля прижалась к плечу Вадима Ивановича и только сказала мечтательно: – Вы просто не понимаете, как здесь хорошо!

– Да! – рассмеялся мужчина. – Известное дело! Что имеешь, то не ценишь. Голодная?

Было понятно, что в этом пригородном ресторане Вадима Ивановича знали. Как только они вошли, администратор расплылся в улыбке и сразу проводил их в отдельный кабинет.

Вадим не сказал ни слова, но на столе появились закуски, коньяк и блюда, названий которых Юля не знала.

– Это же так дорого, я не привыкла, – начала Юлька, но Вадим Иванович ее сразу остановил:

112

113

– Я могу себе позволить, не беспокоиться. Это ресторан моего босса. Ну, человека, которого я охраняю. Для меня это копейки. Ты мне как дочь, так же, как Сережка был. И не потому, что он спас мне жизнь и остался калекой...

– Дядя Вадим! Сережа рассказывал мне, как это произошло. Еще двое бросились к вам, но мой муж оказался первым, и он всегда этим гордился! У вас галстук сбился. Дайте я поправлю.

Ансамбль играл отлично. Недостатка в заказах не было, и настроение музыкантов заметно улучшалось пропорционально заработанным деньгам. Атмосфера вечера умело поддерживалась на ноте, когда всем хорошо, но драться еще не хочется. Юля несколько раз ходила танцевать и возвращалась возбужденная и радостная. За ней порывались последовать молодые люди, но их

останавливал застывший у входа администратор.

Внезапно открылась дверь, и в кабинет вошли трое шкафообразных парней. Из-за их спин появился среднего роста гладенький юркий человек и уверенно направился к сидящим. Вадим Иванович сразу поднялся из-за стола.

– Босс! Не ожидал!

– А так и должно быть. Помнишь, как сам учил: никаких предсказуемых, запланированных появлений. Хороший ученик? Будешь знакомить со своей дамой? – Юля!

Девушка сама протянула с улыбкой руку.

– Мы тут с дядей Вадимом...

– Ну вот, а я-то надеялся застать шефа своей безопасности с дамой сердца. Но это не так уж и плохо. Значит, можно поухаживать.

Юля рассмеялась.

– Да какая я дама сердца...

– Купла Юрий, – представился мужчина, – и никаких возражений. Не люблю, когда меня красивые девушки по имени-отчеству называют. Давайте выпьем! Иваныч! Не сердись! Не собирался я сегодня сюда. Ты своих не гнои за то, что не доложили. Я отпустил. Сам же не любишь, когда я их беру на... отдых. Колесников свою охрану дал. Гады братья-депутаты все нервы вымотали. Не расслабишься, так лопнуть можно от забот. Ты же лучше других знаешь. Решил вот сегодня расслабиться.

От этих слов Вадим Иванович немного напрягся, но тут же рассмеялся и сказал: – Правильно, босс. Надо снимать стресс. А мы как раз собирались уезжать. Юля устала. Она только сегодня приехала в Москву.

– Нет, Крутов! Не отпускаю! Это приказ.

Видя, что Вадим недоволен, босс шутливо продолжил: 114

– Знаю! Что за удовольствие со своим патроном свободный вечер проводить! В Думе надоел! Куда приятней с молодой девушкой.

– Не девушка я ему... Юрий. Дядя Вадим и мой муж вместе воевали.

– Вот оно что, а я думал, конспирацию боитесь нарушить. Тебе хоть восемнадцать-то есть?

– Вы мне льстите.

С каждой выпитой рюмкой в поведении Куплы появлялось все больше развязности и агрессии, а в его речи все меньше нематерных слов. Вадим Иванович был спокоен, но чувствовалось, что это скорее выдержка профессионала.

Похоже, он хорошо знал своего босса, и когда тот расслаблялся, приучил сознание выходить на высший уровень готовности. Ко всему.

После того как Крутов несколько раз твердо остановил Куплу, начи-нающего приставать к Юле, тот набычился и перенес поиски в зал. Народ к

этому позднему часу уже не обращал ни на кого внимания и веселился от души, как умел. Купла высмотрел в толпе молодую симпатичную девчонку и, растал-кивая танцующих, направился к ней. Девушка притворилась, что не замечает

приближающегося сильно выпившего кавалера и, не дожидаясь, когда музыка закончится, быстро пошла к своему столику. Купла двинулся ей наперерез.

– Я здесь не одна и никуда с вами не пойду, – возразила девушка, когда мужчина крепко взял ее за руку и потянул за собой.

Купла усмехнулся и, дав какие-то указания сопровождающим его охранникам, развернулся к оркестру, крикнул:

– Мою любимую давай.

Музыканты заиграли. Купла мутно посмотрел на стоящую перед ним дрожащую фигурку в цветастом сарафанчике и спросил заплетающимся языком:

– Ты знаешь, кто я?

– Нет! Я приезжая, да и... Я ничего вам не сделала. Оставьте меня, пожалуйста, в покое.

– Просто приглашаю тебя к своему шалашу. Не обижу.

– Я здесь с другом. Ему не понравится.

– Не беспокойся! Когда он узнает, кто тебя пригласил, еще благодарен будет. Девушка растерянно посмотрела по сторонам в поисках защиты, но Купла уже тащил ее за руку.

115

Он действительно вел себя довольно прилично, хотя уже начал время от времени поглаживать сарафанчик руками, пододвигаясь все ближе и ближе...

Тут за дверями кабинета раздалась какая-то возня, и в дверь вместе с громкой музыкой из зала ворвался здоровенный парень лет тридцати.

– Вы чего, обнаглели? Она со мной пришла! Мужики тут есть или одни пидоры? Этот молодой явно не знал хозяина кабинета.

– Нельзя же так надолго оставлять свою девушку, – резонно заметил

Купла с нехорошим прищуром. – Вот мы и взяли ее под свою защиту. А вот где ты пропадал все это время?

Парень покраснел.

– Курил.

– Целую пачку, что ли? – с издевкой спросил один из охранников. – В сортире? – Жратва здесь... – дрянь. И музыка тоже!

Купла замер. Переспросил медленно:

– Чего ты сказал?

Девушка вскочила и испуганно побежала к выходу. Ее никто не задерживал. Парень огляделся и, похоже, начал догадываться, что попал в непри-ятную ситуацию. Попытался отыграть назад.

– Ладно, чего там. Мы с ней только здесь и познакомились. Все нормально, мужики. Из десантуры нет никого? Я служил под...

Брошенный Куплой бокал попал парню в лицо и, разбившись, разрезал ему левую щеку. Хлынула кровь. Десантник дернулся к обидчику, но тут же был сбит на пол и буквально за двадцать секунд растоптан охранниками.

Купла подскочил и, оттолкнув всех, сам стал бить его ногами. В последней отчаянной попытке убежать парень, собравшись с силами, шатаясь, встал на ноги и шагнул к двери. Купла со всего размаха ударил его по затылку хрустальным графином. Ноги у несчастного подкосились, как будто их срезали бритвой, и он

упал лицом вниз, дергаясь всем телом. Потом затих.

Юля вскрикнула, и все посмотрели на нее. Она в ужасе обхватила лицо руками и подбежала к Крутову. Тот посадил ее на стул рядом с собой, а сам начал отдавать охранникам четкие команды. Парень лежал в луже крови без движения. Не было сомнений, что он был мертв.

Вадим Иванович вывел дрожащую Юлю на улицу и усадил в свою машину. – В нехорошее дело ты попала по моей вине, дочка, – отрывисто сказал

он. – Скверная эта история не только потому, что убили человека на твоих глазах. Тот, кто это сделал, в тюрьму не собирается и позаботится о том, чтобы о случившемся ни одна живая душа не узнала. Купла – очень серьезный человек.

– Дядя Вадим, а ведь вы – тоже свидетель...

Вадим Иванович после паузы и с неохотой выговорил:

– Я не свидетель. Я тот, кто устраивает так, чтобы их не было... видно.

У ассенизатора, только что почистившего без перчаток забитый коллектор, руки чище, чем у политика.

– А у тебя, дядя Вадим?

– С кем поведешься, Юленька, с кем поведешься...

– Что же мне теперь делать?

– Во-первых, забыть о том, что ты видела и где была. Легко сказать, но

надо. Во-вторых, я отвезу тебя на вокзал и посажу на поезд, идущий в твоём направлении.

О деньгах не беспокойся. Дам, сколько нужно. Я ставлю свою

жизнь за твою, и, поверь, она кое-чего стоит. Но и ты меня не подведи. Будешь молчать. Хорошо, дочка?

Юля, не в силах больше сдерживаться, уткнулась Вадиму Ивановичу в плечо и зарыдала.

Веселье в ресторане не прекращалось ни на минуту. С заднего входа, очистив предварительно коридор от посторонних, как это делали всегда, когда

Купла приезжал или уезжал, тихо вынесли свернутый в толстый рулон ковер.

Крутов сидел в кабинете напротив своего основательно протрезвевшего босса. В комнате больше никого не было.

– Ты меня знаешь. Я своей жизнью ручаюсь за девочку. Она единственная чужая, «со стороны», не считая трупака, и я уверен, что мы сможем это уладить. Без... крайних мер. Она как дочь мне, и с ней ничего не должно произойти.

Даже случайно. Потому что случайностей в нашем деле не бывает.

Купла не сказал пока ни слова, но было ясно: ни тон, ни тема разговора ему не нравятся.

– Ты думаешь, из-за твоей девчонки я пойду на риск все потерять? Ты что, идиот?

– Она исчезнет отсюда и никогда больше не появится. Она никому ничего не скажет.

– Я много лет тебя знаю, Вадим. Даже странно видеть такую беспомощность от профессионала. Вот почему вам нельзя иметь семью. Ты же знаешь правила и законы нашего бизнеса. Неужели не понимаешь? То, что ты просишь, это смешно.

– Я не позволю этому случиться, – твердо сказал Вадим.

– Угроза?

117

– Нет! Я уверен, что мы сможем договориться. Я намного лучше в качестве друга, чем врага.

– Угрожаешь все-таки. Ладно, – более миролюбиво ответил Купла. –

Позаботься пока о том, чтобы посадка забитого барана на «поле чудес» прошла без осложнений, как положено. Наверное, ты прав. Нельзя переступить через семью. Что тогда нам останется? А главное, кто с нами останется? Бульдоги, такие, как Ломоть и Сеня? Я все обдумаю и дам тебе знать. Иди, работай. Девочку пока никто не тронет. Даю слово!

Купла нервно курил.

– Я сразу вызвал тебя, своего старого друга и советника во всех делах.

Ты не думаешь, что Вадима тоже надо к... остальным, – спросил он, обращаясь к сидящему пожилому мужчине в черной кожаной куртке.

– Мы вместе с тобой законы не только принимали, но и нарушали их в свое время. Я думаю, что Вадим против тебя не пойдет. Повязал ты его с собой не одним литром и не только водки. А это вернее любой присяги. Человек он надежный, опытный. Две войны за плечами. Его повыше нас с тобой люди на службу к себе звали, но он не пошел. Кто знал, что эта пигалица, жена его боевого друга, не в нужном месте окажется? Команду он вокруг себя

сплотил дружную. Ребята за него в огонь и воду. Таких найти, знаешь... На-стоящие профессионалы. Зачем разрушать так хорошо построенное? Зашли

его куда-нибудь подальше на время. Конечно, девицу можно было бы напугать до смерти и отправить домой под его поручительство. Как он и просил. Но... я думаю, что видеопленку, которую она накрутила у себя в голове, можно стереть только одним способом. Значит, с десантником в одном лифте поедет. Поверит Крутов, что отпустили – будет жить. Нет – тогда другое дело. С Брежневым в футбол играть отправим... Я помогу. А ямки копать для девицы и твоего жмура, я думаю, лучше будет пригласить моих пацанов. Они так зароят, что земляные червяки не найдут!

В четыре часа утра у Крутова зазвонил телефон.

– Докладывай, Вадим!

– Сделано, босс. Я обо всем позаботился. С новейшим оборудованием не найдут. Как будто его никогда вообще не было. Наш договор не забыт? Сегодня же отправляю Юлю домой.

– Хорошо! Этот вопрос закрыли. Сажай ее на поезд и вылетай на Кипр.

У нас там у Логинова возникли проблемы.

– У него что, своего начальника охраны нет?

118

– Видимо, не справляется. Нужна твоя профессиональная экспертиза.

За неделю, думаю, справишься.

– Где мне получить инструкции?

Юля очень нервничала и, только когда поезд тронулся, стала немного успокаиваться. Она старалась ничего не забыть из того, что ей сказал Крутов, сажая на поезд, и перебирала наставления в памяти по пунктам. Так. Никому не открывать. Не выходить из купе без надобности. Через два дня, когда приедет, позвонить ему с домашнего номера. Звонок по любому поводу с другого номера будет означать, что с ней что-то случилось. В таком случае он сам ее найдет.

Постучали.

– Проводник. Приготовьте билетки.

Юля открыла.

В двери купе возникли две фигуры в спортивных костюмах. Один остался снаружи, а тот, что покрупнее, вошел.

Юля побледнела.

– Помнишь меня?
– Помню. Ты с Куплой...
– Долго с такой памятью не проживешь! Шутка! Понадобилась ты в верховной ставке. Главнокомандующему. Для прояснения некоторых обстоятельств. Нам поручено тебя доставить.

– А где Вадим Иванович?
– Его откомандировали по срочному делу. Он позвонит.
– Чего там прояснять? Я пока с дядей Вадимом не переговорю, никуда с вами не пойду.
– Дядя Вадим, – передразнил громила. – Ты что, хочешь, чтобы мы с тобой до Черного моря доехали? Хоть и сезон! А если он и через час не позвонит?

Мы из-за тебя как обратно тащиться будем? Где твоя сумка?

– Я кричать начну, и кто-нибудь придет. Вам это надо?

– Послушай!

Гигант присел рядом и начал миролюбиво:

– Ты не понимаешь. Мы...

Он внезапно ударил Юлю кулаком в солнечное сплетение. Девушка открывала рот, пытаясь сделать вздох, но легкие не слушались. Громила позвал:

– Сеня!

Второй вошел.

– Через 40 минут станция. Хорошо, что недалеко отъехали. Тут они пока часто. Звони ребятам.

Повернувшись к Юле, он без усилий поднял ее с места, развернул и, схватив под мышки, дернул на себя. Дышать сразу стало легче.

119

– Я спортсмен, знаю такие штучки. Самому не раз делали.

– Не думай даже о том, чтобы кричать. Я за секунду успеваю пять ударов ножом сделать.

А в сердце и одного хватит. Возьмешь меня под руку, а я тебя обниму рукой... с ножичком. Поняла?

Юля кивнула.

На станции их уже ждала машина. Юлю посадили на заднее сиденье между Ломтем и Сеней. Только после того как захлопнули двери, бандит убрал нож от Юлиной левой груди. Лезвие было очень острое и резало кожу почти при каждом шаге. Девушка чувствовала, как под майкой сочится из ранки кровь, но она почти не ощущала боли. Ей было только очень страшно. Сидящий на месте водителя молодой парень закурил, и Ломоть тут же, дурачась, закричал на него:

– У нас здесь девушка! Хам! Подумай о ее здоровье.

И заржал. Молчаливый Сеня тоже хмыкнул.

– Вперед! На поле чудес, – скомандовал Ломоть.

Юля спросила, хотя все уже давно поняла:

– Куда это? Мы что, не к Купле?

– Сама же сказала: прояснять нечего! У Куплы для тебя другой план.

Посадим тебя и посмотрим, что из тебя вырастет.

– Как это? Вы что, ребята?

– Как? Как семечку! У нас там уже целый сад... из таких Буратин, как ты!

Все трое захохотали, а Юля потеряла сознание.

Как ее привезли в лес, она не помнила. Связанные запястья саднили, а ноги затекли так, что не получалось пошевелить даже пальцами. Ее просто вытолкнули из открытого багажника на землю, и от удара и свежего воздуха

она пришла в себя. Тут зазвенел сотовый. Ломоть послушал, потом грязно выругался и объявил:

– Огородные работы отменяются. Купла хочет ее напоследок... в свой подмосковный дом. Понравилась она ему! Но потом повезем обратно! Ладно, грузим, и поехали быстрее. Босс не любит ждать!

Ломоть приказал остановить машину у придорожного супермаркета.

– Давай сейчас затаримся, а то знаю, как после работы на свежем воздухе жрать захочется! Сеня, и возьми приличную водку, не как в прошлый раз.

Аааа! Лучше я с тобой пойду. Привычка у тебя пролетарская: все подешевле.

Здоровье-то один раз выдают, беречь надо.

Он долго чертыхался, потому что водитель не мог найти свободного

места поближе к входу. Если бы не присутствие Юли в багажном отделении, 120

Ломоть бы приказал припарковаться, как всегда это делал, прямо у лестницы, ведущей к дверям. Ходить пешком он не любил.

Водителю бросил:

– Встань, где хочешь. Когда увидишь, что мы выходим, подъедешь! И никуда из машины. Понял?

Тот закивал. Ломоть заглянул через сиденье.

– Что это у нас тут под одеялом? Ноги. Значит, с другой стороны голова.

Дышит, но в отрубле. На всякий случай добавлю снотворного.

И, как молотом, ударил кулаком по выступающему овалу.

– Вот теперь точно готова.

Бандиты вышли из машины, с шумом захлопнув за собой двери. Водитель посмотрел по сторонам. Стоянка была забита, и он, матерясь, поехал почти в самый ее конец, где транспорта было поменьше.

Удар был сильный, как и боль от него, но пришелся он не по голове.

Юля лежала, свернувшись, и из-под одеяла выпирало ее плечо. Ломтю явно неудобно было бить. Он из-за собственных габаритов так и не смог полностью развернуться. Иначе бы наверняка что-то сломал.

Юля давно слушала переговоры бандитов и надеялась, что они останутся где-нибудь в людном месте, и она попытается привлечь внимание и

сбежать. Шок прошел, и пора было переквалифицироваться из безучастной жертвы в пытающуюся себя спасти. Для начала не мешало бы перевести руки из-за спины, где они были связаны, вперед, чтобы избавиться от кляпа и развязаться.

Юля лежала тихо и слышала, как водитель пару раз спросил закурить, видимо, у проходящих мимо, потом грубо и витиевато выругался. Наконец он

вылез из машины, не забыв поставить ее на сигнализацию.

– Спасибо жадинам и никотину, – подумала она.

Надо было действовать немедленно. Ломоть не мог знать, что Юлька выросла в семье с двумя старшими братьями, и то, что они вытворяли с

младшей сестрой, больше напоминало цирк-шапито. Мальчишки издевались

над малышкой и постоянно связывали ее, играя то в шпионов, то в индейцев, не обращая внимания на жалобы сестренки и ее слезы. Так Юля научилась

освобождать себя практически из любых позиций. Гибкость была уже не та, но

тело, к счастью, кое-что помнило. Юля подтянула колени к подбородку и вытянула свя-

занные руки как можно дальше вниз. Неожиданным препятствием

стало саднящее от сильного удара плечо. Юля никак не могла до конца распрямить руки,

так как с каждой минутой плечо опухало все больше. Только с

третьей попытки, почти крича от боли и собрав все силы, она сумела просунуть

пятки сквозь образованное связанными руками кольцо. Первым делом девушка
121

вытащила сделанный из ветоши кляп. Теперь она могла позвать на помощь, но
воздержалась, так как не знала, как далеко от машины отошел водитель. Убьет
ведь сразу. Посмотрела в окно. Никого. Но, значит, и надеяться не на кого...
Зови, не зови... Значит, надо самой!

Юля разорвала зубами ленту на руках. На ногах ее закрутили плотнее
и туже. Затекшие руки не слушались, а дотянуться туда головой она не могла.
– Думай, Юлька, думай!

Девушка приподнялась и огляделась. На заднем сиденье лежала вы-павшая у кого-то
ручка. Юля перекинула свое истерзанное тело через спинку
и схватила ее опухшими пальцами. Быстрыми ударами она наделала в ленте
множество дырок. После этого уже не составило труда от нее избавиться. Схватив свою
сумку, Юля под вой сигнализации выскочила из машины и, пригнув-шись, побежала между
машинами к дороге.

– Куда? – спросил ее, как только она подняла руку, подъехавший частник. Юля еле услы-
шала свой голос:

– Ближайшее метро!

– Юго-Западная будет. Садись!

Алексей загнал своего жигуленка в ракушку и пошел через огромный
двор к дому. Проходя через детскую площадку, он увидел интересную пару, расположив-
шуюся у песочницы: молодую девушку и внимательно слушающую
ее бездомную рыжую кошку.

– А разве чтобы разговаривать с кошкой, нужно вставать на четвереньки? – спросил он.

– Чтобы разговаривать, может, и не нужно, а вот чтобы лучше понять –
непреречно.

Девушка поднялась и стала отряхивать джинсы. Потом машинально
поправила волосы.

На ее левом плече расплывался огромный синяк.

– Вы что, тигров ловили? – спросил Алексей, улыбаясь.

Что-то в этой девушке ему сразу понравилось, не говоря про миловид-ность и молодость.

Он вздохнул про себя: «В дочки годится! Куда тебе...»

– Есть животные и пострашнее тигров, – ответила девушка, удаляясь.

Алексей еще раз вздохнул и направился к дому.

Начало темнеть, когда он подошел к окну, чтобы закрыть шторы.

Скользнул взглядом по своей драгоценной ракушке и вспомнил. Обещали дожди, а замок
он не прикрыл. Вот рассеянный! Надо спуститься.

Алексей накинул куртку: вечера стояли прохладные, и вышел на улицу.

Воздух был влажным и подвижным. Поеживаясь, дошел не спеша до ракушки
122

и только хотел навесить на замок половинку заранее приготовленной пластико-вой
бутылки, как кто-то рядом громко чихнул. На скамейке у кустарника сидела
та же девушка, только без кошки.

– Вам некуда идти? – спросил как можно мягче Алеша.

– Почему? Туда. Туда... Вон туда могу, – ответила девушка.

– Но... не идете!

– Свобода выбора, – сказала она.

– Простите, но мне кажется, что ваш выбор сейчас какой-то не совсем
полезный для здоровья. Скоро от холода станете вся как синяк на руке, да еще

и заболете. Вам нужна помощь? Если да, я постараюсь помочь. Если нет – извините. – Нужна. Подальше бы отсюда убраться!

– Подбросить Вас до метро? Если же нужно дальше, скажем, в Америку, то могу предложить только редкое издание по истории инквизиции. Там есть информация, как делали в те времена метлы для ведьм. Полезные знания, когда

нужно средство передвижения, а финансы ограничены.

– Хорошо же я выгляжу! Нет, в Америку мне не надо.

Девушка наконец улыбнулась.

– Простите, глупо пошутил. Тогда знаете, что... Я нечасто приглашаю незнакомых девушек к себе домой. Поверьте. Я врач. Живу скромно, но чаем напую. – Я просто очень устала.

– Идемте со мной.

Алексей снял спортивную сумку с плеча девушки и понес в правой руке.

– Тяжеленная! Что у вас там? Золотой запас?

По пути познакомились и в дверь Алешиной квартиры вошли, уже на-зывая друг друга на «ты».

Квартирка была маленькая, но уютная и чистая.

В прихожей из мебели разместились сверкающая пустыми крючками вешалка и низкий стул.

В гостиной вдоль всей стены возвышались стеллажи с книгами. Никаких безделушек. Только несколько фотографий. Сразу видно: холостяк. Раздвижной диван, занимающий добрую половину комнаты, старенький телевизор

напротив, массивная чешская люстра под потолком и буфет с красивой посудой, расставленной явно не мужчиной. Вот и вся обстановка.

Спальня состояла из широкой низкой кровати и кресла со столиком, на котором сидел, свесив ноги, гномик – настольная лампа.

Первым делом Юля умылась и привела в себя в порядок. Когда она зашла на кухню, Алексей уже ждал ее с уложенными на гжельский поднос бу-123 тербродами с сыром и неумело нарезанной колбасой. Чай еще не закипел, но на столе стояли две веселенькие цветастые чашечки, каждая размером с пивную кружку.

– Я тоже люблю из больших пить, – обрадовалась Юля.

– Какой заваривать? Индийский из Краснодара или...

– А кофе есть?

– Простите, мадам. У нас приличное заведение. Мы такую... дрянь своим клиентам не подаем-с.

– Тогда... Английский из Китая. И поживее.

– Слушаюсь-с! Да для такого понимающего клиента. Да я...! Тебе с са-харом? – Одну ложечку, чтобы лучше заварился. И ложку заварки прямо в кружку.

– Я раньше любил с лимоном, – поделился Алеша, – но потом на несколько лет занесло в Америку. Жил в Лос-Анжелесе и снимал комнату у мек-сиканки. Одно и то же каждый день. Тоскливо. Так у нее в саду росли лимоны.

Помню, я писал своему далекому старому другу: «Лимоны лезут прямо в окно, только чаю попить не с кем». До сих пор чай с лимоном не пью, представляешь?

Они еще долго рассказывали друг другу истории из своих жизней и смеялись, да так громко, что кто-то из соседей даже постучал в стенку.

Юля чувствовала себя уютней, чем дома с этим, казалось бы, незнакомым человеком. Он был добрый, смешной и угадывал ее желания по одному

брошенному взгляду. Это было странно, непривычно и в то же время очень приятно. Когда Алеша внимательно ее слушал, Юля ловила себя на мысли, что

вот так естественно и непринужденно она не чувствовала себя ни с одним мужчиной. – Юля! Ты засыпаешь, – сказал вдруг Алексей. – Все! Принимай душ и ложись. Постелешь себе в гостиной. Там диван широкий, и тебе будет удобно.

Пойдем, покажу, где лежит постельное белье.

Он выдал ей огромное полотенце, халат и положил сверху скалку с кухни. – Это зачем? – удивилась Юля.

– На тот случай, если ты выйдешь из ванной комнаты, и увидев тебя, я стану диким и неуправляемым.

Посмеялись. Алеша быстро почистил зубы и, пожелав спокойной ночи, ушел к себе в спальню.

Помывшись, Юля распустила свои роскошные волосы и вернулась в гостиную. Пока она была в ванной, Алексей заботливо постелил ей постель.

124

Девушка посидела на краешке дивана несколько минут, думая с нежностью об этом необычном человеке, посланном ей судьбой. Улыбнулась, прошептала одними губами, как бы пробуя имя на вкус: «Алеша». И, потушив свет, тихонько открыла дверь спальни...

Юля даже не предполагала, что радость общения с мужчиной может длиться так долго. За ночь она узнала о любви больше, чем за все годы жизни с мужем. Так ее никогда не целовали, не ласкали и не называли. Только под утро, когда захлопали дверями отъезжающие на работу граждане, желание и усталость объявили перемирие, и они с Алешей, обнявшись, заснули...

– Какая она была? Расскажи, – попросила Юля, глядя на фотографию стройной женщины, стоящую под стеклом на книжной полке.

– Красивая, – вздохнул Алексей. – Умная. Предложение мое сразу приняла, не ломалась.

Прожили мы вместе два года. И знаешь, хорошо так, дружно.

Потом я, похоже, начал ее раздражать. Устаю на работе, дома хочется побыть, отдохнуть. А она молодая. Вокруг столько развлечений, и все мимо нее проходят. Начали ругаться по мелочам. Я еще тогда подумал, что, когда любят, стараются ссору при малейшей возможности потушить, а она только сильнее распалаялась. Уедет на неделю, поскучает и возвращается. Говорила, что любила.

– Да! Любила, – усмехнулась Юля. – Как любят что-то полезное: сон или фрукты, например. Чего их не любить? Настоящее чувство, оно... жертвенное.

Когда даже если сто раз прав, любимого человека оправдать хочешь и жалеешь. Думаешь: если мне сейчас плохо, то ему еще хуже. Он ведь мужчина и переживает это внутри.

– Алеш! А какой ты врач? Надеюсь, не гинеколог?

Алеша рассмеялся.

– Нет! Прямо противоположное направление. Не к началу жизни, а скорее к самому ее концу. Я врач хосписа. Многие, наверно, сразу представляют себе мужчину с бледным и благородным лицом, неутомимо бегающего с огромным шприцем от одного пациента к другому.

– А разве не так?

– Все гораздо проще. Заступаю на дежурство в субботу, а в понедельник вечером сдаю оставшихся в живых после моей заботы другому доктору.

Выхожу на улицу, сажусь в свой жигуль, если не угнали или не сняли колеса, и тащусь домой. Ничего героического.

– Да ну тебя!

– Юленька, зачем тебе о грустном?

125

– А ты думаешь, что мне только веселиться хочется? Как твоей... бывшей жене?

– Хорошо! У меня в основном онкологические и легочники последней стадии. Я пытаюсь держать под контролем все их болезненные симптомы. По мере сил и наличия медикаментов. Иногда труднее бывает не с пациентом, а с его родственниками. Нелегко поверить, что любимый ими человек умирает, и ничего нельзя сделать.

– Вот где истоки твоего терпения...

– Правильно! Надеюсь, что и для меня тоже найдется. Там, в спальне...

– Алеш! Я уже еле стою!

– Вот когда будешь еле лежать...

– Откуда у тебя столько сил?

– А вот! «Карандаш. Дыхательно-нюхательный. Эрогенный».

– Опять врешь! Ну, где там так написано?

– Тут мелким шрифтом. Ты все равно не увидишь! У тебя зрение пло-хое. Все время щуришься.

– Ты же не офтальмолог!

– Но я могу им стать, для того чтобы читать по глазам любимой женщины ее желания, но кроме одного. И не надейся!

– Ты хочешь, чтобы я начала прятаться от тебя под кроватью, и ты меня оттуда, как какую-нибудь лягушку, за ноги вытаскивал?

– Нуууу, почему как лягушку? Как... Царевну-лягушку!

– Ведь если кому про тебя рассказать, не поверят, – засмеялась Юля.

– А ты с подружками хочешь поделиться?

– Ха! Что я, дура? Для них ты будешь... так себе. – Юля наклонила голову, поправляя Алеше волосы. – Нечего рекламу создавать. Сам говоришь: женщина женщине враг! Набегут сразу... проверять. Скажу: много сексом заниматься он не может, устает, но человек хороший!

– Я буду стараться тебя не подвести, – сказал Алексей. – Только усилия, связанные с поддержанием конспирации, должны быть вознаграждены и желательно... сейчас же!

– Давай лучше вечером!

– Еще скажи: до Нового Года отложим!

– Ты сексуальный маньяк! Не меньше!

– Ну, а когда?

– В семь.

Алексей рассмеялся:

– Сексуальные маньяки по часам не работают.

126

– Я хочу кушать!

– И я... тебя хочу! Так! Аэропорт не отвечает. Захожу на посадку.

– Леееш...

– Мучаю я тебя, Юлька!

– Да что ты, Алешенька. Нормальная женщина о таких отношениях только мечтать может. Просто я не привыкла так много получать. Муж был хороший, но после ранений... и я терпела.

– Тогда, как честный человек, я должен тебя предупредить!

– Выкладывай! Я готова!

– Когда я выпью, то становлюсь ужасно приставучий...

– Больше, чем обычно? Больше, чем сейчас???

– Значительно! Ну, так пить мне или не пить?

– Пить, конечно, Алешенька! Я тебе еще подолью, дорогой! В магазин сбегая, если кончится.

– Ты вроде только вчера... жаловалась...

– Так за ночь я окрепла. Поумнела немножко.

– Тогда давай праздновать...

– Мой день рождения? Не веришь? Могу, как милиционеру, паспорт показать. Я уже пять лет, со смерти мужа, приезжаю в Москву ради этого. Хороших друзей у меня и дома нет. Подарки я давно привыкла покупать себе сама.

А тут одиночество не так чувствуется. Хуже, когда вокруг вроде свои, а по сути чужие. Давай, сходи в магазин. Я список напишу. Что хочешь на обед?

– Что приготовишь, то и буду!

– Ну вот! Выкрутился!

– Yesterday. All my troubles seemed so far away, – вернувшись из магазина, пропел Алеша, заходя с полной сумкой на кухню.

– Спасибо, Пол!

– You are Welcome!

– Леш! А почему у тебя ножи такие тупые? Ничего не режут.

– Ну, во-первых, не преувеличивай – с колбасой справляются. Во-вторых, наверно, потому, что я не женат и, следовательно, у моей жены нет любовника, который бы их точил. А это вот... тебе!

Алексей достал из-за спины букет и протянул девушке.

– И чтобы два твоих самых заветных желания исполнились!

– Почему два? – удивилась Юля.

– А ты разве не заметила, что третье желание всегда все портит? Пусть уж лучше будут два, но наверняка!

127

Потом Алексей встал перед девушкой на колени и, заглядывая ей в глаза, медленно спустил с нее трусики. Потом быстро одел.

– Видишь, как я о тебе забочусь!

Они долго смеялись, держась за животы. Отдышавшись, посмотрели друг на друга, начали целоваться и, теряя по дороге одежду, пошли в спальню.

Юля погладила Лешу по волосам.

– Лежи, а я освежусь и пойду готовить.

Через несколько минут из ванной раздался ее голос:

– А твои весы не работают! Они мне льстят. Не могла же я потерять за два дня четыре килограмма. Хотя если подумать, то на такой вкусной диете я не прочь побыть и дольше. Неудивительно, что твоя бывшая жена такая худая.

Может, поэтому она и не очень ценила твою... диету. Если только не растолстела за это время. Когда ты ее последний раз видел?

– Три года тому назад. Она останавливалась у меня проездом.

– Если она появится, то, так и знай, выключу свет и дам ей по голове самой тяжелой кастрюлей!

– Кастрюлей, да еще в темноте! Юля! Она тебе не соперница.

– Знаем, знаем...

– У меня, знаешь, еще сколько талантов, – говорил задумчиво Алексей. – Я буду потихоньку раскрываться, чтобы тебя сразу не ошеломить. Хочешь, свои стихи читаю?

– Просим!

– Уговорила! Это было легко, а вот остановить будет труднее. Риск-нешь? Юля поджала под себя ноги, устраиваясь поудобней в кресле, и кивнула. – Слушай!

Засунул пистолет в трусы я глубоко!

Улыбка дурака (с колом в руке)

Блуждает по лицу.

Уверен, что опасности в ответ,

Открыв ширинку широко...

Алексей драматическим жестом актера немого кино рванул молнию на своих джинсах вниз и простер руку с оттопыренными пальцами вперед:

– Я нужный ствол представлю наглцу!

– Ну, как?

Юлька засмеялась:

– Пакля-рвакля!

128

– Эээ, голубушка! Нет пророка в своем отечестве! Далекы вы еще от глубокой поэзии! А я, кстати, еще в институте, в анкете, которую мы заполняли для ознакомления друг с другом, искренне назвал Незнайку своим любимым художником. И поэт он неплохой. Правда, Алехандро Сердедич Птушкин все же лучше. Моей первой жене ответы понравились, и она обратила на меня внимание. –

Сколько же у тебя было жен, Синяя Борода?

– Сама посмотри... в шкафу...

– Она тоже от... тебя сбежала?

– Нет... Лена поехала вакцинировать детей в Африку. По дальним деревням. Заболела там. Когда до нее добрались, было уже поздно. Умерла Ленка!

– Прости, Алеш!

– Да что ты, милая! Человек она была легкий, светлый. Такая же и память о ней.

Ну, что...? Начнем? С днем рождения!

Через два часа оба уже так хорошо познакомились, что пришлось до-стать еще одну бутылку.

– Ты кто?

– Я – это я!

– Ты хочешь сказать, что я – это тоже я??? Так и до дуэли легко дойти может. Юлька кивнула пьяно:

– Может!

– Но стреляться с тобой в таком состоянии мне нельзя! Я буду стараться не попасть и обязательно попаду. Помина? Помина?

– Поняла, поняла! Как хорошо знать иностранные языки! А этому я от своего алкогольного отчима в совершенстве научилась. Леша! Тебе нужно в ванну... помочиться. Освежиться, в смысле. В воде!

– Хорошо! Я иду в ванну.

– Нет! Я пойду первая.

– Тогда я вторым!

– Неет! Третьим! Потому что я пойду два раза! Где мой купальник?

– О! Этого вопроса я боялся...

Через полчаса они оба уже сидели друг напротив друга в ванне, на-полненной до краев чуть теплой водой. Леша задрожал и икнул. От прилива

129

нежности Юля на коленях добралась до него и обхватила за шею. Он тут же взбодрился и сказал:

– Я уже накопался. Вези меня в спальню!

– Да не повезу я тебя!

– А чего тогда приплыла?

– Вот знаешь ты подход к женщинам, – говорила Юлька, после того как Алексей, шатаясь, но очень осторожно и бережно донес ее из ванной в спальню и положил на кровать.

И в знак уважения треснула Лешу по спине. Тут у девушки из халата выскользнула грудь. Она по привычке попыталась поскорее убрать ее, запахи-ваясь в халат, но руки не слушались.

Алексей неохотно отвернул голову:

– Не смотрю я, не смотрю!

– А чего это ты... не смотришь?

– Давай, я тебя лучше на спине покатаю, – предложил вдруг Леша.

– Я же тебя не просила!

– В том-то и дело! Я к тебе пристану, а ты скажешь себе: «Он же меня на спине хотел покатать. Как ему... не дать!»

Юлька в ответ укусила его за щеку.

– Чтобы сразу было видно, что у тебя есть женщина.

– Скорее подумают, что собака. Разве я могу после тебя на других смотреть? – Я женщина, Алешенька. Пока вокруг мужчины крутится хоть одна пара новых, неисследованных им ног, существует и риск. А таких пар вокруг тебя... Даже протрезвела сразу. А ну, иди ко мне...

– Почему нам так хорошо, Алеша? Я даже боюсь. Сколько же любви нам досталось. А ведь если мы берем, так значит, где-то убывает. Разве не так?

– Что ты, Юленька! Жизнь начинается с отношений мужчины и женщины, и значит, это основа ее. Чем больше любви, тем меньше зла. Мы ведь не ворует счастье у других, поэтому не стоит и волноваться.

– Зла, к сожалению, слишком много, – посерьезнев, сказала Юля. – Так же, как и желающих отнять счастье. Завтра у тебя дежурство?

– Да, как обычно. А ты будешь тут хозяйствовать. Первый раз без меня. Отдохнешь, подбросишь за пару дней. Хе-хе... А тут и я... налечу.

– Вот деньги. Здесь ключи! Веди себя прилично, – наставлял Юлю Алексей, уезжая утром в клинику. – Если что нужно – звони по этому телефону.

Свою трубку тебе оставить не могу – нужна по работе. На улице, как выйдешь 130

из арки – есть автомат. Скучай! Можешь плакать и рыдать. Утешу, когда приеду с работы!

– Ну, ведь не поверит никто, что такое может быть, просто не поверит, – шептала про себя Юля.

Перед тем как выйти на улицу, Юля надела очки и надвинула Алешину бейсболку на глаза. Нужно позвонить Вадиму Ивановичу. После всех происшедших событий Юля надеялась, что он еще на ее стороне. Хотя, может быть, и ему тоже не оставили выбора. Юлька понимала: дело настолько серьезно, что любая ошибка может стоить ей и любимому человеку жизни.

Купла не остановится ни перед чем, чтобы избавиться от свидетеля, а если, не дай Бог, узнает об Алеше... Ни за что не поверит, что она не рассказала ему о случившемся. Вопросы такого плана решаются кардинально, хирургиче-ски. Юля была знакома с этим уже не только по телевизионным сериалам.

Звонок на мобильный Вадима Ивановича был зафиксирован из

телефона-автомата на углу Шоссе Энтузиастов и 15-ой. Мониторинг всех звонков на телефон Крутова производился по указанию депутата, и вся информация немедленно поступала к нему. Было оставлено короткое сообщение, в котором девушка говорила, что обязательно позвонит еще. Больше ничего. В свой город она не вернулась. Это выяснили сразу. Значит, вероятней всего, притаилась в Москве и обязательно попытается связаться со своим защитником. В этом Купла не сомневался. Хорошо, что Крутов не смог ответить. Второй звонок надо предупредить. А пока к телефону-автомату была выслана группа. Машину внезапно подбросило.

– Что это было? – спросил один из задремавших на заднем сиденье парней. – Кошку, наверно, переехали, – предположил другой, бородатый, – хотя лучше бы мою тещу. Она как раз в этом районе живет, зараза, и любит лезть везде. – Хорош ржать! Все! Приехали, ребята! Указания такие. Как девка выглядит, вы помните. Особенно ты, Ломоть. Засечете – проследите. Неизвестно, если она кому чего натрепала. Босс сказал не стесняться. Выявить все контакт-ты. Действуйте.

– Что делать? Что делать? – повторяла Юля, повесив трубку. Она по-стояла еще немного в нерешительности и, увидев свободную скамейку в сквере

131

напротив, перешла дорогу и присела на краешек. – Через час еще раз позвоню.

Должен же он когда-нибудь взять трубку.

Потом ее мысли переключились на Алешу, и Юля заплакала. Она еще никогда в жизни не чувствовала себя такой счастливой. Впервые мужчина не пытался ее изменить или, еще хуже того, подмять под себя авторитетом или грубостью. Когда Сережа, ее муж, умер, многие пытались ухаживать за ней, но после того как она отшила нескольких, те, наверно, от обиды распространили про нее нелестные слухи. Поток соискателей резко прекратился. Жизнь в

маленьком городке имеет свои особенности. Женщины ее тоже не жаловали и почему-то недолюбливали. Может, потому что Юля была очень хорошенькая.

Все, что должно выступать в женской фигуре, присутствовало в нужных местах в восхищающих мужскую часть населения пропорциях. Если в некоторых случаях мужчины следуют за хорошенькой фигуркой, но, поравнявшись

и взглянув на лицо, ускоряют шаг и больше не оборачиваются, то Юля во всех отношениях была как только что отчеканенная золотая монетка: каждый был бы не прочь ее иметь или хотя бы подержать в руках.

Юля знала, что полюбила Алешу по-настоящему, серьезно! Она даже не предполагала раньше, что такие люди могут жить на свете, а не только в романах Грина и Ремарка.

А его чувство юмора? Девушка впервые в жизни так смеялась. До боли в животе. Алеша показал ей мир в светлых и спокойных тонах, без крика и драмы. Его мудрость придавала уверенности в будущем, а значит, и в себе. Он

был старше Юли более чем на 20 лет, а по взглядам на жизнь и неутомимости значительно моложе многих из ее сверстников. Все интересное, что он говорил, просто невозможно было запомнить, но одна фраза крепко засела в голове:

«Совершенно мудрый человек, – говорил Алеша, – это тот, кто называет вещи своими именами». Как будто про него сказано! Интересно, что...

Юля подняла глаза, и у нее сразу пересохло в горле. С каждым шагом набирая скорость, к ней, шаркая ногами, шел Ломоть. Юля вскочила со скамейки и по дуге, удаляясь от бандита, перебежала дорогу, отчаянно оглядываясь по сторонам в поисках хоть какого-нибудь убежища. Как назло! Сплошной ряд

магазинов и ни одного просвета. Юля бросилась к ближайшей двери. У входа висел портрет женщины, а над ним неоновыми буквами было написано: «Салон Галины Ивановны Стрельниковой приглашает вас». Вбежав в салон, она почти крикнула: «Мне к Галине Ивановне». Кто-то из девушек, не глядя, показал рукой в конец коридора.

Ломоть зашел почти сразу за ней.

– Привет, девочки! А где моя жена? Она только что сюда зашла.

– С тебя ростом, только чуть пошире?

Девчонки явно развлекались.

132

– Так она с нашим мастером, Ветровым. Сначала обнимались, потом через заднюю дверь...

Они и не догадывались, с кем шутили.

– Что вы болтаете! Еще чего и вправду подумает, – нервно улыбаясь, сказал вошедший в зал лысоватый мужчина. – Она к заведующей, я слышал.

Это в конце коридора.

Ломоть в несколько шагов оказался у кабинета.

– Что вам? – испуганно вскрикнула не ожидавшая такого визитера заведующая, накрывая газетой разложенные стопками по столу наличные. – Вы откуда? Кто пустил? – кричала она, уже осмелев, вслед выбегающему через заднюю дверь мужчине.

Юля выскочила на улицу. Сейчас она находилась с другой стороны здания, в каменном мешке, из которого был только один выход: через арку. Там ее точно ждали. Спрятаться было негде. Значит, нужно было как можно скорее бежать к Алешиному подъезду. Хорошо, что недалеко. Добежав до него, Юля, часто дыша, начала набирать код и с ужасом поняла, что напрочь забыла последнюю цифру. Как будто никогда и не слышала.

– Так! 3451. Не то! 3452...

Девушка понимала, что если она не откроет сейчас же дверь, то ...

3455. Нет! Перескочу одну... Семерка всегда была ее любимым чис-лом.

Дверь загудела и открылась. И только тут девушка увидела коряво на-царапанные, видимо, ключом цифры на стене рядом с косяком: 3457. Вот дура невнимательная! Все это время...

Юля буквально ворвалась в подъезд и захлопнула за собой тяжелен-ную дверь.

На улице Ломоть огляделся. Далеко уйти меньше чем за минуту, пока длился разговор, она не могла. Значит, в какой-то подъезд шмыгнула. Он тут же вытащил телефон, набрал номер и доложил:

– Здесь птичка. Если с другой стороны здания не выскользнула. Нет?

Значит, точно здесь! Надо пару человек оставить и все подъезды обойти. Я рас-спрошу старушек. Может, они видели, в какой вошла.

Юля понимала, что лифтом сейчас лучше не пользоваться, и медленно поднялась пеш-ком, с трудом передвигая вверх по ступенькам мгновенно

ставшие ватными ноги. Тихонько открыла дверь и, не включая свет, осторожно подошла к окну. Видеть ее на таком расстоянии, за шторами, никто не мог, но

133

чувство страха было сильнее разума. Тем более что в середине двора, чуть в стороне от детской игровой площадки, уже сидели двое крепких парней и курили, поглядывая по сторонам и скользя цепкими глазами по окнам. Затем

все внутри у Юли похолодело. К сидящим на скамейке за столиком старушкам, присматривающим за малышами, подходил Ломоть. Бабульки сначала насто-роженно слушали, что он говорил, а потом замахали руками, засмеялись и по-казали на Алешин подъезд. Ломоть сразу направился к нему. Все! В том, что

теперь ее точно найдут, можно было не сомневаться.

Юля внутренне собралась. Ничего не забыть и не оставить. Метну-лась в ванную комнату и смела одним движением в подставленную футболку

все, что с такой любовью расставила на полочке. Затем сбегала в спальню за сумкой. Вспомнив о чем-то важном, уже от двери рванулась на кухню. Там она достала с самого дна своей дорожной котомки книгу, которую всегда брала с собой в поездки и помнила почти наизусть. Перевернув обложку, Юля написала наискосок несколько слов. Ей необходимо было, чтобы Алексей знал, что он ее никогда больше не увидит, и не страдал от ненужных надежд. Всего три слова... но в них было достаточно силы, чтобы без объяснений убедить в их серьезно-сти. Затем

Юля вернулась в спальню и оглядела ее в последний раз, прощаясь.

Совершенно машинально, как она это всегда делала перед выходом на улицу, Юля достала из сумочки духи, и тут от осознания чудовищной бессмысленно-сти этого действия в данной ситуации ее пальцы разжались. Изящный пузырек

упал на ковер, распространяя по нему крупные капли так любимого Алексеем парфюма. Как во сне, девушка подняла потерявший часть своего содержимого сосуд и, закрыв его матовой пробочкой в форме женской шляпки, бросила, не глядя, к остальной косметике.

Сняв с вешалки в прихожей куртку, Юля вышла на лестничную площадку. Спокойно закрыла дверь. Быстрыми легкими шагами поднялась на последний этаж. Затем, достав из сумки носок, положила в него ключи, завязала

узлом и бросила в приемник мусоропровода. Постелила ветровку, села и стала ждать. Ломоть поднимался, пыхтя, с этажа на этаж, заглядывая в каждый угол. Юля даже слышала, как он переводил дыхание.

– Вот идиот, – не к месту подумала она. – Не мог подняться на лифте на последний и оттуда спокойненько спускаться вниз? Одно слово – спортсмен. Еще и бывший.

В эти несколько оставшихся минут она еще раз все обдумала и похвалила себя за правильно принятое решение. Если она попытается сбежать, ее все равно поймут, тогда обязательно будут пытаться. Боли она боится. Может не вы-держать и выдать. . Алексея. А так! Испугалась баба, сдалась. Чего с нее взять?!

Юля закрыла глаза и притворилась, что дремлет.

– Ну, вот ты где, – отдуваясь, выдал Ломоть.

134

Девушка вскрикнула.

– Не вздумай орать! Только хуже сделаешь. Сразу задавлю, а так хоть еще подышишь! Повторяю то, что говорил раньше. Даже если тебя возьмут в милицию, первыми там окажемся мы. Бессмысленно бегать, привлекать к себе внимание или искать защиты. Будешь вести себя нормально – умрешь без боли. Создашь нам временные сложности – помрешь смертью не быстрой, а мучительной. Вставай, пошли. На наручник куртку накинem. Нехорошо от мужа бегать, жена! Нехорошо!

Выйдя из подъезда, Юля видела, как старушки провожали ее строгими взглядами и осуждающе качали головами.

Ломоть подвел Юлю к стоящей за аркой машине и толкнул ее на заднее сиденье к развалившемуся там лысому мужику с густой бородой. Сам сел рядом и захлопнул дверь.

– Отбегалась! Что же ты такая шустрая! Из-за тебя вон сколько народа пришлось поднять, – сказал лысый..

– А ты, когда тебя убить хотят, тоже не прячешься? Может, даже и ру-башку на груди расстегиваешь, чтобы не промахнулись?

– Наглая! Кто у тебя здесь живет?

– Забрела сюда от вас подальше. Я в Москве никого не знаю, кроме Вадима Ивановича.

Лысый усмехнулся:

– Защитник твой далеко. Купла не просто так в депутаты пробился – башковитый. Отослал его подальше, чтобы не путался под ногами. А ты думала, он тебя в живых оставит после того, что ты видела? Дура!

– Много болтаешь, Хаким, – остановил его сидевший до этого молча на пассажирском сидении пожилой мужчина в черной куртке.

– Откуда код узнала, если никогда здесь не была? – быстро спросил он. – Ну?– Там, если присмотреться, одни цифры на наборе стерты больше, чем другие, да и на стене в двух местах нацарапаны. Наверно, мальчишки. Я же не такая тупая, как вы.

Юля старалась изо всех сил разозлить этих людей, чтобы поскорее увести их от дома, где живет Алеша. Любой ценой!

– Болтливая овца! – выдавил лысый.

– Тебе виднее. Ты провел в их обществе больше времени, чем я.

Хаким наотмашь ударил девушку по лицу. Еще и еще...

– Хватит, – остановил его пожилой. – Где пряталась?

– На последнем этаже, за мусоропроводом.

– Врешь!

135

– Да нет! Верно. Там я ее и нашел. Дрыхла, как бомж, и про код на стене тоже правда, – вмешался Ломоть.

– Мы ее на «поле чудес» доставляем? – спросил лысый. – Хорошо бы!

Тогда еще успеем позабавиться. Ей ведь все равно теперь. Уж больно хороша.

– Нет! Ее Ломоть с Сеней повезут. Ошибку исправлять. Уроды, – про-цедил сквозь зубы главный.

– Жаль! Спелая девка!

Хаким расстегнул пуговицу на джинсах у девушки и запустил в них руку.

– О! Трусики-то с кружавчиками!

– Как у твоего папочки...

От удара кулаком в висок Юля потеряла сознание.

– Чего, озабоченный? – повысил голос пожилой. – Ладно, Ломоть, за-бирай ее. В этот раз не упusti. Вытряхивайся, Хаким. Поедешь на моей. Не таскать же сейчас бабу из машины в машину. И позвоните, как закончите.

– Миша! Здравствуй!

– Вадим Иванович! Откуда вы звоните? Телефон не ваш.

– В Москве я, Миша. Только приземлился.

– Нам сказали, что не раньше, чем через неделю будете.

– Есть более неотложные дела. Хорошо без начальства? Не рад?

– Да наоборот! За вас сейчас Колесников со своими отморозками за-правляет. Устали мы.

– Слушай. О том, что я здесь – никому. Мне потребуется помощь.

– Что нужно сделать, Вадим Иванович?

Леша подбежал к двери.

– Сесяс ты за все зафлатишь, – говорил он с букетом, зажатым в зубах, нетерпеливо шаря одной рукой в кармане в поисках ключа, а другой удерживая сумку, полную продуктов.

– Юлька! Я подстригся! Compliments принимаются только в голом виде, – крикнул он, врываясь в дверь.

– Ты где? У меня в два раза больше опыта находить, чем у тебя прятаться. Не забывай, что я без пятидесяти лет как дед! Ну, без сорока! За сдачу без сопротивления гарантирую...

В гостиной Юли не оказалось. В спальне тоже. Алексей заглянул на кухню. Там на столе лежала книга с выглядывающим из нее карандашом.

«Жизнь взаимы» – прочитал Алексей на потертой обложке и перевернул ее. На белой поверхности крупными буквами было написано: «Прости. Забудь. Прощай!»

Леша положил книгу и растерянно прошел в ванную. Юлькиной кос-метики и мелочей, расставленных по зеркальной полочке, не было. Спортив-136

ной сумки, которая лежала все время за креслом в спальне, он тоже не нашел.

Только сильно пахло духами.

Юля открыла глаза. Крепко Ломоть ее ударил, гад. А может, наоборот, помочь хотел, чтобы не мучалась, когда засыпать начнут. Кто знает? Даже в

такой момент в силу привычки ей трудно было думать о людях плохо. Она не хотела умирать, но знала, что в этот раз ей от бандитов не уйти.

«Сама говорила: любовь жертвенна, – подумала Юля. – Значит, и правда люблю. А с этим и умирать легче».

Выдавлив широким веером воду из глинистой колеи, джип остановился.

Фары другой машины, стоящей у самого края поляны, мигнули два раза.

– Могилко-копатели уже здесь! Плохая примета – возвращаться, слышь, деваха? – сказал, смеясь, Ломоть. – А говорят: суеверия! Вот и не верь после

этого! Что-то братки не торопятся. Нам самим, что ли, ее тащить через такую грязь? Слышь, Сеня! Купла сказал: свинца ей добавить, с гарантией, чтобы не вылезла в этот раз. Живучая! Все бабы живучие.

Он, матерясь на чем свет стоит, вылез, шурясь под дождем, и, уже не избегая луж, а ступая куда придется, обошел машину. Открыл багажник и позвал напарника:

– Давай, Сеня! Возьми!

Пройдя несколько десятков шагов в свете фар, они сбросили свою ношу у свеженасыпанного холма. Прикрывая глаза от слепящих лучей, Ломоть сказал: – Принимайте клиента. Теперь ваша очередь.

Две вспышки. Два выстрела. Два эха взлетели вверх и, разбежавшись друг от друга в разные стороны, потерялись навсегда в густой листве.

За окном природа играла свою любимую мелодию летнего дождя. За-езженная миллионами лет пластинка шипела падающими на землю струями.

Очищающая грусть наполняет человека в такие минуты. Щедрый дар небес. В воде и водке на какое-то время охотно растворяются и горе, и радость, эти человеческие эмоции, неразделимые с жизнью, а вернее сказать, ей экви-валентные. Все течет, все изменяется. Только любовь остается...

Алексей стоял у окна. Тяжелые капли уныло скользили по стеклу вниз, и казалось, что природа тоже плачет.

137

сверчок

Дедушке Петру Андреевичу

Про любого встретившегося или уже знакомого ему человека дедушка всегда говорил:

– Какой хороший человек!

У него все были хорошие.

Жили мы в старом бараке, который почему-то официально назывался финским домом.

Удобства во дворе. Побеленная белилами с синькой печка. Скрипучие деревянные полы.

К зиме нужно было заготовливать дрова, а летом бесконечно наполнять водой бочки для полива огорода, таская от колонки на окраине городка тяжелые ведра...

Почему-то сейчас, когда имею «больше, чем заслуживаю» и ничего не надо делать, если сам не захочу, так тянет в прошлое...

У нас в доме, где-то за печкой, жил сверчок.

Делал он это с большим удовольствием. Всех, кроме дедушки, его громкое присутствие раздражало. Брат и я не раз безуспешно пытались найти непрошеного жильца, но тот умело избегал встречи с такими «поклонниками» его таланта, как мы. Однажды я наконец увидел сверчка на стене, застывшего в пятне света, как артист на сцене. Он играл, дед, сидя неподалеку на скамеечке, читал газету. Заметив меня, вооруженного свернутым в трубочку журналом, он привстал, сделал движение рукой, и сверчок медленно, как бы неохотно, сбегал вниз и исчез в щели пола.

– Зачем, дедуля? Я бы его сейчас...

– Пусть живет, – ответил дедушка. – Его век и без того короткий.

Так он относился ко всему живому, считая, что любая Божья тварь заслуживает к себе справедливого отношения. Потому что она пришла в этот мир так же, как и мы. И чем мы лучше? Зачем зря обижать, тем более неразумное?

В день, когда дедушка умер, сверчок замолчал...

138

три МАШИ и... ни одного Медведя

Из серии «Журавлевы»

Пока есть такие Журавлевы, сохраняется и дух России, в котором отрицательное временно, а доброе – вечно!

Торопливо спешащая куда-то, похожая на сердитую торговку туча ро-няла на поселок из своего подола редкие и крупные, как клюква, капли дождя.

Ветер раздувал полы серой юбки и шаловливым щенком безжалостно лохматил ее края. И все же это была мирная конференция природы: громы и молнии небесные силы не метали. Очень скоро тучка исчезла, как Чеширский кот, и, казалось, ниоткуда появилась улыбка радуги.

Под навесом из хорошо подогнанных друг к другу оструганных бревен вели пропахший крепким табачным дымом мужской разговор Степан и дед

Алексей. – Мне Анька сказала, но я не поверил сначала. Потом сам смотрю...

Точно! Округлилась твоя Мария. Думаю, надо спросить. Как это Степка столько лет ждал, а тут... в десятку.

– Чего болтаешь, – огрызнулся Степан. – У нас полдеревни снайперов.

Вон... Светушенки. Каждый год новый.

– Так, да не так, – возразил дед. – Они и рады бы мимо стрелнуть, да не получается. Молодые! Им хоть узлом завяжи! А твое ружьишко долго на стене висело, оттого и удивляюсь.

– Хватит, – оборвал его Степан. – Я и сам теперь вижу. Почему только последним? Сказала, главное: «Гони в город за детской коляской. Обязательно нашей, отечественной. Потом все объясню». Еще бы по радио или из прессы об этом узнал!

– Врут нам, конечно, средства массовой информации много, но не всегда, – вставил дед. – Тут недавно передачу о китайской медицине слышал. Оказывается, что за ухо где ни схватись – везде польза. Я сразу подумал: вот почему Колька у вас такой здоровый вырос. Теперь понятно. Вы его с Марьей до

седьмого класса за уши таскали. Подтверждается научный факт! Да и мимо нас батяня не прошел ни разу, чтобы не вертануть, и... посмотри, что получилось!

Так они проговорили еще недолго о разном. Потом помолчали, пожали друг другу руки, и Степан заторопился в город выполнять поручение жены.

Придя домой, дед Алексей поделился новостью со своей половиной.

Предупреждать ее никому ничего не рассказывать было так же бессмысленно, как просить траву не расти, а ветер не дуть. Любая тайна отражалась от

бабы Ани, как солнечный луч от зеркала, отскакивала от нее стремительной

139

элементарной частицей и с быстротой, нарушающей все законы мироздания, достигала ушей местных жительниц.

Начинала она обычно издали, но постепенно и уверенно доводила слушателя до затейливо спрятанной за намеками новости, которая была для нее как

положенное на ладонь свежесваренное яйцо – слишком горячо, чтобы удержать.

– Баб Ань, чего нового слышно? – окликнули старуху скучающие на лавке у магазина женщины, обрадованные появлением ходячей местной газеты.

Они ждали вечно запаздывающую продавщицу.

– Какие у нас новости! Стареем!

– А твой дед Алексей, вон, совсем не меняется!

– Да как он состарится, когда у него башка из холодильника не вылазит? Сегодня вот, правда, меньше. Степку надо поддерживать!

– А чего у Степки-то, – заинтересовались бабы.

– Я и так много сказала, – замахала руками баба Аня, порываясь уйти, но с места не стронулась, а только наблюдала, как женщины, стяхивая шелуху семечек с подолов, повскакивали с лавки и подошли поближе. Можно было начинать.

– Ой, Степка! Рассеянный такой стал. Хотя... любой бы на его месте...

– Чего, баба Ань? Не томи!

Старуха ледоколом прошла сквозь уважительно расступающуюся перед ней толпу женщин и села на лавку. Кольцо тут же сомкнулось вокруг нее, как рожь в песне о коробейниках. Ради такого момента стоило жить!

– Я думала, все уже давно заметили, – продолжала тянуть баба Аня, но, подняв голову, осеклась. По выражениям склоненных над ней напряженных

лиц она поняла, что играть со смертью не стоит, и быстро продолжила:

– Да не в Степке дело! Марью-то когда последний раз видели? – за-торопилась она и, не дожидаясь ответов, выпалила:

– Я только намекну, а там уж сами догадывайтесь. Из дома не выходит – раз, потому что живот на нос лезет. Степан за коляской в город собирается –

два! Я вам ничего не говорила – три!

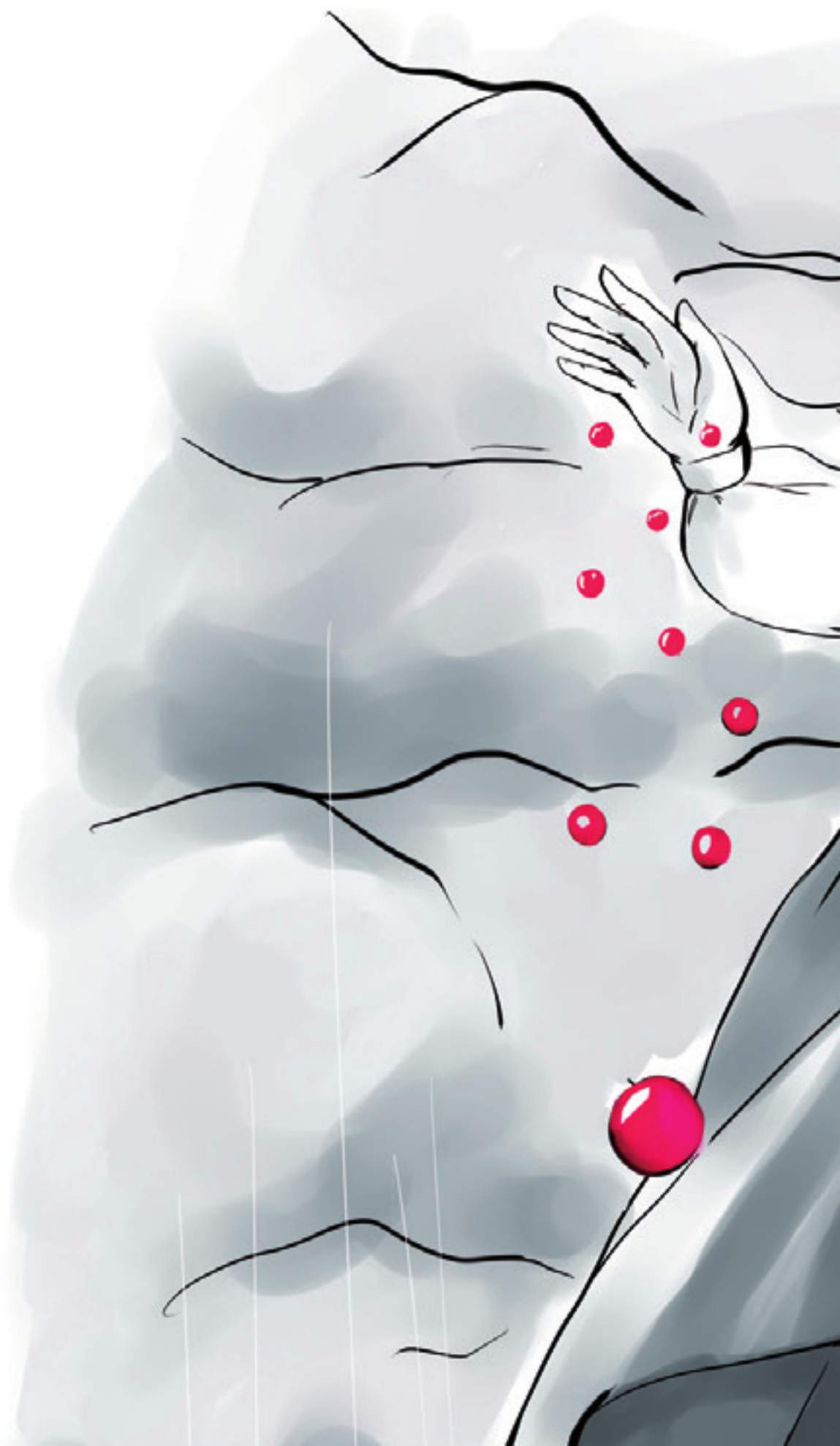
На селе народ любым новостям рад, а от такой закрутили головами, заудивлялись по-бабьи.

Всем непременно и сейчас же захотелось взглянуть на будущую мама-шу, и толпа, возбужденно переговариваясь и заметно увеличиваясь в размере

по мере прохождения по селу, направилась к дому Журавлевых. На крыльце сидел, выстругивая что-то перочинным ножиком, Колька. Увидев приближающуюся к калитке делегацию женщин, он занервничал, перебирая возможные

причины такого многолюдного посещения, втянул голову в плечи и исчез быстрее, чем срезанная им длинная стружка долетела до земли.

140

141

– Что-то случилось, бабы? – тревожно спросила Мария, спускаясь с крыльца и поправляя на ходу косынку. – Из окна вас увидела. Неужели Колька-гад опять что-нибудь натворил? И... чего это... лица у вас такие медовые?

– Давно не видели тебя, Марьюшка! Покажись народу!

Мария Сергеевна прищурилась подозрительно.

– Что-то я вас, бабы, не пойму! Кроме как на сынка моего, шкоду, жаловаться да подзаянть ненадолго, просто так ни за что не зайдете, а тут все ходячие и лентячие притащились. Петрову только не вижу, но она уж год как не встает!

– Да мы случайно слышали...

Тут все, не сговариваясь, повернули головы в сторону бабы Ани.

– Что к Журавлевым скоро журавлик в клюве что-то принесет, – выпалила за всех бойкая почтальонша.

Мария Сергеевна кашлянула, заморгала. Удивилась:

– Откуда узнали-то?

Бабы охнули! Правда, значит! Под восхищенными взглядами остальных баба Аня пожала плечами, закатила глаза, вздымая руки к небу, как бы

воскликая этим: «Ну, что я вам говорила! Разве я когда-нибудь вру?»

– Поздравляем, Марья!

Юбки окружили Марию Сергеевну со всех сторон, как инфузории-туфельки бактерию, и поедали ее глазами, даже трогали, что ей не очень нравилось, и она, отбиваясь от липких рук, выбираясь из круга, сказала нарочито

строго: – В нашем магазине все можно трогать, кроме продавца! Что на вас нашло, бабы!

Но было видно, что она рада вниманию и неподдельной женской со-лидарности.

– И Степан твой молодец! Хорош!

– И это знаете? Ну, даете! Он ведь за коляской только что поехал! Вот ведь какие таланты у нас в глубинке пропадают! Лучшего сыску в мире нет!

– Марья, ты только скажи, что надо, мы подсобим. Вот радость-то!

Мария Сергеевна, не привыкшая к таким церемониям, начала мане-ром, каким загоняют гусей в открытую дверь сарая, подталкивать пришедших

к калитке. – Все, бабы! Идите вы со своими восторгами... козе в трещину. Сами знаете – дел у меня много!

Степан попросил товарища остановить запыленную, истерзанную кол-добинами машину как можно ближе к калитке и проскочил хорошо просматриваемую территорию перед домом, «обстреливаемую» взглядами любознательных соседей, прикрывая коляску своим телом. Зайдя в комнату, он подкатил

142

транспортное средство к стене, отдышался и как можно приветливей подошел к сидящей за кухонным столом, составляющей какой-то список Марии.

– Все, Маш! Принимай хозяйство.

И отошел. Мария удивилась:

– А зачем она, узнать не хочешь?

– Да уж просветили люди добрые. Спасибо!

– Ну вот! Не сердись, Степан! Сюрприз я тебе готовила, да баба Аня, как всегда, откуда-то узнала и «Я вам ничего не говорила» по всему селу раз-несла. Ума не приложу, откуда ей известно стало? Телеграмму же мне лично в

руки доставили, когда ты...

– Откуда? – Степан раздраженно перебил жену. – По фигуре! Еще

немного, и я сам бы догадался. Вон, выпирает! Все говорят, по форме живо-та – девочка будет. А ты что, мать, думаешь? – уже спокойно и примирительно спросил он.

Мария Сергеевна открыла рот. Широко. Как в кабинете дантиста.

– Ты о чем, Степан? – выдохнула она наконец, надвигаясь на него и про-тирая пальцами линзы воображаемых очков. – Какая фигура? Машенька с дочкой прилетает! ! Коляска-то для Марии третьей. Мэри, по-ихнему. Внучки твоей!

Баба Аня, надо отдать ей должное, смеялась громче всех! Мария Сергеевна дулась некоторое время за то, что приняли ее за беременную, но потом

здрavo рассудила, что разумней будет присоединиться к общему веселью.

Дочка Мария приехала через неделю. Повзрослела, посерьезнела, но как только улыбнулась – своя, как не уезжала, хоть уже и иностранка! Машеньку на руках держит – светится! Встретились Маши посреди двора, и все три плачут!

– А коляску-то я зачем покупал? – поинтересовался Степан позже у

жены. – У нее своей, что ли, нет? Вон, смотри, какая красивая!

– Да есть, как не быть! Я подумала... Может, ихние к нашим дорогам непривычные.

И ведь права оказалась! На привезенном Машей элегантном «строл-лере», как она его называла, оба передних колеса к концу недели заклинило. На

что Мария Сергеевна заметила:

– Китай и есть Китай. Там все сейчас делают. Кроме нас со Степкой!

И-и-и... по-ка-ти-ли малышку бережные руки по русским лужкам, бугор-кам и лужицам, разбрызгивая в разные стороны кузнечиков, поднимая в пряный

воздух стрекоз и бабочек. Чтобы научилась девочка слышать дыхание трав и

пение беззаботных птиц, чтобы душа ее никогда не очерствела и с молоком

матери, выпитым на русской земле, впитала присущие нашей родине таланты: любить, ждать, прощать и верить! А с такой закваской плохим человек не вырастет, где бы он потом ни жил...

143

Мелодия, ПодАривШАя жизнь

фантастика

Сон. Что это? Отключение из розетки окружающего мира? А может, наоборот... подключение к чему-то невидимому и непостижимому для нас?

Джон Джуниор Крэг снимал небольшую квартирку-студию в бойком и не самом лучшем районе Лос-Анжелеса. Она состояла всего из одной комнаты.

Ее название менялось в зависимости от того, что там происходило. Разделение на гостиную, спальню и кухню было весьма условным, и, прогуливаясь с тарел-кой пиццы, разогретой в микроволновке, Джон безнаказанно нарушал «террито-риальное пространство» то спальни, то гостиной. Только ковер у дивана перед

телевизором высказывал свое недовольство вторжениями из кухни при помощи многочисленных гримас в виде следов от пролитого на него соуса.

Кризис подрезал Джона под самые коленки. Уволен он был неожиданно и одним из первых. Хозяин, выпроваживая беднягу из офиса и хлопая на

прощание по спине, без всякой логики называл его одним из лучших работников

и отличным специалистом. Пребывая почти в шоке, он тогда, кажется, даже покраснел

от неожиданных похвал.

Джон никогда не был экономным. Он жил в свое удовольствие. Слабые

призывы здравого смысла к бережливости легко и решительно подавлялись его

амбициями, возрастом и крепким здоровьем. Шикарная машина, отличная 3-х

комнатная квартира в Санта-Монике с видом на океан. Оттуда, естественно, пришлось съехать и вместо «Хайлендера» пересесть на почти ровесницу водителя маленькую «Хонду». Два года безработной жизни в буквальном смысле

съели все сбережения. С горы жизни он съезжал вниз, неумолимо и безжалостно набирая скорость. До самого дна осталось совсем чуть-чуть. Срок аренды студии истекал послезавтра, и его ждало убежище для бездомных где-нибудь при церкви и бесплатные обеды с толпой чокнутых ветеранов разных войн на зеленой лужайке перед мэрией. Большинство принадлежащих ему вещей было распродано за копейки тут же, на улице, у входа в дом. На полу кажущейся теперь большой комнаты лежали матрас с одеялом и пластиковые мешки с никому не нужной одеждой. Для того чтобы получить обратно залог, заплаченный при въезде, он обязан был оставить помещение пустым и относительно чистым.

Из положительного в его жизни остались только сны, резко контрастирующие своей радостью и теплотой с холодом и безжалостностью окружающей

его реальности. Фактически каждую ночь ему снилось, что он живет в красивом двухэтажном доме, окруженном высокими деревьями, с семьей, состоящей из двух мальчиков и очаровательной жены Джейн. Когда он звал ее или думал о ней, во рту почему-то оставался вкус клубники. Джон всегда любил детей, но
144

жениться как-то не успел. В его теперешнем положении выиграть в лотерею выглядело куда более вероятным, чем возможность завести семью.

Проснувшись рано утром, Джон сбегал за кофе в открытую 24 часа за-бегаловку на углу и вернулся в квартиру. Владелец, китаец средних лет, долго

мялся, не желая отдавать ему залог. Только высчитав астрономическую сумму за чистку ковра, с явным неудовольствием расстался он со ставшими уже родными вечнозелеными листками.

Джон решил сегодня же отправиться так далеко, куда сможет дотянуть его пропахшая бензином и горелой резиной старушка «Хонда». Побродил на прощание у океана, бросил старому ворчуну никелированную монетку, чтобы еще когда-нибудь вернуться. Ближе к вечеру заправил полный бак и, отсалюто-вав безразличному владельцу колонки, выехал на бульвар к фривэю.

В одном из своих последних снов он звонил Джейн с работы, чтобы предупредить о том, что задерживается. Проснувшись утром, почему-то вспомнил занятую мелодию, которая получилась, когда он нажимал на кнопки телефона, набирая номер. Джон насвистывал ее теперь на разные лады от нечего

делать, так как радио в машине давно не работало, а кассетника и тем более CD-проигрывателя в ней никогда не было. Так он и ехал, измеряя дистанцию не милями, а остановками, необходимыми, чтобы накормить пустые желудки: машины и свой. Почти к утру, когда даже очень крепкий кофе уже не помогал держать глаза открытыми, усталый странник повернул к расплывающимся перед

его усталыми глазами огням маленького городка в стороне от шоссе. У первой же заправки, встав поодаль, выключил мотор и мгновенно уснул.

Проснувшись утром без привычного клубничного вкуса на губах, Джон удивился, что спал без сновидений. Быстро умылся в туалете соседнего с бен-зоколонкой «Макдоналдса». Потом посидел немного в его зале, разглядывая

входящих людей, позавтракал булочкой с яйцом и вернулся к машине. Сев на сиденье, он достал из карманов и разложил рядом с собой всю имеющуюся наличность. Не густо. Если бы не заплатил до конца года за телефон, было бы немного больше. Пришлось! Так как он продолжал искать работу, без номера

телефона ему бы даже не могли сообщить... об очередном отказе. Грустно стало. Чтобы приободриться, Джон начал напевать приснившуюся вчера мелодию, подыгрывая себе на телефоне как на музыкальном инструменте. С нескольких попыток они зазвучали в унисон. Хотел еще раз повторить, но тут неожиданно из мобильного раздался хорошо знакомый голос. Только дрожащий и взволнованный:— Это Джейн, говорите.

И через секунду:

– Я вижу на определителе... Джон?

145

Джон от неожиданности почти крикнул:

– Да, я!

Женщина в трубке сначала расплакалась, а потом закричала радостно кому-то в сторону:

– Ребята, это папа! Джон, что случилось? Где ты? Первый раз за все эти годы ты не ночевал дома. Единственное оправдание, которое может тебя спасти, это то, что она не меньше, чем на 20 лет моложе меня! О, Джон! Любимый, что произошло?

Джон искренне ответил:

– Я и сам не понимаю. Какая-то заправочная станция. Могу попросить кассира, и он расскажет...

– Не волнуйся. Я найду тебя. Скорее дай ему трубку.

Джон толкнул захватанную руками дверь заправки, зашел внутрь и, протянув сидящему за стойкой служащему телефон, попросил:

– Объясните... как меня найти. Пожалуйста!

Тот не удержался и прокомментировал, качая головой:

– Такое случилось со мной только однажды, когда клуб «Лэйкерс» проиграл финал. Но я хоть помнил город, в котором жил. Жена до сих пор зовет меня алкоголиком. Представляю, что скажет ваша.

Он, глядя на карту, стал спокойно объяснять по телефону, у каких пунктов надо повернуть и какими шоссе лучше воспользоваться. Отмахнулся, видимо, от благодарности, попрощался и положил мобильник на стол.

– Уже выехала, с пацанами. Сколько их там у вас? Я слышал, как они лупили друг друга. Похоже, не меньше дюжины. Правда, придется набраться терпения: ехать им довольно долго. Занесло вас. Надо же так не рассчитать. Как еще не убился и не убил никого? Хотя кто знает? Новости бы посмотреть!

Через несколько часов к заправке подъехала машина. Из нее выскочила явно на скорую руку одетая женщина и бросилась к Джону. Она обхватила его за шею и повисла, задрав каблучки в воздух. Следом за ней из дверей, как десант из бронетранспортера, высыпали оружие мальчишки.

– Доктор сказал, что тебе нельзя больше пить таблетки, которые он прописал на прошлой неделе.

– Да? – удивился Джон. – Ну, если доктор сказал!

Какая из реальностей была настоящей, мозг понять не мог. Единственное, что Джон знал точно... Это была его Джейн. Ну, просто невозможно пере-путать с чем-нибудь этот вкус клубники!

146

Простите за неудобства

Посадка на самолет закончилась. Все пассажиры уже достаточно переругались, укладывая вещи на полки, и теперь, недовольно поглядывая друг

на друга, наконец заняли свои места. Александр тоже устраивался поудобнее в кресле, готовясь к длительному перелету. Он изо всех сил старался отогнать наваливающуюся на него страшную сонливость, хотя бы до момента отрыва от земли. Приятно было думать, что в такой ответственный момент безопасность полета зависит и от его сказанной вовремя молитвы.

– Как взлетим, там, в небе, можно и поспать, – думал он про себя.

Александр со стыдом вспомнил свое сегодняшнее расставание с сыном. Всю дорогу от дома до аэропорта какая-то неудержимая сила пыталась увлечь его в быстрый водоворот сна, но мысль о допущенной к ребенку несправедливости больно кусала совесть и не позволяла расслабиться.

Обидел! За что?

Мальчик боялся расставаться с отцом, когда тот улетал в команди-ровки, особенно после смерти матери. Всегда жался к нему во время сборов.

Сейчас Александр люто ненавидел себя за то, что, погруженный в свои мысли, он грубо оттолкнул сынишку, и ребенок отлетел в сторону, испуганный и несчастный. А тогда, в спешке, папаша этого даже не заметил. Более того, от-ругал мальчика, чтобы тот прекратил капризничать и не мешал! На прощание, поцеловав, сказал только:

– Слушайся бабушку!

Какой он после этого родитель!

Народ на этот полет собирался какой-то нервный. Это Александр отметил про себя еще при регистрации, услышав случайно, как капитан воздушного экипажа ругал за что-то бортпроводницу. Единственными цензурными словами в его речи были: «Ты у меня летаешь за границу!» и «Пошла вон!».

В салоне царило напряжение, сравнимое разве только с возбуждением толпы перед дракой стенка на стенку. Пассажиры были почему-то раздражены и недовольны. Экипаж не уступал им в грубости и, не стеснясь, громко

переругивался между собой. Действующий на нервы, громкий, разноязычный разговор заполнял все пространство вокруг. К нему добавился звук набиравших обороты турбин. Захотелось удалиться от всего этого шума. И тут внезапно на Александра навалился тяжелый сон, окутывая его, как коконом. Расстроенный отец только вздохнул и перестал сопротивляться...

Во сне перед ним появился какой-то вежливый человек неопределенного возраста и заговорил:

147

– Ну, наконец-то! На честных людей с живой совестью иногда можно потратить невероятное количество энергии и... впусую. Вы были так искренне расстроены, что нам, невзирая на неоднократные попытки, не удалось предотвратить вашу посадку на этот рейс. Приносим извинения за доставленные неудобства. Но, как бы сказать помягче... самолет этот... скоро разобьется. Если

вы оглянетесь вокруг, то увидите, что эти люди, включая экипаж, оказались здесь неслучайно. Они собирались нами вместе достаточно долго и полностью заслуживают того, что произойдет. Поверьте! За исключением вас. Накладки случаются даже и... в нашем департаменте. Поэтому я должен дать вам инструкции о том, что нужно сделать, чтобы спасти свою жизнь. Слушайте внимательно и запоминайте. Когда вы заметите, что из двигателя на вашей стороне

повалит дым, пройдите как можно быстрее в хвост самолета. Там у аварийного выхода, вы увидите...

Александр открыл глаза. Усмехнулся, вспомнив увиденный сон, взглянул на часы и потянулся. Только взлетели, а инструкцию тот человек читал не

меньше получаса. Как это в снах получается? Хотел попросить стюардессу, ру-гающуюся рядом с каким-то пассажиром, принести воды, но передумал. Вместо этого повернул голову и посмотрел в иллюминатор.

Из двигателя на его стороне валил дым....

148

любовь без ПрАВА ПередАчи

Жизнь Кристофа Божена не отличалась высокими взлетами или глубокими падениями. Скорее была самой обыкновенной. Ложился спать и вставал

он с похвальной пунктуальностью банковского служащего, который всегда должен быть хорошо отдохнувшим, чтобы усердно выполнять свои обязанности.

Он рассматривал процесс продвижения вверх по служебной лестнице как не-предсказуемо долгий и неторопливый. «А вот упасть с любой ступеньки и потерять работу можно в миг», – думал он и очень этого боялся. Типичная философия мелкого обывателя. Все изменилось, после того как одним дождливым

вечером его машину на пути с работы домой протаранила в бок допотопная «Вольво». Первый раз это приснилось ему в ночь после операции. Но можно ли назвать сном то, что с момента, как он закрыл глаза, и до пробуждения Кристоф проследил весь день чужого и незнакомого ему человека. Прожил его, наблюдая за ним, минута за минутой. Вплоть до отхода того ко сну. Он даже

чувствовал запах дорогого одеколона, когда мужчина брился, и дымок от пере-жаренных яиц на сковородке во время приготовления им завтрака. Редко до

взволнованного наблюдателя со страшными искажениями доходили звуки, но чаще – монотонный шум, как от бегущего по железной крыше дождя. Сначала

Кристоф хотел посоветоваться с психиатром, но передумал, разумно согласившись с собственным доводом, что начальству банка может не понравиться идея

держат работника, который видит по ночам что-то, помимо снов.

Как человек рассудительный, Кристоф решил исследовать феномен и не паниковать раньше времени. Он стал экспериментировать со своим сознанием во время сна, пытаясь понять, насколько оно свободно и до какой степени

управляемо. Через несколько дней он установил, что, засыпая, сразу появля-ется рядом с этим человеком, как мыльный пузырь из соломинки; может мгновенно приближаться или удаляться от объекта на лимитированное несколькими

метрами расстояние, вверх или в стороны; он связан с ним невидимой пупо-виной; и, как ни старался, не мог переключиться ни на один другой объект. Не

только переключиться, но даже выйти из зоны его притяжения, став как бы по-стоянным спутником или... воздушным шариком на веревочке в крепко сжатом кулачке ребенка.

Его сознание могло обозревать все вокруг необычайно острым зрением.

Еще у них было временное смещение на 3 часа, как в разных часовых поясах. Этот «ребенок», таскающий за собой «шарик», оказался страшным бабником.

149

Каждое утро, открывая глаза, Кристоф чувствовал себя отлично. Бурлил энергией и бодростью. Раньше скромный клерк не пользовался большой

популярностью среди коллег или друзей. Ситуация изменилась, благодаря

тому что он проводил теперь столько времени с необыкновенно коммуника-бельным и, надо отдать должное, приятным человеком. Кристоф стал удачно

копировать элегантно обаяние Жюльена Паскаля, так звали незнакомца – его

жесты, непринужденную манеру разговора. Имя своего ночного босса, или, лучше сказать, «планеты», в спутника которой он неожиданно превратился, Кристоф узнал из таблички на его рабочем столе. Женщины, которые, казалось, раньше даже не смотрели в сторону скромного служащего, теперь соревновались в изобретательности и остроумии, чтобы обратить на себя его внимание.

Кристоф оказался хорошим учеником. Переняв стиль Жульена разговаривать с начальством уверенно, уважительно, но без подбострастия, он через полгода получил должность, которую добиваются обычно несколько лет. Если учесть неплохие рабочие и умственные способности Кристофа, его карьера, вне сомнений, была на взлете.

Надоело писать о себе, как о незнакомце. Я Кристоф Божен! И это мой дневник. Он должен помочь понять, почему я в конце концов отказался и от карьеры, и от жизни в привычном смысле... Почему решился... Самое интересное стало происходить через год после начала ночных бодрствований. К Жюльену переехала жить молодая девушка, скорее всего сестра. То, что это не любовница, было очевидно. Женщины, заглядывающие к нему в гости, снимали в его квартире... не только обувь! Ни одна «юбка» не уходила от него с той же аккуратной и уложенной прической, с какой пришла. Эта же девушка, на которую можно было, не уставая, любоваться часами, целовала Жюльена в щеку и спала в соседней комнате одна! Кристоф мог приближаться к ней близко-близко и вдыхать запах ее волос. То, что он чувствовал запахи, но не мог различать звуки, было для него не более странным, чем все остальное из того, что происходило. Он специально ложился пораньше, чтобы видеть, как девушка сладко просыпается, как сбегает струйки воды по ее смуглой коже, как разбиваются капли, отскакивая от твердых, цвета мореного дерева, сосков.

Девушка страстно любила рисовать и так же, как ее брат, была спонтанна и непредсказуема. Убегая куда-нибудь рано утром, она оставляла для своего обожаемого родственника забавные рисунки на поверхности зеркала. Восхищаясь всем, что касалось сестры Жюльена, я попытался повторить как можно ближе к оригиналу те сюжеты, которые сумел запомнить. Моим каракулям, естественно, не хватало профессиональной легкости, которая была у девушки. Тем не менее, купив под улыбочивым взглядом продавщицы красную помаду, я изобразил на

150

своем зеркале подсмотренные у Люси фигурки, со всем усердием, на которое был способен. Предполагал ли я, что мои «наскальные рисунки» приведут к целой цепи невероятных событий...

Ложиться спать в определенное время стало привычным, и, проявляясь в квартире Жюльена, я знал, что произойдет там в ранние часы, с большей или меньшей вероятностью. Утреннее пробуждение не отличается разнообразием, но это утро не было похоже ни на одно. Жюльен взволнованно ходил по комнате, время от времени указывая невидимому собеседнику на зеркало в прихожей, исписанное текстом сверху донизу. Приблизившись, я с открывающимся все шире и шире ртом, прочитал: «Здравствуй, Кристоф! Я тоже в шоке!

Узнавал, признаюсь, многие из своих жестов, но никогда бы не догадался, пока не увидел, как ты рисовал на зеркале то, что могли знать только я и моя сестра! Я путешествую с тобой уже несколько лет. Как давно это началось у тебя? Где ты живешь? Готов ответить на твои вопросы. Задавай!»

Что я испытал? А вы... читая?

Жюльен посидел на полу, думая о чем-то, и через некоторое время

написал еще одну фразу:

– Надеюсь, ты здесь...

Заговорщически оглянулся по сторонам и дописал:

– Как тебе моя сестренка, Люсьена? Не влюбился еще?

Потом стер последние строчки, улыбнулся своей обаятельной улыбкой и подмигнул!

Времени, чтобы все обдумать и проанализировать, у меня не было, а

тут тем более пришла очаровательная художница.

По ее сдержанным жестам я понял, что она в курсе событий и спрашивает брата, могут ли я их слышать. Тот ответил, и девушка, показав кулак, по

всей видимости, мне, пробежала в ванную.

Самое главное, мы теперь могли общаться!!!

Еле дождавшись ближайшего выходного, я вылетел в Клермон-Ферран, где, судя по ответу на зеркале, проживали Жюльен с сестрой. Я узнавал эти улицы, по которым бродил столько раз со ставшим ближе, чем родной

брат, Жульеном и... не узнавал. Газетного киоска здесь никогда не было. На этом углу мы всегда покупали вино, а сейчас там висело название ювелирной лавки. Поднявшись быстро по лестнице на второй этаж, я с трепетом нажал на звонок. Дверь открыла маленькая девочка. Слышно было, как стучали ее ту-151 фельки, когда она бежала. Здрав свою курчавую головку, малышка смотрела на меня и улыбалась. Тут же недоверчиво и осторожно выглянул средних лет мужчина, одетый в пижаму. Спросил сдержанно о цели визита. Я объяснил.

– Не живут здесь такие и никогда не жили, – сказал жилец, успокаиваясь. – Удачи в поисках.

Захлопнул дверь, а с ней... и мою мечту. Спустившись на улицу, в со-вершенном смятении я написал веточкой на песке, обращаясь к Жюльену:

«Вы, оказывается... не существуете».

Заснув и проявившись утром в квартире Жюльена, сразу же ринулся к зеркалу. Там было написано: «До тебя подобное уже проделал я. Не удивляйся... Ты тоже не существуешь! В этом вопросе все, похоже, зависит от точки зрения наблюдателя. Давай подумаем вместе, как облегчить нашу жизнь. Я знаю, например, как помочь тебе».

Оптимизм, которому я только начал учиться у Жюльена, был в нем неисчерпаем. Под улыбающейся рожицей и детским рисунком мальчика и девочки он приписал:

– Попрошу Люсьену чаще составлять мне компанию. Ты ведь этого хочешь, не так ли? Мы теперь как сиамские близнецы и должны заботиться друг

о друге. Моя сестра – чуткая и нежная душа, уже переживает за нас обоих. Я сказал ей, и не возражай, что...

Тут поле зеркала кончилось, но я с радостью увидел стрелку, указывающую на надпись под зеркалом на полу: «В гостиной у окна». Проследовал

туда и увидел Жюльена с черным учительским фломастером в руке, дописывающего строки на высоком белом пластиковом щите. «Что она тебе нравится», – возобновил я чтение.

– Вот ведь! – подумалось. – И не знаешь, радоваться или... Конечно, радоваться, кретин!!!

Я вернулся к написанному. Далее Жюльен сообщал, что давно нарисовал для Люси мой портрет. По ее просьбе. Он и раньше много рассказывал ей

обо мне, как о своем далеком друге. Ему кажется, что Люсьена даже одно время была втайне в меня влюблена. Часто расспрашивала, просила пригласить в

гости. Теперь, когда она узнала, кто я на самом деле, она растерялась, но попросила брата дать ей возможность со мной пообщаться.

Так мы начали, как по электронной почте, оставлять на импровизированных дисплеях, в которые мы превратили зеркала, свои сообщения. Мы

152

понимали, что никогда не встретимся, но писали изумительные по искренности, полные любви письма. Люси стала для меня той девушкой, про которую

я мог сказать, что она мне дороже собственной жизни. Жюльен, посмеиваясь, передавал сестре на словах мои письма. Иногда он перевирал их содержание, чтобы подразнить меня и насладиться моим ужасом и отчаянием. Потом исправлял ошибку и весело смеялся, как мог это делать только он.

Наши отношения с Жюльеном переросли понятие обычной дружбы.

Места, неприятные для посещения любой из сторон, уважительно избегались.

Мы не просто великолепно понимали друг друга, но искренне сопереживали всем радостным или грустным событиям, случавшимся с нами. Незримо присутствуя на них, мы могли наблюдать, оставаясь незамеченными, за всем, что происходило вокруг наших «планет». Ограничений и преград, за исключением невозможности выхода за пределы «орбит», не существовало. Стены помещений при их прохождении ощущались, как сгустки тумана. Были и другие выгоды.

Однажды Жюльен заметил, как один из моих сотрудников, пока я что-то копировал в соседней комнате, осторожно вошел в мой офис, вытащил из висевшего

на стуле пиджака портмоне и, выловив несколько крупных купюр, быстро и незаметно удалился. Он, конечно, не мог предположить, что у меня есть такой

бдительный ангел-хранитель! Я дал воришке выбор: быть уволенным или уйти самому. Он выбрал последнее, кляня незамеченную им камеру слежения.

Вы спросите... Как чувствует себя индивидуум, который никогда не

спит? Представьте, что сутки длятся 24 часа, но усталости совершенно нет.

Одну треть этого времени, ночную, я проводил, созерцая новую, необычную обстановку, и упивался возможностью летать. Много находил интересного в чужих

подсмотренных жизнях и с любопытством наблюдал, как в бесконечном сериале, за развитием событий. Также с увлечением читал. Идея, конечно, принадлежала Жюльену. Следовать за мной на работу и висеть под потолком офиса

день за днем для такого деятельного человека, как он, было невыносимо. Вот он и придумал, чтобы я приобрел древний, программируемый автоматический переворачиватель книжных страниц для парализованных. Предварительно он заказывал мне книгу для прочтения, и я брал ее, если находил, в библиотеке.

Его идею быстро перенял и я. О некоторых названных им авторах ни я, ни электронная система поиска никогда не слышали. То же случалось и с моими заказами. Сотрудники, заглядывающие в наши офисы, развлекались, глядя на подобное чудачество. Мы отговорились тем, что ритмичный шелест благотворно

влияет на нервную систему. Такого простого объяснения обывателям хватило, чтобы быстро потерять интерес к нашим странностям. Шелестели страницами

прочитанные книги, бежали дни, недели, месяцы.

153

Когда у Жюльена был выходной, мы проводили его вместе с Люси. Она знала, что я нахожусь рядом, и писала мне на купленной в магазине школьных принадлежностей маленькой, почти игрушечной доске. Скоро я отлично научился читать по ее губам, и она подолгу разговаривала со мной, рассказывая о себе и задавая вопросы, на которые я потом отвечал через Жюльена.

Он натренировал себя специально для этой цели запоминать длинные тексты, написанные мной, и потом наговаривал их на диктофон, чтобы

любимая сестра могла прослушать их в уединении и не по одному разу. Только по письмам можно влюбиться в человека до потери рассудка. Это случилось с людьми не раз в прошлом, случается и в настоящем. Я давно был безнадежно влюблен в Люсьену. Теперь и она признавалась, что не представляет своей жизни без моего в ней присутствия.

Как-то осенью Жюльен написал мне крупно:

– Нам надо серьезно поговорить. Настройся. Это не очень приятно.

Будь точно в 6 часов. Можешь... раньше.

Я встревожился, думая почему-то, что разговор зайдет о Люси. При-готовился читать его губы, но он сначала написал:

– Подожди. Я отошлю Люсьену за покупками.

После того как сестра, быстро собравшись, вышла из квартиры, он по-дождал несколько минут... И только потом медленно произнес:

– Вчера я не следовал за тобой. Всю ночь из-за страшных болей в животе пришлось провести в больнице. Туда меня забрали прямо из офиса. Дежур-ный врач сказал, что это очень серьезно. Возможно, рак.

Сделал паузу.

– Поэтому не удивляйся, что сегодня вместо работы мы посетим онко-лога. Я должен был тебя предупредить. А Люсьена пусть... пока не знает. Ей я соврал, что всю ночь играл в казино. Она даже не удивилась.

Тут мой друг рассказал мне, сменив тему, пару забавных историй о

сестре. Вскоре появилась и Люси – радостная, нагруженная пакетами с покупками.

Жюльен помог уложить продукты в холодильник и засобирался.

По тому, как грустно разводили руками специалисты, было понятно, что новости не из приятных.

На следующий день из-за корпоративной вечеринки я не смог присут-ствовать на заклю-чительном консилиуме. Мой друг написал, чувствуя, что меня не было рядом:

– Врачи дали мне меньше 6 месяцев.

154

Он не поддавался отчаянию. Трезво и внешне спокойно отнесся к при-говору и только сказал:

– Времени мало, а столько еще надо успеть!

Он завел секретный (от сестры) список, в котором отметил то, что необходимо было сделать. Скрупулезно вспомнил даже самые маленькие долги

и без промедления раздал. Побывал на могилах родителей и оплатил услуги по уходу за участком на несколько лет вперед. Посетил своих старых друзей и приятелей. Переписал все имущество на сестру.

Врач ошибся. Жюльену стало хуже значительно раньше. Морфин в таблетках перестал помогать от страшных болей, и Люсьене пришлось отвезти брата в больницу. Оттуда в отделение хосписа. Люси не отходила от него ни на минуту. Она дремала в кресле рядом с кроватью. Просыпалась от любого шоро-ха. Даже в этой ситуации Жюльен не изменил себе. Он прикладывал огромные усилия, чтобы не спать днем и не лишать любимых им людей возможности быть вместе. Я мучился невыносимо от своей беспомощности, видя страдания друга и любимой женщины.

Люсьена с ужасом смотрела в пространство перед собой, в котором просила меня постоянно находиться. Она хотела знать, что я с ней.

Я был там, когда Жюльен умер. Заплаканное лицо Люси внезапно задрожало, и все исчезло. Как будто во Вселенной потушили свет...

Надеюсь, что тот, кто прочтет мой дневник, поймет, почему я сделал этот выбор. Почему отказался от карьеры и от жизни в привычном для вас смысле... Почему выбрал сон вместо бодрствования. Приборы будут снабжать мою кровь необходимым количеством снотворного и питания, и я буду спать в этой частной клинике до тех пор, пока не найду Люси в своих снах. Жюльен был ей родным братом, и существует шанс, что я встречу ее. Так же, как когда-то встретил ее брата. Даже если этот шанс один из миллиарда...

155

невозвращенец

фантастический рассказ

Приезжал отец...

Я познакомил его с ребятами. Он вел себя как пацан. Оробел. Пялился на них, мычал что-то. Я просто удивлялся: и это мой героический папашка, который никогда за словом в карман не лезет?

Вечером, когда мы сидели на лужайке моего загородного дома, он сказал, что искренне рад моим успехам, но на родине таких, как я, зовут невозвращенцами. Я даже расстроился. Кому мы сделали плохо тем, что нам сейчас хорошо?

Я вот что скажу!

Бегут обычно не от хорошей жизни, хотя по-всякому, конечно, бывает.

Первый раз я это сделал по глупости, второй – на спор (святое дело!). Ну, а третий... Судите сами... А вообще лучше по порядку.

Первый раз я сбежал из дома в прошлое в пятом классе, когда у отца появилась молодая подружка. Он все с ней, да с ней...

Обидно стало. На такой допотопной машине времени рванул, что отец думал, ее уже не завести, и бросил ржаветь. Модель была старая и дотягивала только до начала столетия.

Плотность присутствия «наших» там невероятная! Что поделаться: на новые машины не хватает, вот и путешествуют, куда смогут добраться. Такая скученность, что только начнешь обустроиваться, свое будущее создавать, как выскакивают «современники» и давай изо всех сил мешать. Шагу не ступишь, чтобы не натолкнуться на «своего».

Второй раз я удрал на новой отцовской машине с приличными, судя по документации, ходовыми данными на следующий день после окончания школы, совпавший с моим двенадцатилетием. На спор, что смогу спуститься на десять столетий и посмотреть Ледовое побоище. Большая дальность пробега – качество для машины времени неоценимое. А то застрянешь там, куда дотянешь на одной зарядке... Скажем, в семнадцатом веке.

А сколько Мерлинов и предсказателей на квадратном километре жить может? Конечно! Конкуренция. Едешь за простой и здоровой жизнью, а попасть можешь... на костер. Наша полиция ведь только богатеньких спасает. А с такими, как мы, «бегунами», если что случилось – сам виноват и помощи не жди.

Вернули меня через неделю, и отец новую антиугонку поставил.

Пришло время, когда в каждой семье появилась одна, а то и две частные машины времени.

Поначалу каждое путешествие было событием. Потом люди стали проводить в прошлом выходные, как на даче, за фруктами без пестицидов го-156 няли. Дальше – больше. На продукты из других эпох перешли. Столько людей

тогда из-за этого без работы осталось! Вот и рванули многие назад в поисках лучшей жизни. Сейчас уже и не поймешь, кто где живет.

Почему поначалу путешествовали только в прошлое? Это нам в школе на времялогии во втором классе объяснили (тогда же, когда и лекцию о безопасном сексе ввели). Оказывается, путешествие в прошлое происходит в одном направлении, как бы по стволу дерева, вниз. Что бы мы там ни делали, наше будущее от этого не меняется. Даже если какой-нибудь дурак задумает Наполе-ону дырку в голове сделать из снайперской винтовки, то наша история от этого не пострадает, а вот их пойдет по совершенно другому пути, о котором мы и не узнаем. С этого момента появится новая ветка будущего, и все там будет происходить, не пересекаясь с нашим настоящим. Потом выяснилось, что кое-что все же меняется, но было уже поздно. Через несколько лет использования машин средю времени так замусорили и загадили, что нетронутых эпох совсем не осталось. Самые лучшие из них, поспокойней и подальше, разобрали те, что из правительства и с денежками. Таким везде хорошо! Гоняют туда-обратно. За-боры временные поставили и наслаждаются жизнью. Воздух там чистый, рыбки икру без ртутного отлива мечут. Отдохнут в заповедном, элитном времени, на-дышат рожи красные и давай учить других граждан, ... как надо жить. Говорят, есть еще какие-то там другие измерения, куда наш народ еще не лазил, но это все больше в умах фантастов и чудаковатых ученых. Я думаю, брехня!

Был период, когда все ринулись в прошлое, и страны опустели. Народ перестал возвращаться. Потом из прошлого народ других эпох повалил на краденых машинах. Прямо бедствие какое-то стало! Поедет семья, скажем, Фермопильское сражение посмотреть, а у них средство передвижения и уведут.

И застрянут они там, пока родственники не всполошатся. Пришлось полицию времени организовывать, законы новые, чтобы стандарты времени поддерживать и восстанавливать, после того как, к примеру, Пушкину на дуэли хотели

«Беретту» с лазерной наводкой подсунуть или Спартака перед боем водкой на-поили. Обязательной стала регистрация по прибытию в прошлое. Куда, к кому, насколько? Чтобы в случае чего... найти было легче.

Понатыкали этих регистрационных пунктов в каждом десятилетии. В некоторые периоды, такие, как Первая и Вторая мировые, Ближневосточная, вход совсем запретили.

Наконец появились двухтактные машины. И в прошлое, и в будущее.

Они к нам, мы к ним. Прогресс! Но в будущее народ не очень рвется. Осторожный стал. Прошлое все же понятней. Знаешь, что ожидать.

Чистенько. А в будущем, чего там хорошего? Дышать нечем. Если уже из настоящего бегут.

158

Отец всегда говорил, что я ни на что не способен. Только по времени на родительских машинах с друзьями болтаться. И я решил доказать ему, что болтаться можно и с пользой.

С детства я обожаю ударные инструменты. Даже когда отца направили на работу в средневековую Францию, я развлекал себя до головной боли игрой на корытах и горшках в принадлежащем нам замке. К рекомендации не замусоривать прошлое предметами нашего настоящего мой папочка относился серьезно и не позволял мне иметь даже простенькую ударную установку. Сам же втихаря всегда таскал запрятанный в секретном кармане плеер с музыкой его (хе-хе) эпохи. Все взрослые такие. Говорят одно, а... Однажды на выходные отец взял меня с собой в Ливерпуль на концерт его любимых «Битлз». С тех пор я тоже подсел на их музыку!

Так мне и пришла в голову идея стать одним из Битлов. Много лет прошло с тех пор. Историю «Битлз» я знал, пожалуй, не хуже самих музыкантов.

Точнее, даже лучше. Так я сбежал в третий раз. Готовился долго и тщательно.

Копил. Поселился в 1958 году, в Ливерпуле. Так близко к настоящему меня никто не искал. Решение, кого заменить в четверке, было нетрудным. Талантом Маккартни и Леннона я не обладал. Гитарные партии Харрисона любил, но повторить бы не смог даже под гипнозом, а вот Ринго... С чувствами ритма и юмора у меня все было в порядке, да и с носом, спасибо папе, тоже. Пришлось, конечно, потрудиться, особенно над тем, чтобы сдержаться и не выдать что-то революционное. Ведь я «всю историю рок-н-ролла» переиграл. Сделал так, чтобы Ринго с ребятами никогда не встретился. Сам же все время с ними крутился и даже замещал пару раз Пита Беста, когда тот заболел или серьезно

опаздывал. Неудивительно, что предложение играть с «Битлз» получил именно

я. Потом были концерты по всему миру, популярность. Мне удалось предотвратить встречу Джона с Йоко, и сейчас у него хорошенькая вьетнамочка, что самое главное, нормальная.

Заканчиваем запись нового альбома, созданного сразу после «Let it be». Вернулись к концертной деятельности, расходиться не собираемся. Счастлив ли я? Конечно. Только вот одно событие, случившееся недавно, сильно

подпортило мне настроение. Мы отдыхали после концерта у себя в отеле. Даже через закрытые окна доносились восторженные крики толпы, всегда поджидающей нас у входа. Курили и просматривали выборочно от нечего делать то, что передавали и посылали нам поклонники. И тут вдруг Джон, прочитав записку, спрашивает вслух, пожав плечами:

– Ребята! А кто такой Ринго?

Я взял у него из рук бумажку и увидел написанное на ней крупными буквами: «А Ринго все же играл лучше!»

Ну, как тут не жаловаться на замусоренность времени!

159

НАМ не дано ПредугАдать... как вреМя нАШе отзовется

Господа, любящие читать наискосок... Не тратьте время. Это детек-тивный фантастический рассказ. Упустив деталь, трудно будет понять целое...

«Не играйте, дети... со временем... особенно в песочных часах», «Три дня в минуте прошлого» (Из газетных заголовков того времени).

С высоты пятидесятого этажа Лос-Анджелес выглядел как мусор, вы-сыпанный из корзины на расчерченную квадратами зеленую лужайку. Джон переехал на голливудские холмы из Аризоны. После ухоженных, как собственный

двор, улиц восточного Феникса этот калифорнийский город вызывал у него ассоциации с давно забытой о гигиене молодящейся старухой. «Город немых

Ангелов» – так он прозвал его с первого дня.

200 миллионов долларов и 5 лет напряженной работы в виде огромно-го, как будто приготовленного для гигантской рождественской елки, сверкающе-го шара, опутанного гирляндами кабелей и проводов, возвышались в середине

комнаты, залитой ярким искусственным светом. Об отсутствии в помещении окон Джон шутил:

– Как в казино! Чтобы не за временем наблюдали, а... занимались делом! Хотя противоречивость каламбура была налицо. Создавая машину времени, о нем не думать очень трудно.

Джон, получивший свое состояние от удачно и вовремя вложенных его

отцом акций Майкрософта, безжалостно тратил его на науку.

Последний этаж, на котором располагалась лаборатория, имел даже

свой собственный грузовой лифт, который постоянно доставлял заказанные на

заводе в Детройте тяжеленные металлические зеркала в форме полусфер. Несколько техников работали с ними каждый день, создавая по появляющимся

в ходе экспериментов чертежам Джона, различные комбинации переменного магнитного поля, варьируя скорость и углы вращения десятков сверкающих

оболочек шара. Людям, проявляющим творческую смекалку и интерес к делу, умеющим

спорить, отстаивать свою точку зрения и возражать признанным авторитетам, работать с Джоном было легко. Молодых ребят, выпускников разных университетов, лично набранных им, не

надо было этому учить. А других

он не держал.

31-го декабря, отправив всех сотрудников с роскошными подарками

домой, Джон остался в лаборатории только со своим неизменным помощником

Грегори. Тянуть с экспериментом было нельзя. Сегодня он должен состояться.

160

Во-первых, все для него подготовлено. Во-вторых, скандал из-за пострадавшей

почти по всему зданию электронной аппаратуры во время предыдущего опыта

и начатое по этому поводу разбирательство вынуждали поторопиться. За ними

неизбежно последуют иски и замораживание работ. Меньше всего Джон хотел

неприятностей до получения им реальных положительных результатов. А там...

Победителей не судят! Была еще третья причина. Джон патологически не умел

проигрывать и не хотел, чтобы еще хоть кто-то мог оказаться свидетелем его

возможного поражения. И особенно... особенно... милая секретарша Джойс, в

которую Джон влюбился с момента, как услышал стук ее каблучков, спешащих

на интервью. Единственный вопрос, который он сумел задать, увидев ее, это

когда она сможет приступить к работе.

С первого дня появления девушки Джон начал неловко за ней ухаживать. Видя его пылающий интерес, остальные молодые люди отказались от попыток вступить в борьбу за сердце

этой интересной дамы. Они любили своего

босса – эксцентричного, но очень талантливого человека, щедрого, веселого

и бесконечно увлеченного своим делом. Да и по тому, как Джойс принимала

ухаживания, было видно, что ученый нравится ей не только своим немалым

состоянием. Она не встречалась ни с кем, кроме Джона, хотя, увидев девушку, нетрудно было догадаться, что с такой внешностью воздыхателей у нее хватало. Время шло, но ученый, казалось, не торопился расставаться с холостяцкой

жизнью, хотя за глаза Джойс уже давно называли «мисс Денвер». И вот наконец за неделю до эксперимента Джон по секрету сказал Грегори, что если все пройдет удачно, он собирается сделать Джойс предложение.

Свист вращающихся оболочек перешел в понижающийся с каждой секундой гул. Конструкция перестала вибрировать и замерла.

Выбравшийся из шара Джон не выглядел счастливым. Сидящий в кресле помощник не торопился, хотя умирал от нетерпения. Ждал.

– Да, – только и произнес наконец Джон. – Похоже, мы ошиблись. Одно дело кошек с собаками посылать, другое... Ни черта там нет!

– Как?

– Расчетное время в координате перехода... должно быть...

– 11 утра!

– Правильно! Это значит, что даже вечно опаздывающий техник уже был бы на месте со своим неизменным «Старбаксом» в руках.

– Ну и...?

– Ни одного человека. Как сейчас. Похоже, что я никуда не переместился. Сколько ребят обычно работает в лаборатории?

– Ты меня спрашиваешь, босс? Двадцать, включая тебя.

161

– Ну, так вот... Сначала все заволочло каким-то туманом, как через облако летел. Потом рассеялось... Картинка была четкая. Не меньше минуты наблюдал. Все на своих местах, но людей нигде нет! Это в одиннадцать-то часов!

В нашей лаборатории! Ни живой души, ни мертвой! Только ты, извини, старина, сидишь в этом же кресле и крутишь, как сейчас, нетерпеливо головой, поглядывая на часы. И цифры на стенном календаре показывают сегодняшнюю дату –

31 декабря.

Помолчали. Джон сказал через какое-то время с горечью:

– Терпеть не могу проигрывать... Тем более по-крупному. Сколько лет впустую! Я ведь душу в этот проект вложил и состояние. Не понимаю! Уверен, что в расчетах не ошибся. Почему не получилось? Все должно было получиться! Но... не получилось! – прокричал он в ярости на разные лады. – Я тут по-буду, – добавил он резким приказным тоном. – Ты езжай домой. Завтра все сам

ребятам сообщу, а сегодня... Не будем портить им праздник.

Когда Грегори вышел из лаборатории, Джон заметил оставленные помощником, видимо, второпях и от расстройства, бутылки виски и шампанского.

Алкоголь и Джон не любили друг друга, но тут он подумал:

– Вот и хорошо! Дар вовремя, – ученый вздохнул, сел за свой рабочий стол и задумался.

Его грустные размышления с вплетенными в них изящными математическими формулами, в сопровождении прекрасной симфонии тишины были прерваны телефонным звонком.

– Джойс! Вот уж не ожидал... Что? Как не будем больше встречаться?

В трубке раздались гудки. С минуту Джон еще подержал ее в затрясшейся руке, потом швырнул, как бейсбольный мяч, в ближнюю от себя стену.

Источник плохих новостей жалобно пискнул в последний раз и с треском разлетелся на несколько частей.

– Наверно, Грегори проболтался... Понимаю. Не любишь неудачников.
Я сам их не люблю.

Он начал распечатывать бутылку.

Через полчаса в лаборатории опять зазвонил телефон. В этот раз на соседнем с Джоном столе Грега.

– Джон! Это я! Ты еще там? Подними трубку. С нашим лифтом что-то не так. Еле доехал. Дребезжал и дергался до самого первого этажа. Один раз так тряхнуло, думал, что все! Техник запретил им пользоваться. Ты на грузовом спустился, от греха. Есть еще один в дальнем конце... А завтра я...

Джон поднял трубку.

– Ты знаешь, я тут уже немного принял... Где этот лифт? Так далеко?

Тогда я лучше на грузовом. В моем теперешнем состоянии тащиться через весь
162

этаж... Почему не поднимаю трубку? А! Мой телефон разбился... Упал... об стенку... Нет! Со мной... пока все в порядке. Оставь меня в покое... Эй! И какого черта ты проболтался Джойс?

Но Грегори на другом конце уже положил трубку, и ответа ученый не дождался.

Джон невольно сравнил себя с китом, выброшенным на берег. Сил, кажется, много, но обстоятельства складываются так, что вернуться в родную

среду не представляется возможным. Да и... что-то не очень хочется. Нет! Он ни о чем не жалел. Попробовал в своей жизни предостаточно. Даже в будущее вот пытался заглянуть... Осталась только одна манящая его дверь, к которой он хоть и приближался не раз из-за вспыльчивого характера, но приоткрыть опасался... Теперь можно...

Выпитый алкоголь – вечное топливо необдуманных решений – уже

дразнил, задавал вопросы, сам давал ответы, выбирая, как всегда, самые не-верные. –

Проиграл на всех фронтах! Продул! Может, хоть оставленные мной

деньги принесут кому-то радость. А мне они больше не понадобятся. Что там Грегори говорил про неисправный лифт?

Джон неловко встал с дивана и, пошатываясь, направился к двери.

Под утро в квартире Грегори раздался резкий тревожный звонок. Чтобы поздравить с Новым годом, так рано не звонят.

– Да, я это. Да! Этим лифтом пользуется только наш этаж. Мы пере-возим на нем оборудование... Да, я уходил последним, но там оставался Джон

Денвер – руководитель лаборатории... А почему вы спра... Упал??? Я сейчас приеду.

Лейтенант полиции дал указание, и Грегори пропустили в здание.

– Сначала мы позвонили мистеру Денверу, но у него только автоответчик. Потом – вам, как второму после Джона, указанному в документах, – рассказывал офицер, пока они шли к дальнему крылу здания, где располагалась

шахта грузового лифта.

– Сверху еще попадали какие-то тяжеленные металлические конструкции и механизмы. Мы пока не приступили к разбору обломков, но по виду спрес-сованной до размеров чемодана, рухнувшей с 50-го этажа кабины и по количеству вытекшей из нее крови ясно, что выживших там нет.

Грегори молча смотрел на образовавшуюся на полу холла гигантскую темную лужу...

163

В 11:10 Грег вошел в зал заседаний, где уже собралась вся лаборатория, и тихонько встал рядом с прекрасной заплаканной Джойс. Жестами извинился за опоздание. Адвокат должен был объявить, согласно завещанию, о

дальнейшей судьбе лаборатории.

Бедный Джон! Так ничего и не понял. Он был невероятно добрым, но в подруги выбрал... не ту. Грегори не сомневался, что, возглавив лабораторию, с полученными деньгами и своей внешностью сумеет завоевать, со временем, сердце Джойс.

«Не надо путешествовать в будущее, чтобы его знать», – довольно думал он про себя, трогая плотный конверт в своем кармане. В нем, грея его душу, лежала копия завещания, которую ему передал лично Джон со словами:

– Я доверяю тебе так же, как своему адвокату. Даже больше!

Ученый, сознавая опасность эксперимента, в случае своей смерти оставлял имеющееся у него состояние людям, которых любил больше всего – Грегори и Джойс. Крупные суммы должны были получить также и все остальные участники проекта.

Грегори никогда не сомневался в гениальности Джона. Так же, как и в его наивности. Ребенка было труднее обвести вокруг пальца, чем его заумного босса. Факт, что физик видел ассистента, сидящего в кресле, означал как раз то, что эксперимент удался. Потому что, как только Джон забрался в аппарат, Грегори для чистоты эксперимента вышел из лаборатории. Он вернулся в нее, когда почувствовал вибрацию отключающихся энергетических установок, и сел

в кресло за минуту до того, как ученый стал выбираться из шара. Претворить план в жизнь оказалось так же легко, как и его придумать. Джон никого и не мог видеть в лаборатории 3 января, потому что... если замысел удался, все должны были быть, вероятней всего, на его похоронах. Или убившего себя, или рухнувшего с лифтом. Судьба выбрала... лифт. Цифры на календаре он просто перевел назад, приехав в лабораторию на несколько минут раньше появления в этой координате Джона. Теперь они показывали день эксперимента – 31 декабря – вместо реального 3-го января. Как будто перемещение не удалось. Сам

он сел в то же самое кресло, в котором и встретил ученого, вернувшегося из путешествия. Если Джон видел его во время перемещения, то это случилось в будущем, которое Грегори так основательно и умело создавал.

– Если ошибусь, то pošлю себе пулю в лоб, – угрюмо обронил как-то

Джон в разговоре со своим помощником в самом начале проекта.

Грегори уже был хорошо знаком с этой чертой характера вспыльчивого Джона, который мог порезать себе вены после проигрыша любимой команды, 164 и... очень на это надеялся. Джойс была для Грегори дополнительным козырем, и он сделал все, чтобы в самый критический момент Джон узнал, что он ошибся...

не только в математических расчетах. Записать в офисе голос Джойс, обращающейся к Джону, и составить из слов нужную комбинацию, добавив ключевую

фразу, произнесенную по его просьбе старой подругой, было делом техники.

Такой двойной потери, по всем расчетам, босс не должен был перенести. На его отчаяние Грегори и рассчитывал, но гарантии, что Джон лишит себя жизни, не было. И тут один почти трагический случай подтолкнул к возникновению дерзкой идеи. За день до назначенного эксперимента он покинул работу, как всегда, последним (нужно было отключить все приборы и закрыть все двери). Закончив

все дела, Грегори вызвал ближайший к нему лифт, который оказался грузовым.

Ассистент рассеянно смотрел на мелькающие цифры проплывающих этажей.

Он думал о своем. О том, что Джон сделает Джойс предложение, и тогда она

будет навеки потеряна... без малейшего шанса. Тяжелые мысли поглощали его, но он не мог не обратить внимания на то, как время от времени дергалась кабина лифта. Так явно не должно было быть. Страдая клаустрофобией, Грегори

всегда панически боялся застрять в шахте. А тут еще его мотало, как при земле-трясении. Здание было построено в 1978 году. И техника по всем меркам была

очень старая, хотя и проверялась каждый год. Добравшись наконец до первого этажа, ассистент немедленно вызвал специалиста по лифтам.

Техник, ежегодно проверяющий состояние подъемного устройства, с изумлением доложил Грегори:

– Это просто чудо, что еще никто не пострадал! Что вы на нем такое перевозили, что тросы развязались, как веревки? Человека-то еще он выдержит, но если на кабину сверху сядет муха... Я этот лифт немедленно обесточиваю и

закрываю. Страшно подумать, что могло произойти!

«31-ое идеально подходило для осуществления плана, – думал Грегори. – Грузы в этот день не доставлялись. Работать по устранению неисправности в праздники никто не собирался, и лифт просто отключили. Опять включить его было делом одной минуты. Я же все это время сопровождал техника

и видел, где и что он там делал на щите электроснабжения. Вызвал лифт в последний раз, наверх. Так сказать, протоптал Джону тропинку к собственной гильотине... А потом...»

Сладкие воспоминания и удовольствие от присутствия рядом его

Джойс были резко прерваны вошедшим в сопровождении адвоката и пожилого полицейского офицера... Джоном! Изумлением эту картину трудно было на-165

звать... Стало так тихо, что было слышно, как добирался до желудка глоток только что выпитого техником кофе.

Джойс, наступив на ногу стоящему у нее на пути Грегори, бросилась к

Джону. За ней – остальные. Ученого хлопали по плечам, толкали в грудь, обнимали все по очереди, радуясь и как бы не веря его такому неожиданному возвращению к жизни.

– Вы, конечно, ждете объяснений. Дайте отдышаться. Сейчас все узнаете.

Эксперимент не удался, как вы уже, наверно, слышали... Личная жизнь тоже рассыпалась на куски, как мне тогда казалось. Напились я так сильно первый раз в своей жизни. Попытался дойти до лифта, но... не смог. Вернулся в лабораторию, держась за стены, и свалился в кресло у своего рабочего стола.

После нескольких безуспешных попыток дотянуться до сейфа, в котором лежал заряженный револьвер, силы оставили меня, и я, откинувшись назад, захрапел... Неравный бой при отсутствии союзника в лице закуски явно выиграло спиртное.

За бутылку, которую ты оставил, друг, чтобы помочь мне поскорее и наверняка добраться до самого дна отчаяния, спасибо! Я, наверно, действительно бы решился на последнюю в своей жизни глупость, но только если бы...

смог вылезти из кресла. Проснулся в середине ночи от мучавшей меня мысли и страшной головной боли... Не знаю, что причина, а что следствие в данном случае. Видимо, и во сне мой мозг, не умеющий отдыхать, продолжал анализировать расчеты и результат. Решил проверить все еще раз. Экспериментально.

Я же ученый, Грегори! Да к тому же пьяный. Полез в аппарат. Включил питание, по старой сетке своих расчетов изменил координату времени и... отправился. Головная боль мгновенно прошла. Когда такое же, как в первом опыте, туманное облако рассеялось, я увидел на мгновение... себя, только почему-то

размером с раскормленного пони, сидящего внутри аппарата. Должно быть, от выпивки – я ведь еще не отошел к тому времени – или от искаженного, не установленно-шего еще пространства так показалось... Клянусь, что мы встретились глазами, и зрачки меня – толстяка – расширились от изумления. Я добавил оборотов в первый десяток вращающихся оболочек, и картинка сразу изменилась. Теперь я видел лабораторию, наполненную нашими ребятами с бокалами в руках, и себя, обнимающего счастливую Джойс. Дата на календаре была 3-е января. Время на часах – 11:30 АМ. Тут энергетический ресурс моего пребывания в будущем иссяк, и я резко, как резинка от эспандера, вернулся в точку отправления.

166

Восторг от открытия смешался в моем мозгу с коктейлем из адреналина и алкоголя.

В пьяной экзальтации, я с неизвестно откуда взявшейся энергией рванулся к клеткам с подопытными животными и начал вывозить их прямо с тяжеленными платформами, на которых они стояли, в коридор, а оттуда – к нашему

рабочему лифту, повторяя совершенно заплетающимся языком: «Нечего этим героям науки здесь больше страдать. Как честный человек, я их усыновляю».

Плана, что с ними делать и как доставить домой на моем «Корвете», у меня не было, но в тот момент мне казалось, что я совершаю благородный поступок.

Вернувшись в лабораторию за последней клеткой с кошками, я услышал страшный грохот и понял, что что-то натворил. Я был совершенно не в состоянии

объясняться тогда с представителями власти и поэтому благообразно добрел до самого дальнего конца этажа и вызвал другой лифт. В гараже я залез в свою машину, собрался с силами и вывел ее на улицу. Ночного охранника подземного гаража нигде не было видно. Видимо, он, как и все, бросился на шум к упавшему лифту.

Машины, к их счастью, попадались мне на пути довольно редко, и я благополучно, очень гордый собой, доехал до дома. Прошу эту часть считать неофициальной, офицер! Вошел через гаражную дверь, так как входной замок отказывался узнавать ключи, которые я ему представлял.

Заснул мгновенно, как только упал, не раздеваясь, на кровать, предварительно выключив телефон.

Проснувшись в полдень и прослушав сообщения, сразу попытался проанализировать случившееся, несмотря на несвежую голову и неспособность вспомнить некоторые временные отрезки в цепи вчерашних событий. Что-то явно было не так. Отрывистые реплики Джойс вспоминались теперь скорее как надерганные из памяти телефонного аппарата куски, умело составленные вместе.

Последняя фраза о необходимости прекратить встречи вообще прозвучала незнакомым голосом, но тогда я отнес это на счет волнения, возникающего у любого приличного человека, который сообщает другому что-то неприятное.

Чтобы во всем этом разобраться, я позвонил давнему другу своего отца – полицейскому детективу О'Нилу – и попросил его приехать. Он немедленно отозвался и, выслушав меня, приступил к собственному расследованию.

Я хочу, чтобы вы слышали о его ходе от самого детектива.

О'Нил, привыкший по службе делать доклады, начал рассказывать: 167

– Я как увидел его секретаршу, сразу подумал о «женской версии». Я старый циничный и скучный человек. Вместо того чтобы эстетически наслаждаться, встречаясь с красотой, невольно начинаю жалеть ее мужа. Я знаю точно, что рано или поздно дамочка начнет злиться на него за то, что тот не видит

ее прелестей так же, как воздыхатель из соседнего отдела. Натиск мужчины, встречающегося внезапно с восхитительной женщиной, которая пахнет не ти-пографской краской мужских журналов, а... духами, может быть неотразимым.

Мой отец говорил мне в свое время: «Билл, посмотри на себя в зеркало и... найди такую же. Только тогда ты будешь счастлив». Аминь моему старику и спасибо. На мою Жаннет за все годы нашей совместной жизни внимательно посмотрел только остановивший нас за превышение скорости полицейский соседнего штата, куда мы отправлялись на медовый месяц. Узнав, куда и зачем мы

едем, он, взглянув на мою жену, отдал мне честь и отпустил со словами: «Я не могу наказать вас больше, сэр». Но кто бы знал, что она умеет подарить своему мужу в постели! Нашедшему настоящий бриллиант трудно убедить остальных, что они видят только его сияние... Извините за отступление. Стар становлюсь

и сентиментален. Того и гляди, скоро с преступниками начну обниматься. Пора, похоже, на пенсию. Я сразу обзвонил всех сотрудников и легко установил, что

не было ни одного, кто не вздыхал бы с разной интенсивностью по Джойс. С ней я связался в первую очередь, кстати. Все знали только, что Джон упал в лифте и разбился. Звонить ему по телефону никто, разумеется, не стал. Это было бы не меньшей глупостью, чем приставать в баре к жене главаря шайки байкеров или босса итальянской мафии. Так что числился он... усопшим, и славненько. Я посчитал разумным на период установления истины в интересах расследования, хоть и частного, не переубеждать никого в обратном. Они же не знали, что

это была кровь пострадавших за науку животных, а не Джона! Джойс, бедняжка, прости старика, плакала, разрывая мое и без того больное сердце. Я спросил

ее осторожно, почему она решила порвать с Джонни, и тут же получил подтверждение, что парень не зря сомневался в подлинности телефонного звонка.

Девушка понятия не имела, о чем я ее спрашивал. Налицо был злой умысел.

Круг подозреваемых значительно сузился, когда в ответ на мой вопрос

Джойс назвала самого настойчивого воздыхателя. А когда позже, хорошенько

подумав, Джон вспомнил, что сообщил о своем намерении сделать предложение только одному человеку, я, уже не сомневаясь, мог назвать имя злодея, этого неожиданного и таинственного палача. Тем более мне удалось установить

еще кое-что... Имя его...

Джон жестом остановил детектива.

– Я остался жив, хотя должен был погибнуть. Не хочу крови, даже виртуальной.

Поэтому, так как о случившемся никто, кроме нас, не знает, я хочу от-168

пустить этого... к... чертовой матери. Грег, ты уволен, – с интонацией Дональда

Трампа сказал Джон, глядя в бледное лицо своего бывшего помощника. – Пошел вон!

– Э-э-э... То, что о расследовании никто не знает... Это не совсем так, –

немного виновато вставил слово детектив, останавливая за плечи торопяще-гося уйти

Грегори. – Мне же нужно было побывать у тебя на этаже, а его уже

опечатали. Пришлось обратиться за помощью к местным властям, занятым

расследованием и... поделиться информацией. В конце концов... я полицейский, Джон!

Одно дело, когда лифт просто падает, другое – когда в него перед падением пытаются кого-то завлечь. Тем более сына моего старого друга, – ворчливо добавил О’Нил про себя, направляясь к двери. – Лейтенант, – крикнул он, слегка приоткрыв ее.

Боком, еле помещаясь в проеме, вошли двое крепких ребят-полицейских и направились к Грегори. Прочитав ему права, они надели на него

наручники и вывели из зала.

О’Нил продолжил спокойно:

– Начальник охраны сообщил мне, что кто-то пытался проникнуть в опе-чатанную в то же утро лабораторию, но его спугнули. Помнишь, Джонни, Грег посоветовал тебе воспользоваться грузовым лифтом? Видимо, позже он со-образил, что первая часть разговора, до того как ты поднял трубку, осталась на автоответчике, и попытался избавиться от улики. Я это сообщение потом прослушал и сделал на всякий случай копию. Хладнокровный мерзавец! Его, конечно, отпустят, – с сарказмом продолжал О’Нил, – если он сумеет внятно объяснить, зачем убрал запрещающий знак и ограждение от неисправного лифта и перенес их к нормально работающему. Там камера... маленькая такая стояла. Они у них в здании во всех коридорах после сентябрьских событий установлены.

– А то, что ты мне сказал... ну, про эту машину времени... Это, конечно, шутка? – спросил, улыбаясь, детектив, крепко пожимая Джону руку на прощание.

– Ну, кто в такие сказки верит в наше время! – обводя засмеявшихся коллег озорными глазами, ответил Джон.

Когда детектив вышел, Джон продолжил:

– Не зная, как отреагирует время на изменения, внесенные в его ход, я решил не искушать судьбу и не мешать планам Грегори. Я попросил детектива, и он позаботился о том, чтобы блокада этажа была снята, и мой «помощник» мог беспрепятственно появиться сегодня в лаборатории и проделать свое шоу с календарем и сидением в кресле. Поэтому он и... припозднился. Вот и вся история.

169

После этого все вернулись в лабораторию, оживленно обсуждая про-исшедшие события. Когда доставили заказанное их щедрым боссом шампан-ское, ребята разлили его по бокалам и радостно бросились поздравлять друг друга с успехом. Раскрасневшаяся и счастливая Джойс обняла под аплодис-менты Джона. На ее пальце чуть тусклее, чем ее сияющие глаза засверкало камнем обручальное кольцо. Дата на календаре была 3-е января. Время на часах – 11:30 утра.

– И это ученые??? Тупаки! И он, и я! Все удивленно повернулись к Джону.

– Мог ведь сразу догадаться, в тот же день! А еще учу вас обращать внимание на детали и мелочи!

– Что ты имеешь в виду, босс, объясни, – зашумели ребята.

– 31-го декабря этот... кретин носил веселенький красный с зелеными елочками галстук, а я видел его в строгом черном, соответствующем моменту! Не мог же он припереться сюда на чтение завещания одетым, как на Новый год! А сменить галстук на красный, когда сел в кресло, видимо, забыл!

В это же самое время...

Люди, одновременно начавшие свой бег со стартовой линии жизни, с теми же лицами и именами, но... живущие в прилежащих друг к другу вселен-ных. Как далеко разойдутся их пути по устремляющейся от настоящего в разные стороны кроне дерева времени?

С высоты пятидесятого этажа ночной Лос-Анжелес выглядел как ги-гантский аэродром, разделенный огнями на мириады взлетных полос. Летаю-щими шариками светлячков неуго-мимо мерцали в плотном, как туман, воздухе вертолеты полиции и новостей. Они медленно, лениво и, казалось, бессмысленно пере-мещались в мутном пространстве задыхающегося от смога города.

Джон отошел от окна и, пыхтя на каждом шагу, вернул в лабораторию

свое почти двухсоткилограммовое тело. Подготовка эксперимента подходила к концу. Завтра о Джоне узнают все!

Продолжение альтернативного окончания следует...

170

сМЕРТЬ ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

Джимми Нортон летал уже более 35 лет. Он любил свою работу, а компания за это любила его. Опытный пилот никогда не отказывался от дальних

рейсов. Ждать скитальца было некому, и парадокс времени его не волновал.

Встречаться с новыми людьми после каждого такого перелета стало привычным и даже в какой-то степени желанным. Интересные вещи, приспособления и

игры, появившиеся за время отсутствия капитана на Земле, страшно забавляли

его, и он не жалел галактической валюты на их приобретение. Джимми мог в

любой момент оставить полеты и успокоиться на одной из хорошо колонизированных

планет со всеми воображаемыми удобствами, но решил гонять свой

грузоход до тех пор, пока тот совсем не устареет. Ждать, если быть честным, осталось

не так уж много.

Для получения этого полетного задания капитана почему-то вызвали

в Центр. Обычно сроки и координаты ему сообщали привычным, электронным

путем. Когда Джимми заглянул в кабинет своего начальника, тот сам вышел к

нему навстречу, обнял и предложил присесть.

– Здравствуй, старина! Полазил тут по твоему делу, пока ждал...

– Начальство заглядывает в рабочий файл, чтобы или наказать, или

наградить, – шутливо перебил своего босса Джимми. – Наказывать меня, насколько я знаю, не за что. Для экономии времени и зная вашу занятость... Где

моя награда?

– Поэтому тебя так любят на флоте! Всегда шутишь. А дело действительно есть, и серьезное. Чтобы не обидеть, вызвал тебя с глазу на глаз. Нам

нужно послать судно на 56D7.

У Джимми сжались челюсти, как будто он только что перекусил зубами красный провод от взрывного устройства вместо синего и теперь ожидал

взрыва. – Да, именно 56D7. Знаю, что больно! Поэтому не приказываю, а прошу. Руду на

планете в найденном нами месторождении, согласно последнему

рапорту, всю выработали. Мы послали туда два экипажа забрать оборудование, но ни

один из них не вернулся. У нас не такой большой парк грузовиков, и махнуть рукой на потерю... В любом случае надо выяснить, что произошло! Оба

экипажа возглавляли опытные капитаны! Непонятно!

Начальник лукаво посмотрел на Джимми.

– Я связался с Томом Хадсоном, и он сразу согласился пойти с тобой

помощником.

171

– Вы действительно хорошо меня знаете! Старый, верный друг Том.

Мы не виделись с ним уже несколько лет. Вот и награда, которую я требовал.

Когда лететь?

Грузовичок был старый, но исправно таскал свое карго от указанных

в маршруте планет до Луны. Пока он неспешно разгружался, Джимми Нортон

летал на Землю, где с детским интересом гонял по магазинам. Его возбуждали

происходящие в его отсутствие перемены, и жизнь казалась заслуживающей

того, чтобы он ее лично и с удовольствием прожил. Много хорошего, а иногда

и страшного встретилось на его пути за эти годы. Награды, потери, любовь.

Джимми ни о чем не жалел... или почти ни о чем.

Грузоход медленно двигался, согласно правилам движения в пределах Солнечной системы. Экипаж готовился к переходу в режим световых скоростей, а капитан – к самому тяжелому воспоминанию из своего прошлого.

– А она была красивая, – нарушил тишину Том, как всегда безошибочно читая мысли и настроение своего друга. – Мы все были влюблены в нее, но выбрала девчонка тебя! Сколько вы были женаты? Хм... Лет 5, наверно. Откуда

этот... появился? Помню только, что с разведчиками! Может, ее романтика по-корила? Не то, что таскать руду и посылки на рассыпающемся грузовозе!

– Мы прожили 10 лет, и он был ученым-биологом. Трепло!

– Ну вот! – обрадовался Том. – Иначе из тебя ничего не вытянешь. Приходится хитрить! Не обижайся, Джим. Надо, чтобы отпустило. Ты столько лет

держишь это в себе. Выговорись!

– Спасибо! Жизнь не зря прожита, если есть в ней хоть один такой друг, как ты! Переход прошел более-менее удачно. Почти все системы рапортовали бойко, поврежденные самовосстанавливались. Капитан с помощником готовились к входу в пространство звездной группы 56D7, состоящей из одной

обитаемой и пяти мертвых, незаселенных планет. Через несколько часов приблизились к Альфе, на которой располагались рудники и колония. На орбите

голубоватого шарика вращались два не отвечающие на запросы грузовика.

– Сколько раз проделывал это, а каждый раз прощаюсь мысленно со всем дорогим моему сердцу, – рассуждал капитан. – На вопросы об ощущениях при полетах на световых скоростях я всегда отвечаю: это абсурд – спрашивать человека, который даже не знает, чем он во время этого становится. Все равно что наводить справки о том, что чувствует мысль. Говорят, скоро перейдут на скольжение по черным дырам вместо фотоновых движков, но, по мне, если честно, к свету все же лучше, чем в темноту! Случись что, я бы предпочел...

Приближаемся? Доложите о готовности!

172

Тут явно не любили гостей, и, судя по запущенному состоянию космо-порта, прилетающих было мало, если... они вообще были. В реестре освоенных

и колонизированных планет 56D7 до сих пор числилась необитаемой.

– Неудивительно, что здесь так тихо, – думал Джимми, уверенно приземляясь на старомодной площадке. – Просто так сюда никто не полетит –

слишком далеко. В случае неисправности искать помощи или отдыха на ненаселенной планете тем более не имеет смысла.

Прибытие грузохода было, похоже, неожиданным для колонии. Никого нигде не было видно. Джимми и его помощник сели в допотопный магнитный транспортер и довольно быстро домчались до главного здания. Здесь уже царил порядок. Обслуживающая техника последнего поколения поддерживала в помещении почти стерильные условия.

– Добро пожаловать, – сказала приятная молодая девушка, встречая прилетевших. – Я Мэгги!

– Джеймс Нортон и Томас Хадсон, – представились капитан и помощник. – Мы посылали с орбиты запросы о посадке, но ответа не получили. Пришлось ориентироваться самим. Нам необходимо увидеться и побеседовать с

руководителем колонии.

– Нашим мэром? Я ей немедленно сообщу, – быстро ответила девушка. – Подождите, пожалуйста, здесь.

Через несколько минут Мэгги вернулась и предложила:

– Пожалуйста, следуйте за мной. Я вас провожу.

Вместе с девушкой все спустились на лифте в хорошо освещенное и обильно украшенное живыми растениями и деревьями помещение. Мэгги под-вела их к массивной двери и приветливо показала на нее рукой, приглашая войти. Джим едва дотронулся до темной поверхности двери, и она открылась.

– Входите, господа.

Увидев сидящую за столом кабинета женщину, оба посетителя, не сговариваясь, замерли на пороге. На них спокойно смотрела из глубины своего

кресла Марта, бывшая жена капитана Нортон! Жена, по всем известным им пока законам природы, умершая много лет тому назад. Ей должно было быть не меньше ста с лишним лет. Женщина же выглядела не старше двадцати пяти-тридцати.

Она встала из-за стола и радушным жестом пригласила сесть.

– Похожа? Не удивляйтесь. Меня зовут Линда Мэй, и я внучка вашей бывшей жены, капитан, и мэр этой колонии.

– Да уж, – отмерзая от пола и поглядывая друг на друга, неловко заулы-бались гости.

– «Похожа» – не то слово. Я думал, Джим... мой неустрашимый и муже-ственный друг шлепнется сейчас в обморок, – приходя в себя, отозвался Том

Тернер. – Если есть еще сюрпризы, то лучше давайте выкладывайте сразу.

173

– Если только приятные, – успокаивающе продолжила женщина. – Вы ведь за оборудованием и остатками добытой руды прибыли, не так ли? Все давно готово и находится в грузовозах, выведенных на орбиту. Отдохните, за-бирайте ваше хозяйство и... можете лететь домой. Хорошие новости, верно? Не надо ждать погрузок и терять время. Ну...?

Женщина выжидающе смотрела на пилотов.

– Разве вы не довольны?

Капитан подошел к ближайшему от женщины креслу, сел в него и серьезно ответил:

– Конечно, рад! Но и у меня к вам один вопрос. Простой. Где экипажи двух грузоходов? Это не меньше 30 человек. Слоники бегают по орбите, а по-гонщиков нигде не видно.

– У меня есть на это ответ, мистер Нортон. Простой. Они все решили остаться. Им здесь нравится, и оба экипажа просили передать, что они уволи-лись по собственному... как это у вас говорят?..

– Надеюсь, вы понимаете, что мой статус официального представителя компании, в чьей собственности здесь все пока находится, позволяет мне принимать решения и вести дела так, как я считаю нужным. Покажите, где можем расположиться мы и прибывающие следом члены экипажа. И настоятельно рекомендую содействовать в предстоящем возложенном на меня расследовании всех обстоятельств. Завтра я хочу встретиться с каждым членом экипажа в отдельности. И... посетить местное кладбище, где, как я полагаю, похоронены некоторые из моих товарищей, с которыми мы начинали освоение этой станции.

– Конечно, мистер Нортон! Мы все к вашим услугам в любое время. Я не меньше вас заинтересована в том, чтобы вы убедились, что все именно так, как я рассказала.

Расположившись в предоставленной им комнате и оставшись одни, пилоты изумленно смотрели по сторонам.

– Ты хоть что-нибудь понимаешь?

– Достаточно. Нас водят за нос!

– Я вызываю еще несколько парней с нашего грузохода. Пусть ходят везде, приглядываются и собирают информацию. Глядишь, что-то и найдут.

Прибывшие с базового корабля два члена экипажа толкались и дрались под столом ногами, в то же время серьезно и внимательно глядя на ин-структирующего их начальника.

– Дети. Совсем еще дети, – наблюдая за ними, думал Джим. – Ребятки!

Послушайте меня. Тут что-то происходит. Мы не знаем пока подробностей. По-бродите... Суйте везде свои длинные и любопытные носы. Вот это, – капитан

высыпал каждому в ладонь горсть маленьких, как горошек, шариков, – камеры. –

«Глаз мухи» называется. Их можно оставлять где угодно: налеплять на стену, 174

под стол, бросать на потолок. Они будут передавать на ваши браслеты связи

визуальную и звуковую информацию с мест, где вы их оставили, в виде довольно качественных для игрушки голограмм. Будьте внимательны к мелочам

и, главное, разговорам. За работу. Вот вы все смеялись над моими игрушками, а купол, поглощающий, согласно инструкции, даже звук выстрела, вполне при-годился, – сказал он

довольно. – Я не пробовал стрелять, находясь внутри, но

уверен, что это наше совещание не было подслушано.

Джим нажал кнопку на плоской коробочке, лежащей на столе, и мутно-ватая дымка над сидящими рассеялась.

Сначала посетили кладбище. Табличек с именами на земле было совсем мало. Ни одного цветка. Грунт мягкий и, казалось, что трава была только

что уложена.

– Не похоже, что сюда вообще кто-то ходит, – сказал один из ребят. – И

на таблички посмотрите. Они совершенно новые. Разве всех этих людей по-хоронили в одно время?

– И даже не запылились, – добавил другой юноша.

– Молодцы, заметили, – похвалил помощник.

Капитан направлялся в сопровождении Линды Мэй в конференц-зал.

Сначала они спустились за сопроводительными документами и списком коло-нистов в кабинет мэра. Непосредственно с ним соседствовало небольшое и не-понятное по назначению помещение. Толстые хрустальные стекла. Полумрак

внутри. Джим Нортон попросил хозяйку познакомить его с устройством и содер-жанием

этого сооружения, но она пообещала это сделать сразу после встречи

с людьми, так как все уже собрались и ждут.

В назначенное капитаном время в маленьком конференц-зале собралась почти вся коло-ния. Он вглядывался в сидящих перед ним людей и пора-жался все больше и больше. На него смотрели только молодые и энергичные

лица. Как ни старались присутствующие искусственно, по только им самим по-нятным причинам, выглядеть старше, у них это получилось бездарно.

– Хорошо выглядите, – начал капитан.

Молчание. Наконец один человек в надвинутом на глаза капюшоне

встал и громко с вызовом сказал:

– Меня зовут Дэвид. Вы уже слышали, мистер Нортон, что мы остались

здесь по своей воле. Каждый из нас может это подтвердить. Грузовики перебро-сят без

проблем ваши ребята, а нас просим оставить в покое. Вы улетите, и мы

уничтожим посадочные приемные блоки. Нам и без гостей хорошо. Я выразил

мнение всех. Теперь можете уходить.

175

– Я не оспариваю ваше решение или право, как хотите, на выбор того, как прожить свою жизнь. Только вот я не всех членов экипажей здесь вижу.

Где, например, капитан Нейман – мой друг – и его помощник Густав?

– Несчастный случай при погрузке, – сразу ответил Дэвид.

– Их нет среди похороненных на кладбище.

– Еще не успели.

– Я хочу забрать их тела.

– Они здесь погибли, здесь и останутся. Если вопросов больше нет, мы бы попросили вас и ваших людей покинуть колонию. По-хорошему.

– Ладно! Я и сам вижу, что силком здесь никого не держат. Не думаю, что приличные люди поступают так с не принадлежащим им имуществом. Потеря двух грузоходов могла разорить компанию. Не знаю, что заставило вас так

поступить, но это останется на вашей совести. Надеюсь, есть для того веские причины. Последние слова развеселили собравшихся, и они довольно захохотали: – Не

сомневайся, дедуля. Имеются! Лети домой и забудь сюда дорогу.

Мы о себе позаботимся.

Джимми Нортон объявил общий сбор своего экипажа и покинул конференц-зал.

Флот, состоящий из трех судов, покидал пространство звездной группы

56D7. – Ну, Том? Давай рассказывай, как это тебе удалось, – попросил капитан. – То, что ты сделал, – совершенно невероятно!

– Только кажется! На меня мало обращали внимания, когда я загружал уже ненужные им старые файлы о количестве и качестве добытой руды, затраченном времени, материалах и такой же сопутствующей информации. Они

же не знали, что систему контроля и памяти изначально устанавливал я, как только мы сюда первый раз прибыли. Ее ведь никогда не меняли полностью, а

только усовершенствовали и расширяли. Главное, чтобы был хвостик, за который можно потянуть. Ну, я и потянул. И... выдернул кита! Выступающий за всех

на встрече оказался биологом, который увел твою жену. Интересная зверушка у

него была помимо Марты! Чтоб ему... Прости, Джим! Гад он, конечно, но мужик

с головой! Наблюдательный! Заметил, что один вид мелких млекопитающих животных, который он изучал, в естественных условиях из-за сверхъестественной

ядовитости совершенно не подчинялся законам старения. А точнее, тот вид, который жил у маленького озера, где располагалась его лаборатория. В других

местах обитания эти животные почему-то и старели и умирали. У тех и дру-176

гих были естественные природные враги. Животные рождались и... съедались.

Поэтому феномен не был сразу замечен. До Дэвида! Он обнаружил не только

это. А саму причину, рождающую феномен. Время от времени наблюдаемые

им животные поедали икринки, снесенные никогда не виданным им ранее видом земноводных, похожим на лягушку с щупальцами и живущим в воде этого

озера. Он поймал несколько штук и начал наблюдать. Очень вовремя, так как в

атмосферу планеты был какой-то катастрофический техногенный выброс. Над

озером прошел дождик из зеленых тучек, и лягушка пропала. Бесследно. Это

все я прочитал в его дневниках, которые скачал себе вместе с другой информацией. Иду дальше. Жить на загрязненной планете было невозможно, и биолог начал подыскивать подхо-

дядшую среду обитания для себя и, понятное дело, питомцев. Вот тут он столкнулся с неожиданной проблемой. Первое – в хорошо

устроенные миры с животными с другой планеты его бы ни за что не впустили, и второе – не везде лягушкам нравилось. К его ужасу, они начали умирать. Кло-нированные особи

почему-то не производили икру. Тогда-то Дэвид и поставил

свой первый эксперимент на себе. Съел одну твердую, как яйцо, икринку. Не

буду утомлять долгим описанием. Тело биолога стало омолаживать и лечить себя. Попробовал на других животных. На старого кота уже ничего не действовало. Мышка, которой он тоже скормил икринку, вела себя отлично. Неутомима и бодра! И тут... Примерно через год она начала стареть. Невероятно быстро.

Буквально по дням. Получив новую «дозу», в 24 часа вернулась в прежнее состояние. То же испытал и биолог, но через 2 года. Теперь Дэвид точно знал, что произойдет с ним, если животные погибнут, а он не найдет подходящее место жительства. Лучший способ – это путешествовать с разведчиками. Много планет. Никакого осмотра. Так он оказался с последним экземпляром на 56D7, и

здесь лягушке наконец понравилось! И не только, как мы понимаем, ей! Знаешь, что твоя жена нашла в невзрачном биологе? Там, в файлах, была голограмма-письмо, которая многое объяснила. В нем Марта говорила: «Ты дал мне то, от

чего ни одна женщина не сможет отказаться – вечную молодость и красоту».

– Правда! Какая женщина устояла бы перед таким подарком! – сказал

Джим. – Спасибо, друг! Теперь мне легче понять ее и простить. А остальные как купились?

– Вдвоем жить на планете, даже с роботами, не очень-то весело. Вот они и предложили стареющим «ребятам» с грузоходов присоединиться, а как те согласились и опробовали угощение, обратного пути у них уже не было. Лягушка эта несет около 50 икринок в год. Вот и считай. Несколько нужны для самой твари. Чуть больше 30 человек в самый раз. С запасом!

Джимми! Что ты хочешь, чтобы я сделал со всей этой памятью?

– Сотри. Пусть живут, как им нравится...

– Я так и думал!

177

– Том! А ты сразу узнал Марту, как и я?

– Конечно! Помнишь, однажды нас здорово потрянуло при посадке, и она сильно поранила запястье. Я сам зашивал ей рану. Мне ли не узнать свою работу! Когда она приглашала нас присесть, то вытянула руку, и я увидел еле заметные следы знакомой штопки. И ее знаменитую родинку в форме сердца...

Ты с чем предпочитаешь спагетти на ужин? С креветками или грибами?

– О чем это они говорили? – спросил с небольшим, но заметным на-пряжением в голосе один молодой навигатор другого.

– Ты же сам слышал: про лягушку какую-то, несущую яйца. Я не особо обращаю внимание, о чем старики треплются. Скучные они! У меня своих дел хватает. – Пообещай, что не расскажешь никому. Особенно нашим дедам.

– Ты мне брат родной или кто? Выкладывай, не бойся!

– Капитан дал мне задание – крутить головой и замечать все необычное. Смотрю, красотка Линда постоянно с одним типом в капюшоне шепчется.

Я и накидал вокруг ее кабинета дедовых шариков. Слышу, эти двое разговаривают про лягушку, чтобы мы, не дай Бог ее обнаружили. Парень смеется, мол, даже если увидят, все равно никогда не догадаются. И еще говорит: «Я каждый

день на двери коды меняю. Разве можно такое запомнить». И давай цифрами

сыпать. Думаю, интересно! Может, это то, что дед наш разыскивает? Шариков-то я густо набросал, по всем коридорам. Все видно и слышно. Подождал, пока

они поднялись в основное крыло, и сразу к кабинету. Нашел я эту дверцу, запись прослушал, и без проблем набрал код. Думаю, надо скорее разыскать то, о чем они говорили. Смотрю, что-то в стеклянной коробке светится. Я крышку

приоткрыл, заглядываю, и тут эта штука... Я же не знал, что ожидать... При-соской какой-то мне прямо ко лбу. Врать не буду – испугался. Отодрал я ее в секунду, бросил на пол со всей силы, да еще ногой для верности... пару раз.

Хрястнуло что-то. Я оглянулся по сторонам. Поднял эту... обмякшую с пола и в коробку обратно бросил. Выбежал, а тут наши срочный сбор объявили. Рассказывать уже некогда было, взлетели. Смотри, если проболтаешься, братишка!

– Зачем мне? Да и подумаешь, лягушка какая-то! Давай лучше к свето-вому прыжку готовиться.

178

содержАние

Аленький цветочек

1

Последнее пари актрисы

10

Собрание, или Таежный инцидент

18

Кража

23

София

26

Чудо

38

Мсть по правилам или угол падения мести равен...

44

Широка душа моя родная

50

How do you do, Журавлевы?

54

Ищу любимого

57

Самый главный закон

87

Техасский вечер

90

Цена доброго дела

92

Маленькая разбойница

94

Изменщик по сентяблям

100

Теория вероятности

102

Прости. Забудь. Прощай

111

Сверчок

138

Три Маши и... ни одного медведя

139

Мелодия, подарившая жизнь

144

Простите за неудобства

147

Любовь без права передачи

149

Невозвращенец

156

Нам не дано предугадать... как время наше отзовется

160

Смерть длиною в жизнь

171

179

Литературно-художественное издание

Коротяев Алексей Львович

прости. забудь. прощай

Редактура, корректура – Людмила Галаганова.

Дизайн, обложка и вёрстка – Алексей Караковский.

Художественное оформление – Ксения Кузьева, Наталья Крылова.

Подписано в печать 06.11.11.

Гарнитура «Ариал». Формат 60х84/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 600 экземпляров. Заказ № 56.

180

181

182

183